

Владимир Войнович

ЗА РОДИНУ!

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ

Владимир Войнович

ЗА РОДИНУ!

Неопубликованное

Москва

«Издательство «ПЛАНЕТА»

2019

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)
В65

Над книгой работали:
Анна Ионова, Степан Лианозов

Особая признательность:
Екатерине Романкиной, Эдуарду Чумакову

Главный редактор:
Антон Антонов-Овсеенко

Используются фотографии: Антона Антонова-Овсеенко, Майи Беленькой, Светланы Березницкой, Бориса Львовича, Бориса Райтшустера, Аллы Суриковой, редакции радиостанции «Свобода» в Москве, Владимира Шубина, Центра Стаса Намина, Ирины Ясиной

ISBN 978-5-6042767-5-4

Войнович В. Н.

В65 За Родину! Неопубликованное. – М.: ООО «Издательство «ПЛАНЕТА», 2019. – 248 с.

В издании, состоящем из двух частей, публикуются проза и стихи классика русской литературы, обнаруженные в его архиве посмертно, а также воспоминания его современников – деятелей культуры, ученых, государственных и общественных деятелей, чье творчество и труды известны как в России, так и за ее пределами.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-6042767-5-4

© Светлана Колесниченко, 2019
© Степан Лианозов, 2019
© ООО «Издательство «ПЛАНЕТА», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Светлана Колесниченко

Мой Войнович. Вместо предисловия7

ЛЮДИ ГОВОРЯТ 19

Ольга Аминова. Мне несказанно повезло 20

Антон Антонов-Овсеенко. Здравствуй, Тончик.

Это дядя Володя 31

Майя Беленькая.

Войнович улыбается 38

«Чаевые» от Войновича 48

Дмитрий Быков. Чистый художник..... 53

Алла Гербер. Быть предельно честным 58

Александр Городницкий. Бесстрашный серб 65

Анатолий Гладилин. К юбилею..... 68

Михаил Горбачев.

Пусть упражняется публика! 69

Вероника Долина. Самый первый..... 72

Михаил Долоко.

Майка легко воспламеняющаяся 75

Виктор Есипов. Частные предвидения 80

Юрий Зарубин, Светлана Березницкая.	
Народный Войнович России	87
Игорь Иртеньев. Нет! Я выпью здесь!.....	100
Елена Камбурова. Любовь от соседа.....	103
Юлий Ким. Уловить этот тон	107
Алексей Кирющенко.	
Как же можно с «Рати» брать пример?!	109
Игорь Кохановский.	
Мы чужие на их празднике жизни	116
Борис Львович.	
И в нашу гавань заходили корабли	121
Дмитрий Муратов. Иронический удачник.....	127
Стас Намин. С ним – в разведку.....	136
Ирина Петрова. Рукописи не горят.....	139
Борис Райтшустер.	
По-русски с немецким акцентом.....	142
Дина Рубина. Из другой книги	146
Наталья Синдеева. Блеск в глазах.....	149
Вениамин Смехов. Солдатствующий генерал	151
Алла Сурикова. За что я люблю Войновича	168
Кира Сурикова.	
Большой писатель и большой гражданин	172

Людмила Телень. Он к себе всерьёз не относился	174
Виктория Токарева. Поздняя любовь	178
Людмила Улицкая. Просто писатель	199
Яков Уринсон. Удивительный человек	202
Геннадий Хазанов.	
Большой камень с хорошим чувством юмора	209
Виктор Шендерович. Честное слово	212
Евгений Ясин. Жизнь на другом уровне	216
Ирина Ясина. Как зарождается сюжет	222
 Владимир Войнович.	
Неопубликованное	225
Альтернатива	226
Вещий Олег	226
Вот я писатель	228
Госдура	233
Господа подхалимы	234
Депутат Пизулина	236
Неглиже	237
О власти	237
Фактор Мурзика (продолжение)	238
Как писал Владимир Войнович	247

Светлана Колесниченко (урождённая Лианозова). Правнучка Георгия Мартыновича Лианозова – бакинского нефтепромышленника, основателя и председателя «Русского нефтепромышленного общества», владельца рыболовных «Лианозовских промыслов» на иранском побережье Каспийского моря, давших название подмосковному селу (ныне – городской район столицы). Родилась в Москве. Окончила Полиграфический институт, работала редактором музыкальной редакции Центрального телевидения и на международных экспозициях на ВДНХ. Вместе со вторым мужем – журналистом-международником Томасом Колесниченко в ходе его командировки в США окончила курсы английского языка при ООН, работала в корпункте газеты «Правда» в Нью-Йорке, затем в Лондоне. После смерти Томаса Колесниченко в 2003 году написала и издала книгу «Есть любовь на земле...» с воспоминаниями о нем близких и друзей – таких, как Евгений Примаков, Зураб Церетели и др. Прирожденный предприниматель, успешно занималась издательской деятельностью, строительством и др.

Светлана Колесниченко

Мой Войнович. Вместо предисловия

Наша жизнь складывается из череды случайностей, а может, это и есть судьба.

Мои предки Лианозовы были успешными в дореволюционной России предпринимателями. Они передавали дело из поколения в поколение, это была династия коммерсантов. Преуспевали в нефтяном бизнесе, владели крупнейшими рыболовными предприятиями.

Мартыну Лианозову, моему дедушке, принадлежали рыбные промыслы на Каспийском побережье Ирана, где он жил с супругой (моей бабушкой Верой Коншиной) и маленькой дочкой Ириной (моей мамой). Однако дедушка увлёкся социалистическими идеями и решил вернуться в Советскую Россию. Это было в начале 1920-х годов. Бабушка возвращаться с ним категорически отказалась, дедушка уехал с дочкой, фактически разлучив её с матерью.

Мартын Георгиевич встречался с Лениным, передал советскому государству свои рыболовные промыслы на территории Ирана, что улучшило отношения СССР с этим государством. Ленин определил ему пенсию размером в 600 рублей. Ему дали комнату в коммунальной квартире на Пушкинской площади. Дедушка переписывался с Крупской на предмет благотворительности.

Он женился на Любви Строгановой, мы все звали её Люлей. Она была артисткой оперетты. Моя мама росла в любви к музыке и стала певицей.

Бабушка, Вера Коншина, после расставания с дедушкой очень быстро вышла замуж за иранского сенатора Бушехри и родила сына. Овдовев, она переехала с ребёнком в Париж. Её сын, Мехди Бушехри (брат моей мамы), позже женился на принцессе Ашраф Пехлефи. Принцесса была сестрой-близнецом шаха Ирана – Мохаммеда Резы Пехлеви.

Во время дипломатического визита Никиты Хрущёва во Францию бабушка, благодаря своему положению, имела возможность по-

беседовать с ним. Она просила главу государства разрешить встречу с дочерью. В конце концов уже взрослой Ирине Лианозовой позволили пересечь границу и встретиться с матерью, которую она не видела почти всю свою жизнь.

Мама жила некоторое время с бабушкой во Франции, потом занималась академическим вокалом в Милане, вернулась в Союз. Она пела в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко и преподавала в Гнесинском училище.

В середине шестидесятых принцесса и дядя Мехди приезжали в СССР. Познакомившись с ним, мы поняли, что он – сын нашего дедушки. Знал ли об этом сенатор Бушехри – неизвестно...

Впоследствии я виделась с бабушкой в Париже – бабушка пребывала в окружении собачек чихуахуа, которых обожала (их было двадцать три), гостила и у шаха Пехлеви во дворце в Тегеране, принцесса и шах были всегда любезны и общительны со мной.

Я работала в редакции музыкальных программ Центрального телевидения и была замужем за прекрасным, талантливым челове-

Любить и быть любимой – тогда всё имеет смысл.
Я поняла это, когда подлинное взаимное чувство
пришло в мою жизнь.

ком, врачом (в 28 лет он уже стал доктором медицинских наук), у нас рос сын.

В 48 лет мамы не стало. Был концерт её первых выпускников. Выступление прошло успешно. В конце её пригласили на сцену, подарили огромный букет красных роз. И вдруг она упала. Она никогда не болела, но переволновалась, и от напряжения лопнул сосуд в мозгу. Врачи назвали это несчастным случаем.

Я не могла прийти в себя после этой потери. Меня ничто не радовало.

В этот период в моей жизни появился Томас Колесниченко. Он был журналистом-международником, человеком-праздником. Я не раз думала о том, что мне послала его мама, чтобы сделать меня счастливой. Мы полюбили друг друга. Но у меня была семья, и у него тоже.

Нам не нужно было притираться друг к другу – казалось, мы всю жизнь жили вместе, как будто за плечами ничего не было. Я прожила с ним тринадцать счастливых лет.

Вскоре не стало моего дедушки, он не мог пережить смерть дочери. И случилось так, что мой отец попал в тюрьму. Спасала меня от отчаяния любовь Тома.

Нашу семью преследовал злой рок. Бабушку Люлю зверски убили в ее же квартире. Преступление совершили два молодых наркомана, дети интеллигентных родителей, как я увидела на суде.

Я присутствовала на следственных действиях – преступники показывали на муляже в нашей квартире, как они убивали Люлю. Ей перерезали горло.

Я не могла спокойно жить и спать ночами. И не могла расстаться с Томом. Я развелась с мужем, мы поженились, он усыновил моего сына – в те времена это было необходимо, иначе сына с другой фамилией не выпустили бы со мной за рубеж. Вскоре Тома направили в длительную командировку в США и мы уехали втроем. Это был 1976 год.

Любить и быть любимой – тогда всё имеет смысл. Я поняла это, когда подлинное взаимное чувство пришло в мою жизнь. Наша жизнь с Томом оказалась такой, о какой я мечтала. Она была полна ярких впечатлений и спокойного счастья. Это были замечательные годы.

Наступили девяностые. Том уже не работал в газете «Правда», и наше материальное положение стало очень зыбким. Вместе со своей подругой я организовала книжное издательство, и это начинание оказалось успешным. Со временем я реализовывала новые проекты, и меня стали называть бизнес-вумен. Для меня бизнес – это творческий труд. Что-то создать, построить из ничего, сделать это на каком-то новом уровне, увидеть результат и испытать радость, удовлетворение. И хотя этот процесс меня увлекает, бизнес всегда оставался для меня на втором плане. Заботиться, любить – без этого я жить не могу. Это для меня основное. Муж и дети.

Том понимал меня и очень жалел – он чувствовал свой скорый уход и за неделю до смерти посвятил мне стихотворение:

*Знаешь, я умираю.
И тебя на планете одну оставляю.
Будут грозы шуметь и метели клубиться.
И я заклинаю тебя – снова влюбиться.
И не верь никому – нет ни ада, ни рая.
Есть любовь на земле...
Ну а я умираю.*

С моим Володей, Владимиром Войновичем, я встретилась в 2005 году.

Примерно за два года до этого у него умерла жена, Ирина, и умер Том.

Близкая подруга Виктория Токарева пригласила меня на вечер Войновича в Литературный музей. Как писателя я знала его давно и очень любила, поэзию знала хуже, и когда я услышала его стихи, как-то замерла и стала на него внимательно смотреть. После вечера он подошёл к нам и пригласил в ресторан Дома литераторов. Было уютно, мы ужинали, обо всём говорили... И вдруг в конце вечера он сказал мне: «У меня есть билеты на завтра, во МХАТ, там будет “№ 13”. Я бы хотел вас пригласить. Говорят, очень хороший спектакль». Действительно: на этот спектакль в те времена было очень трудно попасть, я согласилась.

Наступил следующий день. Вечером Володя ждал меня около МХАТа: было видно, что он волнуется. После смерти жены он ни с кем никуда не выходил, и вдруг идёт в театр с женщиной.

В конце первого действия я поняла, что ещё не готова смеяться и сидела грустная. Я попросила извинения у Владимира Николаевича, сказала, что хотела бы уйти. Он расстроился: «Но мне очень неудобно уходить: меня пригласил режиссёр, мы сидим в первом ряду...» И всё же он проявил понимание, и в антракте мы ушли. Мы решили зайти в кафе «Академия», напротив МХАТа. И просидели там три часа. Мы рассказывали друг другу... обо всём. О прошлом, о настоящем. Он мне рассказывал о своей Ирине, которую безумно любил, я ему о своём Томе, которого безумно любила. Встретились два одиночества.

После этого он стал звонить мне периодически. Однажды он сказал: «Я вас очень прошу... Я сейчас заключаю договор, а вы, я знаю, занимаетесь бизнесом... Может быть, вы будете присутствовать и подскажете что-нибудь? А потом я угощу вас пловом, который сам приготавливаю». Я приехала, мы обсуждали договор, мне это было интересно, потом он угощал меня пловом, и с каждой минутой он нравился мне всё больше и больше. Мы стали встречаться.

Через какое-то время я уехала на отдых. Он звонил мне каждый день. Он ждал меня. И домой в Москву я летела в самолёте с мыслью, что увижу его.

Я хотела его видеть, говорить с ним... До этого я не представляла себе, что могу кем-то увлечься, что в моей жизни может что-то измениться. Но мы потянулись друг к другу, и всё произошло – быстро, стремительно.

Володя тогда преимущественно жил в Германии. В Мюнхене его квартира располагалась над квартирой его дочери Ольги: он любил ее, и она любила его. Приезжая в Россию, он останавливался в своей московской квартире. Она была очень уютная – много книг, картин, и обставлена с большим вкусом. Приходила домработница, которая убирала и готовила. Володя был хорошо одет, хотя вещи не имели большого значения для него.

Мы решили жить вместе, в подмосковном посёлке Советский писатель. Это означало, что он окончательно перебирается в Россию и уезжает от дочери. Она осталась в Германии одна, но Володя раз в несколько месяцев ездил к ней. Ольга знает несколько языков, преподаёт в Германии немецкий.

Что удивительно, нам не нужно было притираться друг к другу – казалось, мы всю жизнь жили вместе, как будто за плечами ничего не было. Я прожила с ним тринадцать счастливых лет.

Наша совместная жизнь была лёгкой. Он был умным, совестливым, стеснительным – я бы даже сказала, чересчур, болезненно стеснительным. Себя недооценивал, всё ему было неудобно... Он был очень честным.

К нему было легко привязаться. Привязанность переросла в любовь, как ни странно. Наверное, это бывает редко: любить одного

человека и так же сильно полюбить другого. А в возрасте, в котором мы встретились, любовь особенная: это особенная нежность, особенное чувство руки...

Если он уезжал из Москвы, звонил мне несколько раз в день, а я считала дни до его возвращения. Когда мы допоздна смотрели телевизор, и я чем-то возмущалась или не могла что-то понять, он объяснял мне всё одной фразой: что происходит, и что будет. Он мне всё предсказывал: что ожидает нашу страну, что ожидает наших друзей... И всё сбывалось.

Он был не только выдающимся писателем, но и талантливым художником. Утром он спускался и часто кричал мне: «Ты знаешь,

Володя, закончив очередное произведение, любил приглашать друзей и читать вслух. Это была традиция.

Читал он очень хорошо. После этого мы садились ужинать и обсуждали услышанное.

ты знаешь, мне сейчас приснился портрет!» Однажды ему приснился портрет Толстого. Он побежал в мастерскую на чердак, взял мольберт и стал тут же рисовать. Ему снились краски, ему снилось выражение лица. Он перенёс Льва Толстого из своего сна на холст. Ему снились страницы из книг, ему снились замыслы. Он мне говорил: «Сегодня мне приснился замысел, я хочу начать новый роман». И когда он начинал работать, на его кабинет налагалось табу, потому что Володя погружался в иное состояние, будто в другое измерение, и нельзя было ему мешать.

Когда я приезжала с работы, он мне читал написанное за день. И это было прекрасно... Я засыпала в хорошем настроении.

2018 год стал страшным годом в нашей жизни с Володей. 8 марта умер его сын, Павел Войнович, незаурядный человек, историк по призванию, писатель. Врачи порекомендовали ему жить у моря, и он переехал в Черногорию. Он не был женат, жил один. 8 марта мне позвонили в шесть утра и сообщили, что Павлик умер. У него остановилось сердце.

Я ждала, пока Володя проснётся, выпьет кофе, и не находила себе места. Когда он завтракал, он видел, что я не в себе. «Что случилось?» – спросил он меня. Я ему ответила: «Володя, у нас большое

горе». Он схватился за голову, подумал о любимой собаке: «Что, Ньюша попала под машину?» Я говорю: «Да нет. Хуже. Умер Павлик».

Он рыдал.

Наступили тяжёлые времена, надо было ехать в Черногорию, нужно было хоронить Павлика.

Он очень переживал, был полностью выбит из колеи, больше не мог написать ни строчки. Повесть, над которой он работал, осталась незаконченной. Через полгода моего любимого Володи тоже не стало.

Накануне у него был, можно сказать, радостный день: ему позвонили, сказали, что его выдвигают на Нобелевскую премию, все проголосовали «за». Он был рад. В сентябре мы должны были лететь в Стокгольм.

Утром 27 июля он пошёл собирать грибы на участке. Ко мне пришла моя близкая приятельница Ирина Смирнова, мы вместе обедали. Я его попросила: «Володя, пожарь сам грибы». Он очень хорошо готовил, правду говорят: когда человек талантлив, он талантлив во всём. И он делал всё с большим удовольствием и очень хорошо, особенно когда знал, что порадует близких. Вдруг он вышел и сказал: «Что-то у меня кружится голова». Я измерила давление – давление было нормальным. Он лежал, вдруг стал задыхаться, и через двадцать минут его не стало. Когда приехала реанимационная машина, уже было поздно.

И появилось ненавистное слово «никогда». Никогда, никогда, никогда не увижу. Никогда не услышу. И постоянно слёзы в глазах, и ничего другого.

Накануне его смерти к нам пришёл наш друг со словами: «Володя, ну как жить, вчера опять был на похоронах, уходят и уходят люди». Володя посмотрел на него и ответил одной фразой: «Это наша с тобой расплата за долголетие».

У Володи близких друзей было немного, но это были очень достойные люди. Бенедикт Сарнов. Юрий Кушак. Виктор Есипов. Серьёзные, уважаемые писатели.

Я очень полюбила Бена Сарнова. Это был необыкновенно талантливый человек и настоящий друг.

Володя дружил с Василием Аксёновым, я застала время их дружбы. Володя очень переживал его уход.

Он был просто влюблён в Петра Ефимовича Тодоровского. Пётр Ефимович всегда приходил к нам с гитарой (он тоже жил в Советском писателе) – это были незабываемые вечера. Володя старался подпевать ему, хотя стеснялся. Но сам он хорошо пел и мог подойти к пианино, моментально подобрать мелодию, которую только что услышал от Тодоровского.

К нам приезжал Наум Коржавин, читал стихи. В нашем доме бывало много по-настоящему интересных людей.

Володя, закончив очередное произведение, любил приглашать друзей и читать вслух. Это была традиция. Читал он очень хорошо. После этого мы садились ужинать и обсуждали услышанное. Особенно строгим судьёй всегда был Сарнов.

Володя был остроумным человеком, всегда мог вспомнить какую-нибудь историю и рассказывал её артистично, с большим юмором. Он очень хорошо знал поэзию. Люди любили с ним общаться и с удовольствием к нам приезжали. Общение всегда было весёлым. Он любил жизнь, любил друзей, любил, когда к нему приходили. Беседы допоздна. Ему всё было интересно.

Мы подружились с Эльдаром Рязановым, тем более что жили по соседству. За три дня до своей смерти Эльдар Александрович был у нас в гостях. Все говорили о политике, о литературе, о художниках, а Рязанов волновался: «Ну о чем вы, ребята, говорите! Посмотрите, Москва наступает, нас могут отсюда выселить! Вот за чем надо следить: чтобы наш посёлок остался!»

Ушёл целый образ жизни.

Детство и юность Володи были достаточно тяжёлыми, и мама с папой были не очень ласковы с ним. Ласки ему не досталось с детства. Тем не менее в нём осталось много детскости. Он был такой... ребёнок. Он мог удивляться и радоваться самым простым вещам. Например, я несю картошку с селёдкой, и у него глаза горят: вот сейчас рюмочку водочки – какая жизнь, как хорошо! И действительно, с ним было хорошо.

Он был добр. Моих детей принял тепло и с большим вниманием к ним относился. Я к его детям тоже хорошо относилась. И к Павлику, и к Ольге. Они часто приезжали, жили у нас.

Володя любил, когда его куда-то приглашали выступить – а приглашали его часто. Выступал в школах, институтах – для молодой аудитории.

Когда просили, он выступал и в хосписе. Читал какие-то смешные рассказы, чтобы как-то отвлечь людей от тяжелых мыслей. Он был другом Веры Миллионщиковой, поддерживал её в организации паллиативной медицины в России.

Володя был очень отзывчив. Когда мы смотрели телевизор, и вдруг возникало объявление о том, что собирают деньги на лечение ребёнка, он тут же брал телефон и отправлял пятьсот рублей.

Он помогал детскому дому в Самаре, но об этом никто не знал. Однажды я поехала вместе с ним в этот детский дом. Дети высыпали на улицу, весь дом его встречал. Он привёз компьютер, какие-то вещи, читал им свои сказки и стихи.

Последнее время Володя читал только классику. Перечитывал Чехова. За месяц до смерти читал Мопассана.

Много времени у него уходило на интернет, на интервью для телевидения, радио, печатных СМИ.

Вечерами мы отдыхали перед телевизором, отгадывали кроссворды.

Мы любили вместе смотреть футбол, знали имена всех футболистов. И болели, и спорили друг с другом – так увлекались, что спорили даже на деньги. По очереди проигрывали друг другу. Впрочем, я чаще проигрывала.

Мы ходили на театральные премьеры – в Ленком, в «Современник». Часто слушали симфоническую музыку в консерватории. Мой внук всегда говорил: «Вы живёте более светской жизнью, чем мы, молодые».

За границей обязательно посещали музеи.

Детство и юность Володи были достаточно тяжёлыми, и мама с папой были не очень ласковы с ним. Тем не менее в нём осталось много детскости. Он был такой... ребёнок.

Нюша – наш джек-рассел-терьер – была его любимицей! Он даже стихи ей писал, поздравлял с Восьмым марта. У меня есть его открытки: «Дорогие Нюша, Светочка и Тamarочка!..» Он общался с ней как с человеком, а не как с собакой. Она понимала его с полуслова и охраняла его. Никого не пускала в кабинет, когда он работал. Нельзя было трогать его вещи, подходить к его тренажёру для ходьбы: она начинала лаять, в исступлении бросаться на дверь, угол которой в результате сгрызла.

Нюша очень страдала, когда Володи не стало. Я не могла на это смотреть, повезла её к собачьему психиатру. Ей прописали успокаивающие таблетки – собаки как люди, всё то же самое.

С годами она стала чаще и громче лаять, ещё при жизни Володи. Но он никогда не ругал её. Он никогда не ругал детей, никогда не ругал собаку, никогда не ругал меня.

В плохом настроении он мог быть от того, что у нас происходило в стране, ему это не нравилось, он волновался, переживал. Он был настоящий патриот России. Он не хотел жить в другой стране. Он мог уезжать куда-то, но тянуло его в Москву.

Он был неконфликтный человек, а если конфликтовал, то лишь по большому поводу, когда дело касалось принципов. Он считал, что писатель должен выражать своё мнение о том, что происходит в обществе: он решительно это свое мнение отстаивал, и переубедить его было невозможно.

Я старалась его абсолютно от всего освободить, только бы он занимался своим делом. И он много писал. В 2007 году вышла третья книга о Чонкине – «Перемещённое лицо». Затем «Автопортрет» – его обширная автобиография. «Малиновый пеликан», «Фактор Мурзика»... Эти и другие книги выходили в серии «Классическая проза Владимира Войновича» издательства «Эксмо».

Наверное, это бывает редко: любить одного человека и так же сильно полюбить другого. А в возрасте, в котором мы встретились, любовь особенная: это особенная нежность, особенное чувство руки.

Были дни, когда он не хотел писать, тогда он шёл в мастерскую и рисовал.

Тогда мне казалось, что весь наш быт лежит на мне. Я занимаюсь бизнесом, мы живём в хорошем доме, мы много путешествуем, часто выезжаем на отдых. Я думала, что всем руковожу я, а Володя занимается только творчеством.

Теперь я понимаю, что ошибалась. Незаметно он решал много вопросов, касающихся и бытовой стороны жизни тоже. И без него я то и дело чувствую себя беспомощной.

Жизнь с Володей была по-настоящему спокойной.

Мы гуляли с ним по посёлку, хотя последнее время у него болела спина, и ему было трудно, но мы гуляли понемногу. Рядом обязательно бежала Нюша.

Он всегда пытался найти в каждом человеке что-то хорошее. Например, меня кто-то раздражал, а Володя мне на это говорил: «Но зато...» – и отмечал в этом человеке что-то положительное. И я в результате тоже так стала думать: действительно, надо говорить «но зато...».

Он был за рулём до последнего дня. Каждый год мы ездили к моему сыну в Америку. И там Володя тоже всегда был за рулём. Мы с ним всё время ездили куда-то. Он водил машину очень хорошо.

Это была счастливая жизнь. С человеком с большой буквы. При этом у него был лёгкий характер. Володя был мудрый. С таким человеком жить – счастье. Я перенесла в жизни много горя, но жизнь даёт и счастье, и в ней есть какое-то равновесие.

Любить и быть любимой – я снова осознала эту ценность благодаря Володе.

Последний раз, когда мы были в Мюнхене, на встрече с читателями кто-то спросил Володю, верит ли он в загробную жизнь. Он ответил: «Нет». Я потом ему сказала: «Ну почему ты так говоришь? Никто не знает. У каждого в жизни были какие-то знаки, и ты мне говорил...»

Когда умерла Ира, кто-то из гостей на поминках попросил его прочитать её любимое стихотворение. А он не мог вспомнить, какое. Он взял томик стихов, и там была закладка – именно на том стихотворении, которое она любила. У него было абсолютное ощущение, что это она указала ему пальцем.

За долгое время проживания в Америке мы с Томом прочитали много запрещенных в СССР книг. Тогда мы прочитали «Чонкина», «Шапку», «Иванькиаду». Том обожал писателя Войновича.

Из Америки мы возвращались на пароходе и везли с собой запрещённую в СССР литературу: Войновича, Солженицына, Гроссмана. Отец Тома был замминистра морского флота и должен был организовать нам встречу. И вдруг мы узнали, что пароход меняет направление и таможня будет в совершенно другом месте, где наши книги никто не пропустит. У Тома не было дипломатической непри-

В плохом настроении он мог быть от того, что у нас происходило в стране, ему это не нравилось, он волновался, переживал. Он был настоящий патриот России.

косновенности. Только дипломаты не подлежали обыску. Я помню, как я бегала с этими книгами по каютам, чтобы кто-нибудь, у кого есть диппаспорт, взял их в свой чемодан. Друзья нашлись, книги нам перевезли.

Однажды, когда мы уже вернулись в Москву, нас кто-то пригласил в гости к Войновичу. И я смутно вспоминаю тот вечер в его квартире... Было много-много народу, я общалась с женщинами. А потом откуда-то из глубины квартиры вышел Том и сказал: «Какой симпатичный человек. Я так рад, что с ним познакомился...»

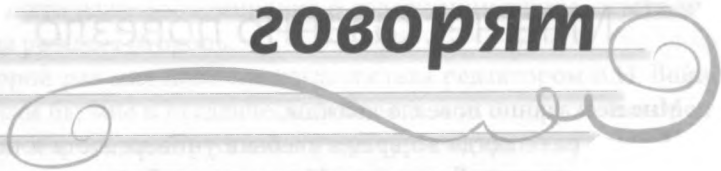
Позднее я рассказывала Володе: «Да, я помню двухкомнатную квартиру, помню, где стоял диван...» Володя слушал меня и подтверждал: всё было так.

*Жаль, что всем не насовсем
Нам третья молодость дается.
Но, к сожаленью, в сферах высших
Не отпускают молодость в кредит —
И даже тем, кто смело правду говорит.*

Наша любовь с Володией продолжалась до последнего часа, продолжается и сейчас...

Люди

говорят

Ольга Аминова. Последний (прижизненный) редактор Владимира Войновича. Окончила Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, защитила кандидатскую диссертацию «Поэтика лирического цикла в творчестве Анны Ахматовой», стажировалась на кафедре русской литературы XX века МГУ, в течение 11 лет преподавала в УГПУ. С 2002 года работала в издательствах периодической литературы. С 2006 года по август 2018 года являлась сотрудником издательства «Эксмо», в котором с 2012 года возглавляла отдел современной российской прозы. Редактор Дины Рубиной, Александра Снегирева, Анны Берсеновой, Владимира Сотникова, Виктора Пелевина, Александра Мелихова и многих других. Возглавляет литературное агентство и школу «Флоберiuм».

Ольга Аминова

Мне несказанно повезло

Мне несказанно повезло дважды.

Первый раз – когда во время учебы в университете я познакомилась с творчеством Владимира Николаевича Войновича.

Была ли его проза введена тогда в программу филологических факультетов вузов или семинары по сатире Войновича являлись заслугой продвинутого заведующего кафедрой, я не знаю. Но, чтобы понимать характер моего везения, нужно отчетливо представлять себе конец восьмидесятых годов XX века. Ошеломлением было услышать на лекциях о тех, кого еще день тому назад называли «персона нон грата». Ведь еще недавно за чтение антисоветчины могли подвергнуть травле. А теперь открывались головокружительные перспективы – только от тебя, а не от идеологического департамента ЦК КПСС зависела оценка прочитанного. Наконец-то ты мог увидеть русскую литературу без купюр. На нас, студентов последнего курса, хлынули потоки запрещенной, эмигрантской литературы всех этапов существования СССР и всех волн. Такого читательского пиршества никогда не было. Все возвращенное воспринималось на ура – по молодости, по возникшему (ненадолго) социальному опти-

мизму, по неопытности... Лишь спустя десятилетие, когда количество прочитанного перешло в качество осмысленного, мы поняли, что далеко не вся «вернувшаяся» литература была достойна наших восторгов. Но только не проза В.Н. Войновича!

Мое первое знакомство с его творчеством началось не с запрещенных некогда «Чонкина», «Москвы 2042», а с повести, опубликованной в СССР еще до выдворения писателя из страны, – «Путем взаимной переписки» (1973). Она глубоко запала в мою душу, потому что касалась не социально-политических моментов, а общечеловеческих тем – любви, надежды, судьбы, жизненной дороги. Эту повесть В.Н. Войновича называют самым страшным сочинением на брачную тематику. Я и сегодня могу сказать, что «Путем взаимной переписки» – совершенная в эстетическом плане повесть, в которой драма частной жизни обусловлена мифологемами массового сознания советской эпохи, а трагическое слилось с сатирическим так органично, что даже воспоминание о содержании текста спустя многие годы рождает оторопь.

Второй раз мне повезло, когда я стала редактором В.Н. Войновича. Если бы мне в студенческой юности или в пору моего преподавания современной русской литературы на филологическом факультете университета сказали, что я не только лично познакомлюсь с писателем, но и буду причастна к изданию его произведений, я бы, конечно, не поверила. Владимир Николаевич был для меня из разряда Олимпийских богов.

Теперь представьте, каким грандиозным событием моей жизни стало непосредственное знакомство и совместная работа! Каким счастьем – дружба с Владимиром Николаевичем!

Быть редактором самого Войновича... Нет, я не могу назвать это испытанием – взаимодействие с Владимиром Николаевичем было таким легким, приятным, веселым, что ни одно слово со значением насилия, долженствования неприемлемо. Быть редактором самого Войновича – это почетная и ответственная миссия.

Я помнила, что в «Новом мире» его редактировала Анна Самойловна Берзер. Много ли известно имен редакторов!? – Нет. А вот имя Аси Берзер – известно. Именно ей посвятил «Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровский. Владимир Николаевич вспоминал

о своей работе с разными редакторами, многие из них были смесью цензоров с посредственностями. Восхищался только ей. Мне было очень важно подхватить эстафету от лучшей.

Особенно мы сблизились с Владимиром Николаевичем, когда был написан «Малиновый пеликан». До этого работа шла по переизданиям – вносились правка, согласовывались обложки, аннотации, подписывались документы. Для реализации последнего у нас выработался ритуал – раз в месяц я приезжала в Ватутинки. В хлебосольном доме Светланы Яковлевны и Владимира Николаевича накрывался стол. Производственные вопросы решались быстро, а наши посиделки затягивались до самого вечера. О чем мы только ни говорили! И всегда смеялись. Такого потрясающего чувства юмора, как у Владимира Николаевича, я не встречала никогда! Однажды я оказалась за столом Войновичей в компании с их друзьями. Начались политические дебаты. Я, как правило, в них не участвую – понимаю ограниченность своих знаний по данной теме. Мое молчание за столом вскоре было замечено Владимиром Николаевичем:

– Олечка, а что Вы думаете по этому вопросу?

– Я, Владимир Николаевич, в нем не подкована!

Владимир Николаевич наклонился под стол, приподнимая скатерть:

– Покажите-ка ножку!

– Зачем? – робко произнесла я в смолкнувшем хоре.

– Хочь посмотреть, действительно ли у вас нет подков!

Владимир Николаевич много вспоминал, шутил, изображал в лицах сценки из жизни. Совершенно иначе после его рассказов я стала воспринимать многих авторитетных писателей, артистов, общественных деятелей. Велик соблазн поведать эти истории – уж очень они смешны. Но я не стану этого делать, у меня нет на это права.

Вот что меня всегда удивляло: всемирно известный писатель, снискавший народную любовь, он был напрочь лишен самоуверенности, высокомерия, снобизма. Напротив, испытывал мучительные сомнения в себе, в своем даровании. Когда я хвалила – радовался умеренно, словно не веря в то, что достоин одобрения. Переживал, что возраст лишает его скорости в работе. Боялся, что старость влияет

на качество письма. Этот страх заставлял его каждый день перечитывать то, что было написано прежде. А накануне написано было очень мало, потому что вчера была та же история, что и сегодня: сначала пристрастный анализ, затем вычеркивание, переделка уже сделанного и только в конце рабочего дня – пара новых строк. Сколько мне довелось повидать авторов, стоящих в самом начале своего творческого пути, но уже безнадежно уверенных в своей непогрешимости, – не перечить! Еще неумелых, но уже с апломбом! Владимир Николаевич своей взыскательностью доказал закон: сомнение в себе – признак

Хотите большого творческого пути – будьте взыскательны к себе. Без этих мук рождается только глупость!

таланта, именно сомнение питает дарование. Хотите большого творческого пути – будьте взыскательны к себе. Без этих мук рождается только глупость!

Роман «Малиновый пеликан» создавался в присуствии В.Н. Войновичу традициях. Работа над ним шла три года. Требовательность автора к себе была столь велика, что роман перечитывался и дорабатывался даже на стадии отправки в типографию.

Эту новинку я ждала с нетерпением. Все спрашивала писателя: «Скоро ли?» А он все приговаривал: «Олечка, дорогая, вероятнее всего, его не рискнут опубликовать!» «Да что вы, Владимир Николаевич, – возражала я, – вас, да не издадут!?! В очередь выстроются!» А мудрый и опытный Войнович вздыхал: «Вы так говорите, потому что не знаете, о чем он».

Наконец настал час «X». Я проглотила роман за вечер. Сказать, что я была потрясена, – ничего не сказать. Сомнения в том, что эта вещь увидит свет в России, посетили и меня. Ни один современный автор не осмелился на столь откровенный, острый, злой гротеск, сотрясающий все устои отечественной действительности. Войнович создал сатирическую энциклопедию современной российской жизни. Не сочтите за пафос: я в полной мере осознавала огромную ответственность перед потомками, перед историей литературы, перед классиком, поэтому мысли о том, что роман можно как-то «пригладить»,

чтобы издать, не возникало. Я понимала, что принять единоличное решение о публикации «Малинового пеликана» не в праве. Мы договорились с Владимиром Николаевичем, что я напишу развернутую рецензию на произведение и отправлю ее руководителям издательства. «...Буду с нетерпением ждать реакции... но на то, что она будет положительной, надеюсь слабо. В любом случае Вам преогромное спасибо за дружеское участие...» – написал мне автор романа-памфлета.

К чести генерального директора и главного редактора «Эксмо», роман решено было издавать. Срочно, чтобы успеть в сезон, наиболее удачный для продажи знаковых новинок в твердом переплете. Двадцать тысяч экземпляров. Прямо скажем, для такого писателя, как В.Н. Войнович, тираж весьма скромный. У руководства было понимание, что с реализацией возникнут проблемы. Разделяла ли я их точку зрения? Да, разделяла. Хотя и недоумевала: как может общество, освоившее «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» – вещь, переиздаваемую нами каждые полгода во всех возможных оформлениях, не принять новый роман?! Как могут

С момента выхода «Малинового пеликана» не было написано ни одной толковой рецензии, ни одного отзыва, не говоря уж о серьезных литературно-критических статьях.

люди, постигшие предостережения антиутопии «Москва 2042», вернуться от нового предупреждения?

«Верхи» предпочли не заметить «Малинового пеликана» – никто романа не запретил, автора не осудил, травлю не организовал. А «низы» даже без команды сверху взяли под козырек – окружили роман молчанием. Внимание: с момента его выхода не было написано ни одной толковой рецензии, ни одного отзыва, не говоря уж о серьезных литературно-критических статьях. Не нашлось ни одного российского обозревателя, критика, литературоведа, которые хотя бы просто зафиксировали факт появления «Малинового пеликана» в современном литературном процессе!

Весьма показательна в этом ключе история с литературными премиями.

К тому моменту, когда решение о публикации «Малинового пеликана» оказалось принятым, уже были сформированы премиальные списки от издательства. Они всегда лимитированы. Даже такому великану, как «Эксмо», непозволительно выходить за границы положенного количества номинантов. От них давно были получены письменные согласия. Но я понимала: если сейчас роман не рекомендую на премию, потом будет поздно. По разным причинам. В том числе потому, что вскоре у Владимира Николаевича юбилей, и жюри литературных премий не может не учесть значимости этого события.

Я обратилась к В.Н. Войновичу за разрешением о номинировании. «Насчет “Большой книги” разрешите подумать. Шкурович¹ дважды выдвигал меня на нее, но оба раза я и в шорт-лист не попал...» – написал мне Владимир Николаевич. Такие же сомнения были у него и по поводу «Русского Букера». Но в итоге писатель согласился, чтобы роман рекомендовали на обе эти премии.

Как это всегда бывает, когда хочется выдвинуть на премию авторов, числом большим, чем установлено правилами, начинаешь искать свободного номинатора. Это нужно делать быстро – потому что есть другие издатели, у которых такой же затык с возможностями.

Я написала письмо с просьбой о номинировании руководству одной московской библиотеки. Услышав, что выдвигать на Букера придется Войновича, библиотекари согласились, не глядя. Но чтобы не подставить симпатичных мне людей, я попросила все же роман посмотреть. В итоге библиотека от рекомендации отказалась. Кто еще может номинировать? – Литературные журналы. Обзвонила – все исчерпали лимит по количеству. Значит, мимо. Раз номинировать может издательство, и в положении о премии «Русский Букер» не написано, что только то, которое непосредственно опубликовало «премиальный» текст, следовательно, можно попросить «издателей-соседей» выдвинуть нашу книгу на премию! Попросила. «Знаешь, мне роман не понравился! – сообщил мне директор одного из них. – Я его номинировать не буду!» Час от часу не легче! А время утекает...

¹ Л.В. Шкурович – директор редакции № 2 издательства «Эксмо», в которой до 2012 года издавался В.Н. Войнович.

И тогда я поняла, что никто, кроме «Эксмо», не решится выдвинуть «Малинового пеликана», и отважилась на change. Я предложила соседу номинировать любого автора из ранее сформированного «премиального» списка, чтобы включить Войновича. Обмен осуществился.

Но жюри премий, по-видимому, решили не обострять отношений с властью: какой шорт-лист! – роман не пропустили даже в лонг-лист! И мы с вами понимаем, почему. Отметить престижной литературной премией «Малинового пеликана» означало бы дать повод для новой русской революции.

Но ведь Владимира Николаевича могли наградить премией «Большая книга» хотя бы за вклад в русскую литературу, наградить как юбиляра – в 2017-м ему исполнялось 85 лет. Но и здесь его обошли вниманием! И я сто раз пожалела, что подвергла его таким испытаниям. Утешало только одно: гробовое молчание в адрес «Малинового пеликана» было свидетельством исключительной силы романа и его автора. Что же, иногда не получить премию оказывается почетнее, чем ее получить!

Иначе, чем премиальные комитеты и профессиональное сообщество, встретили роман «Малиновый пеликан» простые люди. На его презентации в Московском доме книги только автограф-сессия длилась два часа! А до этого сотрудники магазина волевым усилием завершили мероприятие, иначе живой интерес читателей к писательской позиции мог довести Владимира Николаевича до изнеможения.

Я не раз присутствовала на подобных встречах с В.Н. Войновичем. И могу сказать, что приходили к нему, пожалуй, лучшие сыны и дочери Отечества. Даже тогда, когда позиция читателя не совпадала с позицией автора, с его отношением к известным историческим персонам, предостережения вызывали протест, было видно, что воспринимают Войновича как пророка, как Воина света, как Борца с мракобесием, с историческим беспамятством.

Именно с выступления В.Н. Войновича началась работа литературного клуба «Эксмо». Мероприятие проходило в зале Библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино. Сколько дивных интеллигентных лиц можно было встретить там! Люди пришли не

только с «Малиновым пеликаном» – принесли из дома старые книги автора. Цитировали прозу Войновича наизусть целыми фрагментами. В моем сердце было ликование: «Есть русская интеллигенция. Вы думали – нет? Есть. Не масса индифферентная, а совесть страны и честь». Но вот что меня удивило: среди читателей совсем не было молодых! Неужели из университетских программ убрали творчество Владимира Войновича? Или он оказался необязательным к прочтению подрастающим поколением?

Из зала поступали вопросы: «Была ли цензура у романа “Малиновый пеликан?”», «От многого ли пришлось избавиться, чтобы роман опубликовали?», «Издан ли он с купюрами?». «В романе не вычеркнуто ни одного слова! Ни одного!» – торжественно заявил Владимир Николаевич. И добавил: «Мне повезло с редактором. В начале писательского пути у меня была замечательная Ася Берзер. В конце – замечательная Ольга Аминова». Не нужно описывать, какие чувства я испытала при этом.

Отметить престижной литературной премией «Малинового пеликана» означало бы дать повод для новой русской революции.

Есть три рода писателей. Первый – те, которые понимают, что издание книги – коллективный труд, никогда не забывают сказать слова благодарности издателю, редактору, корректору, художнику, причем даже тогда, когда могут быть не вполне довольны каким-то фактом. Говорят о своей признательности во всеуслышание, не боясь, что от их собственной славы что-то убудет. Писатели второго рода напрочь забывают, что издать книгу не значит написать текст – выкидывают из памяти имя редактора сразу же после выхода новинки. Именно к этому разряду относятся, как правило, те авторы, чьи тексты редактор буквально переписывает. Выпусти их без редактуры – никто из читателей не поверит, что это на самом деле его любимейший Петров Петр Петрович. К сотрудникам издательства такие «писателя», как правило, относятся как к обслуге. Есть еще и третий род. О, это особые люди! Редактор для них – враг номер 1, мальчик (девочка) для битвы. Все свои неудачи они связы-

вают с редактором. Читатель в отзыве на книгу написал «скучный сюжет», автор тут же раздражается тирадой: «На самом деле, у меня было не так, лучше, это редактор меня исправил!» Я не испытываю иллюзий на предмет того, что редакторы бывают разные. Попадают непрофессионалы. Но когда пишу о третьей категории писателей, имею в виду, что с ними работает редактор хорошей школы. С «третьеразрядниками» отношения часто заканчиваются в суде. Свою творческую беспомощность они готовы скрыть за сутяжничеством и публичными разборками. Чем меньше писательское дарование, тем скандальнее автор.

Владимир Николаевич, безусловно, относился к первому роду. Его душевная щедрость не знала границ. Он всегда переживал, что мне, приглашаемой вместе с ним на радио, на встречу в книжный магазин, на выставку, приходилось использовать личное время. И как я ни пыталась уверить, что для меня это особая честь – быть рядом с ним – счастье, он испытывал всякий раз неловкость. Оттого пытался после мероприятия чем-то угостить, куда-то пригласить. Помню, я вела его встречу на выставке «Нон-фикшн» в 2017 году. В маленьком зале негде было яблоку упасть. Духота. Вопросы к В.Н. Войновичу сыпались как из рога изобилия. Автор на каждый считал своим долгом ответить. Потом была автограф-сессия. Бледный, изможденный, вот уже час подписывающий принесенные поклонниками книги, он наотрез отказывался прерваться – «Как можно, если люди стоят ко мне в очереди!» Когда последний автограф был поставлен, я боялась, что такси повезет Владимира Николаевича не домой, а в больницу. Но прошло пять минут, и В.Н. Войнович взял меня за руку и... повел выпивать к ребятам из издательства «Vita Nova». Их коньяк пошел и писателю, и мне на пользу – Владимир Николаевич раздурманился, взгляд его ожил, а у меня исчезло чувство страха за него.

Владимир Николаевич был блестящим мужчиной. Умный, сердечный, с прекрасным чувством юмора и удивительной харизмой. Его обаяние всегда вызывало во мне радость. Нам обоим было горько, что мы разминулись в поколениях. Помню, я пишу Владимиру Николаевичу, что, как и договаривались, буду сегодня к обеду в Ватутинках. Владимир Николаевич мне отвечает: «МЮю шею!» Через какое-то время звонит. Я пугаюсь, что планы изменились и наша встре-

ча не состоится. Но слышу следующее: «Олечка, я вдруг подумал, что мог Вас обидеть или ввести в недоумение словами “мбю шею”. Не подумайте плохого – так шутили в наше время, когда сообщали о том, что готовятся к долгожданной встрече!» Я с облегчением хохочу: «В наше время, по-видимому, шею не моют! Владимир Николаевич, да поняла я, что это образ!»

«Олечка, золотая! Каждое утро, а порой даже и глубокой ночью, включаю компьютер, открываю почту, смотрю, нет ли вестей от адресата olaminova, и тяжело вздыхаю: опять пусто. И думаю, не рассердил ли старик золотую рыбку своими возрастающими требованиями. Но, подумав, решаю: не должен бы...». Я храню все письма Владимира Николаевича. Перечитываю их. Я потеряла горячо любимого друга.

В последние годы жизни Владимир Николаевич работал над сказкой и романом. Точнее – двумя романами.

«Дорогая и, чем дальше, тем горячее любимая Олечка! К сожалению, или к счастью, не могу послать Вам ту белиберду, которая получилась, поскольку оставил ее в своем настольном компьютере, а с ноут-буком в понедельник был увезен женой в Болгарию, где мозги плавятся от солнца. Вернусь 1 июля, но и тогда не посмею послать Вам написанное, потому что, правда-правда, получилось так, что даже зайцу, утке и щуке сказочным ничего не удастся, кроме как развести руками, лапами, крыльями или плавниками. Олечка, я же реалист и понимаю, когда можно восхититься сделанным (Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!), а когда стыдливо потупить. Дело в том, что я торопился, чтобы сделать поскорее. А потом стал путаться, переделывать так и эдак и стал путаться еще больше. Чем больше тратил времени, тем бессмысленней были мои усилия. В конце концов я выбился из сил, был зол на себя ужасно. На это время отложил работу над повестью "Фактор Мурзика". Здесь что-то получается, лучше я Вам покажу не сказку, а начальные главы этой вещи. А пока обнимаю Вас крепко, целую нежно, Ваш В.В.»

Итак, сказка не получилась. Фрагмент одного из романов – повесть «Фактор Мурзика» – мы опубликовали к юбилею писателя. Я все ждала, когда он завершит эту вещь, чтобы выпустить ее отдельной книгой. Но Владимир Николаевич мне как-то сказал: «Вы

думаете, что я пишу про Мурзика? Нет, нет и еще раз нет! Я начал совершенно новый роман. И пока работа над ним идет легко, я допишу сначала его».

Увы, поиски этого текста не увенчались успехом. Вполне возможно, Владимир Николаевич, потрясенный смертью сына, уничтожил роман. В последних письмах он писал о том, что смертью детей мстит ему судьба за его писательское долголетие. Предчувствовал свой скорый уход: «Единственное, что примиряет меня с жизнью, это ощущение того, что я уже очень скоро встречу с Павлом».

Когда Владимира Николаевича не стало, СМИ оживились. Трубили, вещали, кричали. Всем приспичило стать ньюсмейкерами кончины великого писателя. Каждому вдруг захотелось быть причастным к гению. Правильно – теперь-то безопасно! С работы не уволят, в лживой пропаганде не обвинят, объектом шуток самого писателя уже не станут! И когда я смотрела на толпы людей с микрофонами и камерами у входа в ЦДЛ, меня душил вопрос: «Где все вы нахо-

Есть русская интеллигенция. Вы думали – нет? Есть. Не масса индифферентная, а совесть страны и честь. S

дились, когда вышел “Пеликан”? Где вы прятались, когда писатель отмечал юбилей? Ведь это было всего каких-то одиннадцать месяцев тому назад!»

Пройдет время. Возможно, все тот же бедный мужик будет уже не двух, а сотню генералов кормить. Но, я уверена, в вузовских и школьных программах навсегда останется имя Владимира Николаевича Войновича. И о романе «Малиновый пеликан» будут говорить свободно, потому что вести речь о пророке дней минувших всегда легче, чем о пророке дней нынешних!

Антон Антонов-Овсеенко. Журналист, медиа-менеджер, ученый – историк и филолог. Внук революционера Владимира Александровича Антонова-Овсеенко, сын историка-диссидента, основателя музея истории ГУЛАГа в Москве Антона Владимировича Антонова-Овсеенко. Родился 11 марта 1962 года в Тамбове. Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (1988), кандидат исторических наук (1994), доктор филологических наук (2013), профессор российских вузов. В СМИ прошел путь от печатника до генерального директора, от корреспондента до главного редактора, работал в «МК», «Ъ», «Метро», «Профиле» и других изданиях, занимался предпринимательством в области масс-медиа и рекламы. Диплом кинолога-селекционера курсов при Московском экологическом институте (2006); издатель и редактор журналов «Собачье дело», «Вестник Российской кинологической федерации» и др. Автор и составитель научных и популярных публикаций и книг: «Продолжение следует» (1999, ОАО «Газета «Метро», Москва), «Классика русской эротики» (2000, 2010, Москва), «Большевики. 1917» (2014, АСТ, Москва); «Три войны России с Украиной» (2016, Folio, Харьков), «Журналистика XXI. Новые СМИ и свобода слова» (2017, Folio, Харьков), «Пресса 1917. Альбом с иллюстрациями» (2017, Союз издателей «ГИПП», Москва), исторического исследования «Смерть» (2019, Folio, Харьков) и др. Политический активист периода правления Путина – участник протестного движения, организатор митингов и пикетов, в том числе в поддержку Украины; руководитель общественной приемной партии «Яблоко» в Москве, кандидат в депутаты разных уровней (2010-е).

Антон Антонов-Овсеенко

Здравствуй, Тончик. Это дядя Володя

«Когда я был маленький, на веранде отцовской дачи на станции «Отдых» Казанской железной дороги, где я проводил летние месяцы, что-то постоянно строчил на механической машинке улыбочивый «дядя Володя», – написал я в буклете, посвященном 85-летию Владимира Войновича в 2017 году. – Старшие часто шикали на меня

и требовали, чтобы я не шумел и не мешал ему работать. А я шумел и мешал. Потом я, к сожалению, вырос. Вырос во всех смыслах и дядя Володя, у него даже выросла фамилия – Войнович. Но его присутствие в моем детстве по-прежнему остается одним из самых светлых пятен. С некоторых пор это “светлое пятно” замечает и все прогрессивное, так сказать, человечество. Но я ужасно горжусь тем обстоятельством, что именно мне довелось жить в детстве и что я продолжаю жить сейчас под сенью такой “глыбы” и такого “матерого человечика”, как Владимир Войнович». В конце текста добавил: «Это очень добрый человек. Уже очень долгое время он один своей добротой противостоит все время меняющему лица и декорации злу. Давайте его беречь». Не убергли: меньше, чем через год не слишком спешившая к нему «скорая» констатировала смерть. Однако сути дела это не меняет: доброта и сила Войновича лишь окрепли с его уходом – не только во мне, но в душах всех, кто знал его, любил и любит как человека и писателя.

Кстати, о силе. Говорить о Войновиче, делая вид, что он только литератор, не стоит. Все его творчество напитано чувством гражданского долга: он его исполнял, этот долг, в своих произведениях. И у отца на даче на станции «Отдых», как я это понял потом, Войнович сочинял не что иное, как знаменитую «Иванькиаду» – текст про получение квартиры в доме у метро «Аэропорт». Если кто не в курсе, то это про то, как двухкомнатную квартиру Войновича партийные и государственные органы решили отдать полковнику КГБ по фамилии Иванько. А Войновичу с женой и ребенком выдали однукомнатную: сотрудник спецслужб, конечно, был для советской власти, как и для теперешней российской, милее и важнее талантливого писателя. Ведь Войнович уже тогда, в 70-е годы был признанным авторитетом: его «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы» уже успел исполнить на весь мир сам Никита Хрущев, но, как оказалось, это было куда менее важное деяние, нежели таинственные заслуги сексота Иванько. Мы, кстати, часто бывали потом в этой его однукомнатной квартире на улице Черняховского, и однажды, помнится, дядя Володя, показывая на стену, сказал, что именно там, за ней, проживает в отобранной у него двушке полков-

ник ГБ Иванько – чтоб ему и ему подобным и на этом, и на том свете икалось (это я уже от себя).

Перечислять тут все созданное им не стоит, но сказать, что «Чонкин», «Москва 2042» или изданные уже в новом веке «Автопортрет», «Малиновый пеликан» и «Фактор Мурзика» сделали его не только классиком мировой литературы, но и классиком с ярко выраженной гражданской позицией, следует обязательно, потому что сила воздействия на читателя гражданской позиции Войновича отнюдь не меньше, чем сила воздействия его грани чисто литературной, художественной. Ведь для того, чтобы заявлять о своей гражданской позиции и влиять на общественное мнение, вовсе не обязательно ходить на митинги и демонстрации, стоять с плакатами в пикетах и т.п. Это всё занятия безусловно уважаемые, но остающиеся уделом людей хоть порою и честных, но не обладающих таким даром слова, каким обладал писатель Войнович. И состоять в какой-либо партии ему было совсем не обязательно: он сам по себе стоит целой партией – что политической, что музыкальной.

...Но это все о том, что и без меня всем хорошо известно. А лично для меня важным стало то, что жизнь разметала нас с дядей Володи в разные стороны на долгие годы. Войновича режим лишил гражданства и отправил за рубеж, я учился и работал, пробиваясь в этой жизни, как мог, прислушиваясь попутно к рассказам о его заграничной жизни. Как же я радовался «Чонкину», которого, разумеется, захлеб читали даже в семьях знакомых мне партийных и государственных чиновников! Узнав об этом, я считал нужным для придания значимости собственной персоне всем рассказать, что в детстве я жил бок о бок с писателем и наврать что-нибудь про то, что Войнович будто бы писал Чонкина, имея в виду сделать его похожим на гашековского Швейка. Никто, разумеется, не осмеливался оспаривать это мое утверждение – такой важный у меня при этом был вид. Я потом рассказал дяде Володе про это свое беззастенчивое вранье, и как же он хохотал! Кстати, он мне так и не сообщил: писал ли он Чонкина, имея в виду Швейка, или нет. А я его и не спрашивал: ведь не в этом дело, это вовсе не важно, а важно то, что каждый на своем месте – и Швейк, и Чонкин.

Еще позднее, уже в так называемые «демократические» времена, но до того, как мы вновь увиделись с дядей Володи, мой отец как-то недовольно заметил, что-де «Володьке Войновичу госпремию дали» – с мыслью о том, что отцу за его «Портрет тирана», вышедший в 1980 году в США, никто никаких премий давать, видимо, не собирался. Отец мой тогда находился в убеждении, что, во-первых, имел моральное право на такое произнесение – «Володька», потому что провел в лагерях в общей сложности 13 лет, а Войновича всего-то делов, что гражданства лишили, да и разница в возрасте у них была некоторая: Войнович родился в 1932-м, мой отец – в 1920-м. И отец мой, как я это теперь понимаю, ввиду перечисленных обстоятельств слегка завидовал дяде Володе. Но я не разделял такого его отношения к дяде Володе и считал, что премия – не главное, есть вещи поважнее. У нас с отцом, уж извините за отступление, вообще по жизни оказалось разногласий куда больше, чем у меня их было с другими авторитетными для меня людьми, в первую очередь – с дядей Володи Войновичем. Например, я в один прекрасный момент написал письмо Михаилу Ходорковскому в Красноярскую колонию, куда его на целых 10 лет утек Путин по известному делу. Я хотел морально поддержать человека, и, среди прочего, упомянул в письме, что мой отец также провел долгое время в сталинских лагерях, и что поэтому я-де сочувствую от всей души Ходорковскому, и бла-бла-бла... И только потом я узнал, что в то же самое время мой отец вместе с рядом других известных персон подписал публичное письмо с осуждением Ходорковского. Уж не знаю, с каким чувством (и, видимо, недоумением) читал мое письмо Ходорковский, но рассказываю я все это к тому, что эту странную ситуацию – с осуждением от отца и поддержкой от сына – мне однажды пришлось обсудить именно с дядей Володи. Возможность у меня такая появилась только после того, как я, зная, что он уже

Доброта и сила Войновича лишь окрепли с его уходом – не только во мне, но в душах всех, кто знал его, любил и любит как человека и писателя.

давно в России и в Москве, долго разыскивал и наконец нашел его: написал письмо в его аккаунт в соцсети, напомнил, что я тот самый Тончик (как меня звали в детстве), который мешал ему работать на даче у станции «Отдых» Казанской железной дороги, оставил свой телефон и просил позвонить. И что вы думаете? Однажды в трубке раздался его знакомый с детства, такой добрый и всегда ласковый ко мне голос: «Здравствуй, Тончик. Это дядя Володя». Сказать, что

Войнович был и остается настоящим русским писателем и патриотом, а не все те, кто вечно трутся у трона – не важно, у чьего именно и в какие времена.

я был рад, – это ничего не сказать. На первой же встрече, не давая никому говорить, даже дяде Володе, я постарался рассказать ему сразу обо всем, что со мною случилось за долгие годы, что мы не делились. Среди прочего зашел у нас разговор о Ходорковском, и я поделился с ним сожалением, что мой отец, сам многолетний зека, так поступил с Михаилом. Дядя Володя тогда в своей обычной мягкой манере заметил: «Действительно, зря это он так, твой отец. Ну что у него – музей, что ли, отобрали бы?» (речь шла о музее истории ГУЛАГа, который отец основал в начале 2000-х и почти десять лет возглавлял как директор и который у него незадолго до смерти в 2013 году все-таки отобрали новые московские власти).

А еще интересно все, что происходит с отношением людей к памяти ушедших, особенно если эти ушедшие оказываются при жизни заметными людьми. Так, вдова моего отца Елена (даже фамилию называть не хочу), проведшая с ним вместе четверть века, вскоре же после его смерти заявила мне, что будет делать ремонт в доставшемся ей от отца громадном доме и что если я не заберу до конца текущей недели его вещи и книги, она их выкинет на помойку. Эта женщина, судя по всему, и жила-то с отцом долгие годы только ради имущества – безо всякого уважения к тому, что он делал в память пострадавших от сталинских репрессий. В итоге нам с библиотекарем Музея истории ГУЛАГа Валентином едва удалось спасти тогда, в 2013-м, лишь малую часть архива и книг... Совершенно другое

дело с тем, что сделалось с архивом и со всем тем, что осталось после дяди Володи. Его вдова Светлана Колесниченко, ее дети и внуки от предыдущего брака чрезвычайно бережно отнеслись к памяти писателя, ко всему, что связано с его именем: я немножко помог им разобраться с архивом и знаю, о чем говорю.

А еще Владимир Войнович был очень чутким, пронзительно честным и точным в своей честности человеком. Например, он был категорически против того, что вытворяет Путин в стране и в мире. Но когда прочел мою книжку «Три войны России с Украиной» (Харьков, Folio, 2016), обратил внимание на то, что в ней сказано о Бандере (в том числе на то, что его именем вытворяли в Западной Украине во время войны), и спросил: «А на Украине это читают?» «Конечно, – ответил я, – прежде всего там и читают, книжка ведь в Харькове вышла. Это честная книжка, я не занимался тем, чтобы кого-то специально обелять или очернять». «Да, – заметил лаконично дядя Володя, – я это заметил». И это стало самой лучшей похвалой мне за всю мою жизнь, включая и то, что он вообще озаботился эту мою книжку пролистать.

А как он смеялся! При том, что заставить смеяться Войновича – это надо уметь. Однажды среди прочего я ему рассказал анекдот про три вещи, которые есть у всякой еврейской женщины: шлимазл-муж, гениальный ребенок и... немножко лишнего веса. Не смешно? Говорю же: надо еще уметь рассказать так, чтобы стало смешно. У меня, видимо, получилось, и как же тогда смеялся великий сатирик Войнович! А после того как отсмеялся, спросил: «Тончик, а ты ведь знаешь, что я вовсе не еврей?» А вы, кстати, в курсе? Войнович на самом деле по национальности серб, и более того – потомок адмирала царского флота. Чтоб вы знали. И он-то был и остается настоящим русским писателем и патриотом, а не все те, кто вечно трутся у трона – не важно, у чьего именно и в какие времена.

Он мне так и не сообщил: писал ли он Чонкина, имея в виду Швейка, или нет. А я его и не спрашивал: это вовсе не важно, а важно то, что каждый на своем месте – и Швейк, и Чонкин.

Для Войновича время страны не важно, это все равно будет время Войновича.

...Мне кажется, что он вообще не ушел никуда. Что он, решив пошутить, залез, к примеру, на крышу и наблюдает оттуда с улыбкой за нами: ну-ка, думает, посмотрю я – что вы тут без меня вытворять

Говорить о Войновиче, делая вид, что он только литератор, не стоит. Все его творчество напитано чувством гражданского долга.

будете, а потом выйду неожиданно и расхожусь, глядя на ваши изумленные лица, и похвалю за то, за что стоит похвалить, и поругаю за то, в чем вы окажетесь не правы. Для меня это так и есть: для меня он, можете не верить, никуда не ушел. Голос его, такой добрый, продолжает звучать у меня в голове каждый день: «Здравствуй, Тончик. Это дядя Володя». Портрет его со стены всматривается в меня, вглядывается в самую душу, заставляя сверять каждое мое слово и каждый поступок с тем, как поступил бы и что сказал бы он сам. Мне это очень помогает в жизни: я в любой момент могу спросить совет у моего дяди Володи. При том, что он никогда не говорил, что мне следовало делать в жизни, а что – нет. В этом его молчании и заключался самый мудрый совет: делай, что должен, что считаешь нужным, потому что и отвечать придется тебе самому. Но при этом он сам всегда был и остается передо мной примером самых верных поступков и самых точных слов. И всем читающим это я также рекомендую сверять с ним свои слова и поступки. Почаще обращайтесь к его книгам: увидите, как у вас появится ощутимо больше шансов прожить жизнь честным, порядочным человеком. Если, конечно, это ваша настоящая цель. Лично я стараюсь быть достойным этой цели, быть достойным моего дяди Володи.

Майя Беленькая. Филолог, журналист. Окончила историко-филологический факультет Горьковского (ныне Нижегородского) государственного университета и аспирантуру Владивостокского университета. Живет в Мюнхене. Автор многочисленных публикаций в России (в том числе в «Новой газете») и русскоязычных изданиях в Германии. В 2014 году работала в качестве колумниста газеты *Süddeutsche Zeitung*. О себе сообщает следующее.

Помните чудные рассказы Виктора Драгунского: «Что я люблю» и «...чего не люблю»? Мне еще в детстве они казались самыми важными из всего этого замечательного цикла – про Дениску. Потому что там – через любовь и нелюбовь – и его характер, и душа, и радость от того, что мы все, если очень захотим, можем понять друг друга. Самое мое любимое, когда счастливый Дениска говорит: «Я скачу, что ты мой папа!» И папа его понимает.

Когда я уже переехала в Мюнхен и сильно скучала по дому, да случился еще какой-то очень важный для меня день рождения, и хотелось большого праздника, хороших слов, грамоту – «За многолетний, доблестный труд» (шучу), то загрузила ужасно. Легла, обиделась. А взрослый сын просто сел рядом и стал читать мне «Денискины рассказы.» И стало легче. И это я тоже люблю. Когда берегут друг друга.

Майя Беленькая

Войнович улыбается

Мы с Владимиром Николаевичем Войновичем познакомились на выборах. Президента выбирали. Некоторые так и говорят (практически не ошибаясь): на выборах президента Путина. Но мы все-таки решили за другого проголосовать. Ну и притащились в российское консульство в городе Мюнхене. Там очередища была невероятная. Похоже, всем россиянам, тогда, в марте 2012 года, оказавшимся за рубежами нашей Родины, хотелось поучаствовать. Надеялись, видно. Впрочем, что тут удивляться, если даже Войнович...

А я настроения знала, очередь предвидела, поэтому послала вперед семью в количестве трех человек – прочувствовать тяжесть и длительность ответственности. А сама нахально часа через полтора пришла и полезла, можно сказать, без очереди. Мотивируя тем, что мои уже положенное время простояли. Никто особо не возражал, поэтому к семье я пробилась достаточно быстро, успев как раз вовремя, поскольку и муж, и дети уже практически в первых рядах находились. Ну а когда, исполнив долг свой гражданский, я вышла из кабинки, то увидела Владимира Николаевича. И как-то мы разговорились, и даже поплелись вместе к автобусной остановке (семья – уставшая, а главное стеснительная, с нами не пошла), и он уже тоже был довольно усталым, хотя в автобусе не сел ни за что, а уговорил меня со словами: «Вы же, наверное, тоже, как и мы с Олей (дочкой. – М.Б.) больше двух часов в этой толпе простояли».

Стыдно мне стало ужасно.

Но вот он такой – будет стоять, как все. Еще и других пропустит. И никого не пошлет очередь занимать для него, прекрасного... Хотя для Войновича – я бы стояла хоть целый день. И не я одна.

Кстати, он потом шутил, что хорошо все-таки, что я протырилась. Потому что две наши семьи обеспечили победу Прохорова в Баварии. Выиграл парень с разницей в шесть голосов. Моих четыре и два Войновича. Не знает поди, как мы на него, длинноногого, наивные, надеялись.

Но все-таки есть польза от Прохорова, есть! Без его участия в этой предвыборной кампании никуда бы мы не пошли, а значит и не встретились бы, наверное. Послужил, короче, катализатором: подружился мы с Владимиром Николаевичем. Но сначала так, издали. На уровне интервью, которые я иногда, жутко стесняясь и благоговей, у него брала...

И вот однажды... В город Мюнхен приехал писатель Михаил Шишкин. На один день всего. Из Швейцарии. Он умный и хороший, и талантливый; и я его очень люблю, хотя Шишкин об этом пока не знает. И вот почему.

Собралась я пойти на его выступление, а там по возможности и признаться, но вдруг по электронке получаю письмо от Владимира Николаевича. И в этом неожиданном письме – приглашение в гости.

Поскольку В.Н. в Мюнхене ненадолго, то хочет завтра собрать своих друзей, и вот – если я не против, то, пожалуйста, к шести часам...

А я-то, дура, соображаю плохо, особенно если в регистре повышенных эмоций пребываю. Подождать бы мне, подумать, так нет – сразу же и написала. Мол, спасибо огромное, но я как раз собралась на концерт Шишкина... Отправила письмо, а уж потом сообщать начала. Дурацкая это история – электронная почта. Хуже воробья – его хоть теоретически поймать можно. Короче, проклиная собственную глупость, написала еще одно письмо: типа вы то письмо не читайте, а прочитайте это. Шишкин, конечно, Шишкиным, но Париж стоит мессы, и я обязательно приду.

И пришла, и все уже были за столом, и Владимир Николаевич ввел меня в комнату со словами: «Знакомьтесь, это Майечка Беленькая! Я ее у самого Шишкина отбил».

Шишкин, дорогой! Знаете ли вы об этом?

Мне так кажется, что именно с этой истории и началась наша дружба. Какое это счастье было... Приходить в гости, гулять, шутить, слушать, делиться чем-то: смешным или грустным – не важно.

Однажды рассказала ему, как летела случайно бизнес-классом. Мест в экономе не оказалось, и нас с сыном, как теперь говорят, апгрейдили. То бишь пересадили в бизнес. Пока я наслаждалась пробацией различных технических возможностей этого люкссува-

Хороших людей здесь много. Внизу. Чем выше, тем хуже. Но надежды мало, поскольку нижние хорошие, но пассивные, а у верхних еще много энергии и возможностей.

рианта, к нам подошла стюардесса и произнесла короткий монолог примерно такого содержания: «В сегодняшнем рейсе вас будут обслуживать Люся, Таня и Тамара. Сейчас вам будут предложены прохладительные напитки. А также шампанское, виски, красное и белое вино. С чего вы хотите начать?» И мой нахальный сын тут же на эту тираду (матери не постеснявшись!) отреагировал с молодой прытью: «Пожалуй, с Тамары!»

Владимир Николаевич хохотал, тем более что рассказала я это перед его полетом в Москву. Летел он не бизнесом, хотя все-таки какая-то карточка у него была, и он мог перед и после полета отдохнуть в ВИП-зале.

На следующий день звоню ему, спрашиваю, не приходили ли случайно Таня, Люся и Тамара. И тут же, без секунды промедления, получаю ответ: «А как же, подходили! Как раз Таня, Люся и Тамара. Спрашивали, нужна ли коляска или сам доплетусь».

Теперь уже хохотали вместе.

Да почти всегда смеялись и шутили. Даже в процессе переписки.

Как-то он написал в обращении: «*Майечка, золотая...*». Я загордилась ужасно, но честно ответила ему, что мне чертовски приятно; правда, бабушка моя говорила, что золото я кастрюльное, но все равно, все равно...

И с тех пор началась такая у нас игра – придумывать для меня эпитеты всякие. Да еще с учетом того, что мне суффиксы «оньк-еньк» – симпатичны. Из-за фамилии видимо. И придумывали. От самых простых до всяких изысканных. С «оньк-оньк» и без оных. Natürlich, с учетом действующих реалий, тем письма, особенностей ситуаций.

Как только Владимир Николаевич меня не называл! Рыженькая Беленькая, разноцветненькая, драгоценная, светленькая и просветленная, пурпурненькая, испуганная, радужненькая... однажды даже «дорогая елко-зелененькая». Это когда я описывала ему всякие новогодние мюнхенские радости.

А когда уехала домой в Нижний Новгород и писала ему оттуда, то получала длинное: «*Дорогая или дорогенькая нижегородскенькая, заботливенькая и светленькая!*» Иронизировал, конечно, над моими пристрастиями к уменьшительно-ласкательным вариантам речи. Тактично и незаметно учил меня более честному и более точному языку. Да и определения пошли другие... «*Дорогая перехвалившая... (серия новых эпитетов без «оньк-еньк»)*». Или так: «*Дорогая загулявшая Майя! Я уже все цветные эпитеты перебрал, вы мне подсказали новый!*» Это потому что я написала, что сплошные какие-то гости, вечеринки; никак делом не займусь.

Вообще, почти всем могла с ним поделиться. Имела наглость ныть и жаловаться на то, что болит колено: если согну – уже не разгибается. На что получила: *«Дорогая, Коленопреклонененькая!»*. Ну и подпись была соответствующая: *«Ваш Артрозоколенный В.Н.»*.

Честно: сразу мне стало легче!

Как-то он всегда умел меня приободрить. Ну я и пользовалась... Ныла. Что вот, еле хожу. Не знаю, как и приползу. Тут же в ответном письме спрашивал: *«Вам, может быть, Rollstuhl (по-нашему, инвалидную коляску – М.Б.) заказать? На нем, кстати, кто умеет, может здорово кружиться и кружить другим что-нибудь»*.

...Я-то, конечно, действительно, во всех смыслах коленопреклоненная, писала ему про симпатию и любовь не только мою, но и всех моих друзей. Но впадать в излишнюю сентиментальность и восторженность Владимир Николаевич мне не позволял. *«Восторжененькая, во-первых, вскружила голову, во-вторых, создала почву для культа личности. Вот я думаю об этом, который на букву Пу. Ему ведь каждый день с утра до вечера говорят, какой он умный, красивый, обаятельный, отец народов, дзюдоист, хоккеист и полководец. Какие у него взгляд и статья, и походка, и прочее. Если бы мне каждый день такое говорили, я бы тоже подумал, что правда. А так, хоть голова и кружится, но пытаюсь удерживать равновесие. И в таком состоянии обнимаю, Ваш В.Н.»*

Стала ныть, что толстая получилась на общей фотографии. Тут же слышу от него: *«Что касается фотографий, то на них стоящий рядом в полтора раза шире. Душа широкая. Распирает»*.

Однажды, когда я прислала ему один свой рассказик, написал: *«Ну что ж, светленькая, неплохо! Рассказ зощенковский. Правда, Зощенко написал бы смешнее. Но повторяю: неплохо»*.

Вот мне было счастье! Теперь с грустью перемешанное...

Хотя сам Владимир Николаевич все делал, чтобы близкие и не думали грустить из-за него.

Отвечал всегда. И всегда так светло... Сейчас перечитываю и улыбаюсь, несмотря ни на что.

Когда в мюнхенскую больницу в последний здесь свой год попал, рвалась я сразу к нему прибежать. Но боялась, что, может, неудобно, что, может, не хочет... Но буквально через пару дней получаю письмо, и там, как всегда, легко и весело: «Майечка, дорогая... слышал, что Вы рвались ко мне с пирожками, правильно понимая, через что идет путь к сердцу мужчины. Но он идет так-

Редчайший случай, когда настоящий большой писатель был настоящим прекрасным человеком. Почему «был»?.. Есть!

же через личное общение и как паллиатив через средства связи... (и телефон написан – М.Б.)». Ну я и бросилась. Прибегаю, смотрю: Войнович – на одной кровати, а на другой – женщина какая-то. Владимир Николаевич весь в проводах, но все равно улыбается. Спрашиваю испуганно, что это, мол, за новости: тетка прямо на соседней койке?

— Вы, Майечка, ничего не понимаете. Это у нас палата суперсовременная. Унисекс называется.

На следующий день прихожу: мне говорят, что Войнович уже в другом отделении. Заглядываю – точно по Маршаку... «Комнату справа снимает китаец, комнату слева снимает малаец...». Малайцев я не в состоянии вычислить, но черный парень был, и кто-то явно азиатского происхождения – тоже.

— А это что такое?

— Ну уж это, Майечка, вы должны знать. Интернационал называется!

В общем, шутки бесконечные.

Кстати, категорически запретил мне сообщать медперсоналу, что не самый обычный человек тут у них прилег. Я долго стенала, что все люди во всем мире одинаковые, и на бренд – большой русский писатель –отреагируют однозначно. Как минимум будут более внимательными, а может, и в отдельную палату переведут. Вдохнул только. Как есть, так и есть. И так все хорошо.

Вообще не мог никого беспокоить.

Спрашиваю:

– Владимир Николаевич, почему вы «скорую» раньше не вызвали?

– А вдруг у меня ничего особенного, и получится, что скорая ехала зря, а могла бы в это время ехать к тому, кому действительно нужно.

Ни «скорую» не хотел беспокоить, ни дочку Олю, ни Светлану, жену свою замечательную. Не хотел, чтобы волновались. Переживал, что кого-то может подвести. Рассказывал мне, что однажды уже была история с сердцем, когда он должен был поехать на встречу с читателями в Израиль. Написал он организаторам, что чувствует себя неважно, нельзя ли перенести пару его выступлений. Там запричитали: «Ой, да тут уж все билеты распроданы, народ жаждет; перенести целая проблема, да и Вам уже билеты на самолет туда

Вот он такой – будет стоять, как все. Еще и других пропустит. И никого не пошлет очередь занимать для него, прекрасного...

и обратно куплены. Может, вы как-нибудь все-таки приедете...» Что делать, решил ехать. *«И так мне повезло!»* – рассказывает Владимир Николаевич, улыбаясь своей такой щедрой, такой обаятельной улыбкой, – *в ночь перед вылетом, у меня бац – инфаркт. Увезли на скорой. Так что я уже с честной душой не полетел».*

Когда был в больнице, попросил меня ответить Дмитрию Муратову, редактору «Новой газеты», что 1 апреля (в 2018 году это было, в день рождения «Новой») он, к сожалению, прийти не сможет. Пишу Муратову. Дмитрий Андреевич отвечает тут же. Очень расстроенный. Ну потому что Войновича обожает вся редакция. Да и там – на дне рождения «Новой» – конечно же, самые прекрасные люди страны. И они даже уже придумали, кто рядом с кем сидеть будет. Войнович и Шевчук вместе.

Я Шевчука люблю очень, почти как Шишкина; пришла домой, рассказываю: «Вот, черт, как неудачно Владимир Николаевич приболел. Мог бы сидеть с самим Шевчуком». Муж только у виска пальцем покрутил. А Войнович, когда мы, смеясь, ему эти мои неадекватные реакции излагали, только улыбнулся чуть-чуть

и тут же подмигнул мне заговорщически: «И точно, не вовремя я... Шевчук!».

Одной фразой нас с Шевчуком поддержал...

Вообще он очень умел ценить и любить талантливых. Я ему в больницу приносила стихи Сергея Плотова; хохотал очень, жалел, что раньше не знал, велел приносить еще. И я, опять же не подумав, послала... грустное очень. Теперь убить себя готова. И это было то последнее письмо, на которое Владимир Николаевич не ответил. (Впрочем, в WhatsApp еще коротенькими репликами перебрасывались. Не отлучил меня Владимир Николаевич. Надеюсь...)

*Сколько было той воли?
Два годочка – не боле...
Да и те в чистом поле
Ветер смог разметать.
Сколько было той жизни
В нехолопской отчизне?
Мало было той жизни –
Не успели понять.
Не успели втянуться.
Не сумели проснуться.
Нам привычнее – гнуться
Хоть в дугу, хоть в тую.
Нам бы стопочку славы,
Чьи знамёна кровавы.
Нам бы призрак державы
Да погибель в бою.
Ну, и где же набраться
Нам достоинства, братицы?
Вековечное блядство
На особый манер,
Частокол да дреколье
В жизни, траченной молью...
Сколько было той воли?
Ничего. С гулькин хер.*

Может быть, уж слишком безнадежным было стихотворение... Во всех смыслах. Хотя я, боясь совсем уж печальных коннотаций, дописала в конце: *«Впрочем, с последним (утверждением Плотова – М.Б.) не соглашусь. Кое-что все-таки было. Чем и утешаюсь»*. Но, похоже, В.Н. моего оптимизма не разделял. Потому что, кроме всего прочего, за Россию переживал по-настоящему.

Еще в 2012 году, собираясь домой в Нижний, написала ему, что я так рада, что скоро окажусь дома, среди своих – хороших людей. Ответил он мне сразу и тоже довольно грустно: *«Спасибо, дорогая Беленькая и Улыбающаяся! Хороших людей здесь много. Внизу. Чем выше, тем хуже. Но надежды мало, поскольку нижние хорошие, но пассивные, а у верхних еще много энергии и возможностей. Вам тоже желаю здоровья, успехов и радостей по разным поводам, включая повод – пребывание в России среди хороших людей. Обнимаю, Ваш В.Н.»*

А вообще отвечал всегда. И всегда так светло... Сейчас перечитываю и улыбаюсь, несмотря ни на что. *«Дорогая ненагляденькая! Если ещё не забыли своего престарелого друга, приходите на свидание 26.09 (это день рождения Владимира Николаевича – М.Б.) в 14.30 в Kaisergarten по адресу: Kaiserstrasse 32. Можете вдвоем. Будем пить пиво и хулиганить»*. Как только получила, понеслась к мужу: вот – вдвоем можем пойти! Тот все стеснялся, а когда однажды все-таки решился, счастлив был абсолютно, хотя и ругал себя ругательски, что столько возможных встреч пропустил.

Когда делали последнее с Войновичем большое интервью (тоже для «Новой газеты»), то В.Н., как всегда, вычитывал его очень внимательно. Кучу времени на это потратил. Тем более, что я размахнулась и даже придумала текст с продолжением, которое предлагала назвать по аналогии с пьесой Александра Володина – «Четыре вечера с Владимиром Войновичем». На пять мы не потянули.

Но не тут-то было. Глобальные мои проекты его насмешили, хотя пожалел меня – иронизировал легко и тепло. *«Ну вот, Бело-рыже-малиновокуренькая, отделился я от Вас. Советую назвать весь цикл "Четыре ночи с Войновичем". Можно поставить эпитет: "незабываемых". Тем более что я, правда, трудился по ночам»*.

Дальше уж все шутили, как могли. И про 17 мгновений (это Муратов), и про 1001 ночь (опять же В.Н. с моим мужем заодно). Но

вышло, как и положено в газете, без всяких продолжений. Но зато разворот! Хотя я все равно причитала...

Впрочем, В.Н. знал, что я переживаю из-за всего. Может, поэтому получила от него перед Новым годом такое чудное письмецо. *«С Новым годом поздравляю немедленно и желаю в нем не болеть, не хныкать, в дождливые дни не унывать, солнечным радоваться, получать много удовольствий от окружающей жизни и не забывать своего престарелого друга, который обнимает Вас кефирко-пиркефирко (так правильно)».*

Так жаль, что я всегда стеснялась его обнять кефирко-пиркефирко. Но я все равно надеюсь, что он знает.

Ой, с этим «кефирко-пиркефирко» отдельная история. Как-то В.Н. рассказал мне, что одна маленькая девочка всегда говорила вместо «крепко-прекрепко» как раз эти самые «кефирко-пиркефирко». Мне понравилось ужасно, но запомнить этот фонетический расклад никак не получалось, и Владимир Николаевич меня учил. Как правильно. Однажды даже написал: «Девочка – это была когда-то моя маленькая сестренка – варьировала: раскефирко, прекефирко и пиркефирко. Стало быть, обнимаю так, сяк и эдак».

...Так жаль, что я всегда стеснялась его обнять кефирко-пиркефирко. Но я все равно надеюсь, что он знает.

P. S. Да, а что я сказать-то хотела... Все, что выше, – это так, мимолетности. Мгновения. Для меня – действительно драгоценные и незабываемые (помните, у Бальмонта: «В каждой мимолетности вижу я миры...»).

Но я ведь еще столько всего знаю про Владимира Николаевича. Про литературу – даже не буду говорить, скажут и без меня. Про невероятную его порядочность, честность, храбрость – тоже многие замечательные люди напишут. А вот вместе... Редчайший случай, когда настоящий большой писатель был настоящим прекрасным человеком. Почему «был»?.. Есть!

«Чаевые» от Войновича

Недавно в Мюнхене был Владимир Николаевич Войнович. И сразу праздник. Для его дочки Оли, живущей в столице Баварии, – в первую очередь. Ну и для всех, кто очень-очень любит Войновича. А таких тут много. Впрочем, как его не любить...

Умный – да, это понятно. Мудрый – наверное, это будет правильнее. Веселый. Доброжелательный. Абсолютно лишенный какого-либо снобизма. Вот совершенно это не про него. Ну потому что интеллигент. Потому что юмор и самоирония, как мне кажется, определяющие черты его характера: Потому что талантлив невероятно. (Написала бы другое слово – но ведь посмеется надо мной. Пафос – это ведь тоже не его формат.)

Ну и самое главное: Войнович – прекрасный писатель. Может быть, лучший современный русский писатель.

«Чонкин» – просто чудо. Любимая книга миллионов людей. (Написала и испугалась: решила, что погорячилась с миллионами. А народ поспрашивала: ничего не преувеличила. Все – «за»! Даже название этой книжки полностью приводить не стала. Любой читающий человек в курсе.)

Про знаменитую его песню, которая стала гимном космонавтов, – вообще не говорю. «Я верю, друзья, караваны ракет / Помчат нас вперед от звезды до звезды. / На пыльных тропинках далеких планет / Останутся наши следы». Тут и совсем далекие от литературы – цитировать будут без запинки.

Роман «Москва 2042» – великое прозрение.

Пьесы – смешные невероятно. Сценичные очень. Провидческие тоже... «Трибунал» читали?

Ранние повести – просто глоток воды, незамутненной (вспомните «Два товарища», «Мы здесь живем» и – моя самая любимая – «Хочу быть честным»).

Роман «Автопортрет» – могу перечитывать сколько угодно раз.

А теперь вот в «Эксмо» вышел в марте «Малиновый пеликан» – новая вещь, чуть ли не в сюрреалистическом духе написанная. Как только Владимир Николаевич стал о ней рассказывать – заволновалась я чрезвычайно. Там главный герой (от первого лица идет по-

вестование) боррелиозом заболевает. Клещ его укусил. Ну и сразу в Склифосовского...

Я-то позавидовала и закричала сразу Войновичу, откуда вы, мол, про боррелиоз знаете и вообще... Зависть моя чисто технического свойства была. Мне тут в Германии тоже боррелиоз достался по полной программе. И никто сразу в больницу не вез. Пока добилась – четыре месяца прошло, и там уж – вторая стадия, клиника, антибиотики и прочие медицинские радости.

Как Войнович расстроился! Не в смысле, что меня жалко стало (хотя не исключаю: я с подробностями все рассказала), но главное – огорчен был, что мучился, искал симптомы боррелиоза в интернете, а мог бы взять у меня интервью. И было бы очень наглядно.

Вот. Это первое, чем можно похвастаться. Как Войнович не взял у меня интервью.

Умный – да, это понятно. Мудрый – наверное, это будет правильнее. Веселый. Доброжелательный. Абсолютно лишенный какого-либо снобизма.

А второе – про новую повесть. Владимир Николаевич только кусочек из нее пересказал, но народ просто падал от смеха. Дома это у него было. И он смеялся сам. И я понимала, что это счастье – вот хототать вместе с ним. И если считать – то этим тоже можно похвастаться. И еще тем – что ели мы лобио. Которое он сам и приготовил. Вкусно невероятно. Хотя Владимир Николаевич и переживал, что сделал некачественно: необходимые травы да приправы не положил, и получилось примитивно. А мне-то было в самый раз. Все мне было в самый раз. И открытый доброжелательный дом. И то, что я опоздала, и Владимир Николаевич стоял на лестнице, понимая, что я запутаюсь, а телефон, который он мне дал, как раз не работал в этот день...

И вкусные котлеты, которые пожарила дочка Оля, и картошка, которую сварил сам хозяин.

И истории всякие разные. Например, про маленькую Олечку (теперь-то это уже совсем взрослая барышня, преподаватель немецкого языка, писательница). А когда-то в 80-х годах, в семилетнем возрасте она практически способствовала удачной интеграции Вла-

димира и Ирины Войнович в немецкое общество. Сначала в общество деревни Штокдорф, что в двух шагах от города Мюнхена.

«Повели мы ее в первый класс. Сразу после новогодних праздников. Приводим в школу, знакомимся с учительницей, фрау Гербер, а та берет Олю, ведет к местным ребятишкам и говорит: “Дети, эта девочка приехала из России, и она не знает ни одного немецкого слова, вообще ни одного! Будем ей помогать?” Все тут же захотели с Олей дружить. А родители подружившихся детей уже с нами дружить захотели. Получилась целая деревня наших знакомых и друзей».

Мне-то кажется, что деревня эта Stockdorf, которую Владимир Николаевич по аналогии с Переделкино – Перепалкино называет (Stock – по-немецки палка), просто счастлива была, что у них там Войновичи поселились.

И многие друзья Владимира Николаевича здесь в Мюнхене – еще с тех давних времен. Замечательный русский писатель Борис Хазанов. Публицист, правозащитник, писатель Эйтан Финкельштейн. Ирина Сергеевна фон Шлиппе. Урсула Фелкль... Ой, тут перечислять и перечислять! Кого-то из них я увидела как раз в гостях у Владимира Николаевича.

Это тоже была отдельная радость – его замечательные друзья за столом.

И книги кругом. И картины. Самого Войновича. И его друзей.

И имена, которые всплывали в разговоре. Причем это были имена людей, с которым дружил, общался, спорил... Ушедшие. И ныне живущие. Довлатов и Солженицын, Токарева и Ахмадулина, Аксенов и Битов, Розовский и Любимов... Про последнего – даже не догадалась. Говорили про кандидатов в американские президенты. Про Берни Сандерса – кроме всего прочего – что старый. Войнович сказал. И сам стал смеяться. А потом вспомнил, как однажды ехал с Петровичем в троллейбусе («Что нас в этот троллейбус занесло?»), и вдруг весь транспорт встал в жесточайшей пробке. Оказалось, кортеж Ельцина неподалеку. Ну, Петрович и говорит: «Вот сейчас будем из-за этого старца стоять». «А сам, – Войнович смеется, – как и в моем случае с Сандерсом, был лет на десять старше Бориса Николаевича». Я только робко и спросила: «А кто это – Петрович?» Оказался Любимов.

Легенды – все. Все имена легендарные. А Владимир Николаевич сидит рядом и угощает картошкой с котлетами.

Я и еще кое-что с ним ела. Тут уж моя инициатива была. За несколько дней до этих тихих посиделок у Войновича дома была еще и более широкая встреча. Организованная мюнхенскими литераторами, подвижниками, поэтами: прекрасными Наташей Гениной и Андреем Рево. И после нее несколько человек вместе с Владимиром Николаевичем зашли в соседнее кафе. Ну еще чуть-чуть по душам поговорить... А я знала, что такое может случиться, дома нахвасталась; и положил мне заботливый муж в элегантную сумочку – нашу российскую воблу. «Куда, куда?! – закричала я. – Ты понимаешь ли, куда я иду? И какие там люди будут?» «А и ничего, – возразил муж, – вобла никогда не помешает».

И вот в кафе этом крохотном, увидев, что все пива заказали, робко призналась я Владимиру Николаевичу, что лежит у меня в сумочке нечто родное и привычное. А он засмеялся и даже обрадовался. И хотя дочка Оля возражала, да и другие тоже – правда, вяло – ну что типа неудобно и мы в немецком ресторане, и вряд ли тут поймут эту самодеятельность, подозвал великий Войнович официанта и попросил: «Может быть, можно? Традиция у нас такая. С пивом – вобла».

И нам, представьте, разрешили. Только велели не слишком демонстрировать наши российские деликатесы.

И достала я ее, уставшую ждать своей участи. А Войнович наглядно объяснил, как с ней, особенно пересохшей, надо поступать. Заправски так постучал рыбкой по столу. И даже разделал частично.

И пили мы баварское пиво, и грызли эту старую воблу, и задохшей икрой, которую эта рыбешка в себе умудрилась сохранить, друг с другом, конечно же, поделились. И смеялись опять, и слушали прекрасного Войновича. Вернее, он нас слушал. Поскольку рассказывать умеет замечательно, но не менее замечательно умеет слушать другого. Подбодрить. Прокомментировать. Обострить так, чтобы было смешно. Порадовать рассказчика.

Войнович – прекрасный писатель. Может быть, лучший современный русский писатель.

И это было тоже счастье. Хотя погода была отвратная, и до метро бежали без зонтиков, и все равно смеялись.

Ой, а еще до метро-то, до метро... Тоже было главное. Ну про то, что в названии этой заметки.

Счет нам принесли. И хотя там в нашей компании в основном мужчины были, у советских-то женщин – собственная гордость. И полезла я за деньгами. Ну ненормальная, что тут скажешь. И начала с евро. И все смеялись. А Войнович евро взял и говорит: «Ну ладно, только тогда за это...» И доллар из кошелька вынимает (осталось от американской поездки, из которой только что вернулся. В десяти городах выступал).

Мне-то кажется, что деревня эта Stockdorf, которую Владимир Николаевич по аналогии с Переделкино – Перепалкино называет (Stock – по-немецки палка), просто счастлива была, что у них там Войновичи поселились.

Тут уж я не растерялась. Случайно. Обычно трепещу и помалкиваю. А тут – такая обстановка была... Ну и говорю: «Ладно, так уж и быть. Возьму доллар. Только напишите мне на нем что-нибудь».

И дала Олечка фломастер. Пухлый такой, синий... А я все ручку требовала. Потому что ручкой же много можно написать. А фломастером-то толстым – ну сколько поместится.

Но ручки не нашлось. И тогда мой любимый, прекрасный Владимир Николаевич взял фломастер и стал что-то писать. На зеленой этой американской бумажечке. И сам смеется. И я заглянула через плечо – и тоже залилась. Потому что там было написано: «Чаевые Майе Беленькой. От В. Войновича».

Собственно, здесь и закончить можно. Я просто дома еще долго всем спать не давала. Хвасталась чаевыми. Не заслужила, честно говоря. Тепло это человеческое. Радость общения. Открытость. Уважение...

Ну вот такой он, Войнович...

*Впервые опубликовано в газете
«Новые Известия» 28 апреля 2016 года.*

Дмитрий Быков. Писатель, поэт, публицист, теле- и радиоведущий, преподаватель литературы, кинокритик, политический активист. Родился 20 декабря 1967 года в Москве. В 1984 году окончил школу с золотой медалью. В 1991 году окончил факультет журналистики МГУ с красным дипломом. Биограф Бориса Пастернака, Булата Окуджавы, Максима Горького и Владимира Маяковского. Совместно с актером Михаилом Ефремовым регулярно издавал литературные видеовыпуски в рамках проектов «Гражданин поэт» и «Господин хороший». С 1985 года работает в газете «Собеседник». Член Союза писателей СССР с 1991 года. Лауреат премий «Большая книга» (2006), «Золотое перо России» (2010).

Дмитрий Быков

ЧИСТЫЙ ХУДОЖНИК

Дмитрий Быков – о Владимире Войновиче, умершем от сердечного приступа 27 июля 2018 года в возрасте 85 лет.

ХРАБРЫЙ

Однажды Войнович ехал на своей машине – кажется, тогда еще «Москвиче» – к будущей жене, тогда еще чужой. Дорогу размыло, пришлось объезжать, перебираясь ночью, в темноте, по сломанному мосту, по двум доскам. И как-то он по этим доскам поехал и к ней, к полному удивлению, попал. Утром он ехал обратно и не мог понять, как ему удалось во тьме взять это препятствие. Пожалуй, это был самый большой риск в его жизни, серьезней даже, чем в отважной борьбе с чекистами, которые его травили в прямом и переносном смысле. На вопрос, как же он это так, он пожимал плечами: любил сильно.

Сильно любил и обладал выдающейся физической храбростью, потому и прожил 85 лет, не впадая ни в дряхлость, ни в старческую примиренность. «От писателя, в 75-летнем возрасте выпускающего третью часть старого романа, естественно было бы ожидать...» – робко начал я, поздравляя его с выходом полного «Чонкина». «Мараз-

ма», – спокойно закончил он. Но маразма не было. Была проза его обычного уровня, то есть очень хорошая, точная и смешная – но смешная без хохм, без натуги. Советская жизнь, жалкая, страшная и печальная, увиденная трезвыми глазами. Войнович сам вышел из народа, а потому позволял себе говорить о нем правду. Ему не нужно было никому льстить и обнаруживать величие там, где он видел жестокость, покорность и рабство.

НЕНАВИДЕЛ И ЖАЛЕЛ СВОИХ ГЕРОЕВ

Все уже успели написать о том, что он был отважный человек, ядовитый сатирик и несгибаемый диссидент, как в семидесятые, так и сейчас. Но мне кажется, что главный его талант был в другом, и не зря он начинал как поэт: чувство формы в стихах даже нужней, чем в прозе, и оно у него было органическое, врожденное. Потому он и рисовал хорошо (хотя хуже Александра Зиновьева, товарища по берлинской эмиграции). Войнович, пожалуй, самый наглядный случай чистого искусства в позднесоветской прозе, сравнить его можно только с Трифионовым, с которым они и по характеру были похожи.

Войновича не интересовали ни актуальность, ни советский абсурд сам по себе – он хотел писать хорошую прозу, и на Солженицына, кажется, он злился именно потому, что тот изменил своему предназначению и поставил талант на службу идее. А какие идеи у Войновича – скажем, в лучшей его повести «Путем взаимной переписки»? Все лица, все характеры там – бесконечно родные, узнаваемые, ужасные, смешные. Солдатик с писарским почерком и сердцеедскими ухватками, говорящий на жуткой смеси языков: тут и замполитовская проповедь, и советские армейские песни, и штампы из дедовского письмовника, и солдатский анекдот, и фольклор. Баба, которая его на себе женила, и ее брат, убивший собаку, чтоб опробовать на ней ружье. Проводник, который способен в бессонную ночь нагнать смертельной тоски, потому что ему на всех и все наплевать, и все он уже видел на свете. В общем, все эти люди бесконечно унижены и готовы унижать друг друга, они катают кляузы и любовные письма одним и тем же слогом, они хотят есть и совокупляться, других страстей не имеют, и смотреть на них тошно – отворотясь не наплюешься, и жаль до слез.

Войнович пошел в их изображении дальше, чем Зоценко, и зорче отследил мутации советского языка. Но у Зоценко все-таки чувствовалось отчуждение, он не был одним из них и не жил с ними бок о бок. А Войнович наездился в тех же плацкартах и нашагался в том же строю, и потому он – вот главный его парадокс – сильнее их ненавидел и больше жалел. Вот писателей, пошедших в услужение власти, он просто презирал и от души на них оттаптывывался. Это же касалось политруков, партторгов, особистов, генсеков, охранников – тут никакого сострадания, чистое омерзение. А вот Чонкин и его возлюбленная – это те, кто ему интересен, это то новое состояние народа, которое он один запечатлел – и все благодаря потрясающей зоркости, чуткости, пластическому дару. Он так

Он не питал иллюзий насчет Горбачева, все понимал про Ельцина, а Путина, кажется, настолько низко ставил с самого начала, что ни в 2002-м, ни в 2004-м ничему не удивился.

чувствует деталь – и так умеет не выпячивать ее, – что быт всех этих бесчисленных и бессловесных героев, вытацивших на себе русский XX век, дан у него с фотографической точностью, какой, однако, ни один фотоаппарат не достигнет. Их письма и разговоры, кляузы и любовные признания, армейские байки и тосты – все это Войновичем записано и почти не форсировано, и пока читаешь – хохочешь до истерики, а как прочтешь – выть хочется. От боли за них, от отвращения к ним и к себе. И сделано все это средствами чистейшего искусства, без всякой публицистики – поэтому так любила его Ахмадулина, ценившая чистое художество. Некоторые называли его циником, и это тоже нормальная участь художника, который никому не льстит и не мстит – просто как видит, так и пишет.

ЯЗЫКОТВОРЕЦ

Настоящим писателем, как показывает практика, становится тот, чьи формулы и определения уходят в речь. Войнович обогатил русский язык, как мало кто из современников: перезвездиться,

свинина по-вегетариански, «кто сдает продукт вторичный – тот питается отлично», и это только «Москва 2042». А была, ведь, и «Шапка», и отличная публицистика, и злые стихи, в числе которых перwokлассные пародии на гимн и советскую официозную лирику... При этом он был едва ли не единственным из советских диссидентов, кто сохранял удивительное душевное здоровье: фанатизм ему претил, он склонен был извинять слабости, не терпел только пророческого пафоса и учительского тона. Он отвечал чекистам дерзко и самоуверенно, начальству – без подбострастия. И удар он держал, как мало кто.

Есть два занятных документа, сравните их – на полосу они не влезут: письмо Бродского Брежневу перед отъездом и письмо Войновича Брежневу после лишения гражданства. Это не значит, что Бродский больше любил Брежнева, боже упаси. Это значит, что Войнович нашел с ним более верный тон. (А уж письма Евтушенко Брежневу просто читать мучительно, хотя Евтушенко и так пинают все кому не лень.) Войнович говорил с ними так, как они того заслуживают, не питал иллюзий, не надеялся вышибить из них слезу или сподвигнуть на доброе дело. Он в них не разочаровывался, поскольку не был очарован.

Сильно любил и обладал выдающейся физической храбростью, потому и прожил 85 лет, не впадая ни в дряхлость, ни в старческую примиренность.

Многие вспоминают, что он и в 1991 году, сразу после возвращения, не надеялся на трансформацию этого государства, на волю этого народа, на чутье и прогностические способности шестидесятников. С ними он, кстати, вообще во многом расходился. Он полагал, что Ленин глупей Сталина, потому что все его начинания безнадежно погибли уже при нем, а сталинская конструкция, хоть и скособоченная, простояла после него тридцать лет. Он не питал иллюзий насчет Горбачева, все понимал про Ельцина, а Путина, кажется, настолько низко ставил с самого начала, что ни в 2002-м, ни в 2004-м ничему не удивился.

СОСТОЯНИЕ «ЧОНКИНА»

Слова о «тайне смеющихся слов», которой владеет Тэффи, приписывали тому же Зощенко. Но думаю, что талант Войновича не меньше – это тайна интонации: слова-то самые стертые, но это сочетание бывалости, насмешки, грубости, слезной жалобы и вагонной байки – именно его ноу-хау. Никто не создал за последнее время такой живой и убедительной речевой маски: обратите внимание, что «Автопортрет» написан совершенно не так, как «Чонкин».

«Я тридцать лет не мог войти в состояние «Чонкина», – объяснял мне Войнович, когда я спросил, откуда такая пауза. Сейчас мы все вошли в это состояние, и ничего в этом хорошего нет. Но хорошо

Писателей, пошедших в услужение власти, он просто презирал и от души на них оттапывался. Это же касалось политруков, партторгов, особистов, генсеков, охранников – тут никакого сострадания, чистое омерзение.

уже то, что одна из самых смешных и злобных книг Войновича опять про нас и полностью нам понятна. Если б она еще и подействовала на нас так, чтобы все мы хоть отчасти стали похожи на него! Но для этого надо еще и уметь так сильно любить, чтобы это отшибало страх. Может, кому и повезет.

*Впервые материал был опубликован
в издании «Собеседник» № 29 за 2018 год.*

Алла Гербер. Писательница, кинокритик, политический и общественный деятель, правозащитница. Родилась 3 января 1932 года в Москве. Окончила Московский юридический институт (1955). Работала юрисконсульт, адвокатом. С 1963 года постоянно сотрудничала в разных изданиях – газетах «МК», «Известия», «Литературная газета», «Комсомольская правда», журналах «Юность», «Советский экран». Автор 9 книг, член Союза писателей СССР, Союза журналистов СССР, Союза кинематографистов СССР. Стала одним из организаторов независимого движения писателей «Апрель»; организатор Московского антифашистского центра; сотрудник Института экономики переходного периода, президент общественного Фонда «Холокост», член редколлегии «Библиотеки Холокоста», одна из составителей «Книги Праведников» и «Истории Холокоста на территории СССР»; член координационного совета движения «Демократическая Россия»; депутат Госдумы первого созыва (1994–1995); член президиума Российского еврейского конгресса. Лауреат премии Федерации еврейских общин России «Человек года 5762 года» (2003) в номинации «Просветительская деятельность».

Алла Гербер

Быть предельно честным

Когда-то мы вертелись на одном пяточке. Внутри пяточка находились журнал «Юность», Центральный дом литераторов, отчасти «Новый Мир». За столом с самоваром и сушками, баранками. В какой точно момент мы познакомились, я вспомнить не могу. Сама атмосфера той жизни – когда все мы начинались, каждый по-разному, была такая светло-радостная, несмотря на кучи обстоятельств и сложностей, трудностей и абсолютного непонимания – «куда живем». Я не сравниваю свое начало как журналиста, как публициста с тем началом, которое было у Володи. Но общая атмосфера была очень дружеская, радостная, застольная, особенно в ЦДЛ, куда можно было прийти и не знать, кого ты там встретишь, но знать, что обязательно встретишь, это был такой калейдоскоп встреч, людей

одного круга – вот это было очень важно. В этих компаниях были все: и актеры из театров «Современник» и «Таганка», и барды, и писатели, и художники. И это все были люди, которые после «оттепели» вырвались на поверхность, но многие из них, к сожалению, так и исчезли, их смыло волной жизни. А самые, самые талантливые, конечно, остались и остались не в том времени, а, на мой взгляд, остались надолго в памяти русской культуры, русской литературы – такие, как Володя Войнович. Для меня он был Володя: это не амигошонство, просто он для меня был Володей.

Когда мы с ним познакомились, то отнеслись друг к другу с большой симпатией. Более того, сейчас уже можно об этом говорить, давно это было, – у нас даже был небольшой, но очень обаятельный роман. Я тогда только начинала, в «Юности» меня называли «бабушкой молодежной публицистики». Володя же был хотя и начинающим, но уже достаточно известным писателем – хотя бы потому, что он уже вошел в литературную жизнь со своими песнями: все уже знали, что такое «На пыльных тропинках далеких планет» и «Рулате, рула», а я это знала чуть ли не по участию в хоре юридического ин-

Он шутил не ради того, чтобы все хохотали, а для того, чтобы дать точную оценку той ситуации и того человека или тех событий, о которых он писал или говорил.

ститута – когда понятия не имела, что когда-нибудь увижу Володю и даже буду в него в какой-то степени влюблена.

Больше всего запомнился его поразительный, пристальный взгляд, в котором сразу читалось такое напряжение мысли, напряжение оценки. Не оценки тебя, а оценки какого-то момента, который зафиксирован, «работает» в его голове и уже дает какие-то неведомые тебе плоды. Он не был весельчаком-застольником, как ребята того времени – Арканов, Горин, он не был хохмачом, это очень важно понять, у него не было таких шуточек-шмучечек, но он был безумно остроумен, очень точен и саркастичен, у него было такое колоссальное чувство юмора, что можно было только позавидовать. Чонкин – это его юмор, это его сатира, это его абсолютно ни на кого не похожее замечательное литературное издевательство и замеча-

тельное литературное хулиганство в хорошем смысле слова. Потому что он свободен, он зорек, он очень чувствует то, о чем он пишет. Он очень здорово смеется, он любит тех, о ком пишет, он любит своего Чонкина и всех, кто его окружает. Он веселится вместе с ними. Такое же было ощущение, когда с ним разговариваешь.

Многие потом мне говорили, что Владимир Войнович был злобным сатириком. Я так не считаю, потому что он не был злобным. Он был остер, язвителен и мудр. А мудрость не может быть распластанной, сентиментальной, сахарной. Он шутил не ради того, чтобы все хохотали, а для того, чтобы дать точную оценку той ситуации и того человека или тех событий, о которых он писал или говорил.

И он был очень обаятельным. Никогда не был мачо-красавцем, никогда не был героем нашего или не нашего времени, но он был очень обаятельным, притягательным. Потому что был умным нео-

Он свободен, он зорек, он очень чувствует то, о чем он пишет. Он очень здорово смеется, он любит тех, о ком пишет, он любит своего Чонкина и всех, кто его окружает.

быкновенно. А ум, вы знаете, многих женщин волнует даже больше, чем физические достоинства. Он был умен, и этот ум очень волновал. При этом он мог быть очень нежным, мягким, внимательным. Никогда не забуду цветы, которые он с колоссальным вкусом умел выбрать и подарить в какой-то момент. Это не означало, что это что-то такое, что надолго и всерьез – <отношения с цветами>. Но на какой-то момент он мог сделать тебя счастливой, и это очень важно.

Но многих ум, наоборот, пугает – особенно такой ум, какой был у Володи. Он пугал не только тех, кто был обязан его бояться. Он ненавидел этот строй, эту систему, в которой мы все тогда жили, ненавидел это чиновничество, ненавидел ложь, он ее презирал, ему от нее было тошно – от лжи как стиля жизни, как способа выживания. «Хочу быть честным» – так он назвал свою знаменитую повесть.

Он был работягой и прошел довольно трудные этапы своей совсем не элитарной жизни. И я думаю, что он и тогда был очень честным, потому что он не просто хотел быть честным, он им был.

И все, о чем он писал, это прежде всего было абсолютно честно. Он не притворялся никогда, у него не возникало желания спрятаться за слово, не было видимости правды, это и была правда, он кровото-чил правдой, в том числе в своей знаменитой книге, посвященной Солженицыну.

Нам было страшно, когда ему пришлось уехать <из стра-ны> – после того как его доконали и, можно сказать, выгнали. Помню, как мы прощались с Васей Аксеновым. И потом прощались с Володи-ей: было ощущение, что это навсегда, что можно больше никогда не увидеться. Помню всеобщее отчаяние. Я очень любила Ирину, его жену, потому что она была замечательным человеком – обаятельной, умной, достойной. Вообще помимо честности к Володе ближе всего чувство достоинства: достоинство пера, достоинство поведения, до-стоинство поступков, достоинство супруги. Оба они были с досто-инством и гордостью, никогда ни в чем не принижались, не унижа-лись. И уезжали тоже достойно. А мы все, друзья – очень страдали и плакали, и боялись... Но он не был эмигрантом, не был уехавшим и возненавидевшим. И если он писал отсюда свои жесткие послания, свои жесткие статьи, свои жесткие книги, то это была боль. Это не было презрением к этой стране. Он страдал, он болел за эту страну, и эта боль не была сентиментальной, не была мелодрамой, но была античной трагедией.

Володя был человеком-героем. Не в смысле, что «под танк», а в смысле, что он был героическим человеком по своему состоянию, по своему масштабу – как его отношение к России, его письмо о Рос-сии и его возвращение сюда. Он был могучим изнутри. И в этом смысле очень настоящим мужчиной. Всё его поведение в жизни, его отношения с людьми, его принципиальность, его гордость – это всё было очень мощно. И друзья у него такие же были – как Сергей Ана-тольевич Петров, про которого сейчас всякие гадости говорят и про-тив которого завели уголовное дело. Это очень крупный бизнесмен, сделавший дело своими руками, и Володя это очень ценил, потому что Петров – не чиновник, наживший деньги взятками и подлогами, он честно работал, и именно поэтому они очень дружили.

Потеря любимой жены. Первый раз мы увиделись после смерти Ирины на кухне у Гали Дробот – нашей подруги, прошедшей войну

в качестве военкора. Была, как всегда, традиционная селедочка-водочка. И я помню такую насыщенную, такую глубокую печаль и потерянность в его глазах, что передать невозможно. Очень хорошо, что он потом встретил Светлану: она помогла ему жить дальше.

Он стал рисовать. И это, вероятно, было единственным, в чем он был поэтичен и трогателен, как большой ребенок (может быть потому, что поздно начал). Эта его живопись такая почти детская – не с профессиональной точки зрения (он и в этом профессионал, даже удивительно: как и когда он этому научился), но эта его детскость как-то уживалась с очень сильным мужским характером и проявилась в его живописных работах, которыми он так увлекся и был очень трогателен в этом смысле.

... Меня не было в Москве, когда он умер: я не попрощалась с ним и не сказала всё то, что хотела бы сказать. И я плакала. Уход Володи Войновича – это уход из нашей жизни обнаженной, острой правды. Пока Володя был жив, было ощущение, что всё, что не сумеем сказать мы, скажет он. У него не бывало, чтобы мимо него прошло то, чему необходимо было дать оценку: на все заметные события последних лет он откликался, оценивал их. И его всегда слышали – настолько был велик его голос.

Если говорить о величине его таланта, я вспоминаю, как мы бывали в Переделкино – когда там еще был всеми любимый «Дом творчества». Там мне довелось услышать, как читали свои стихи и строки Арсений Тарковский, Инна Лиснянская, Липкин. Однаж-

Он был работягой и прошел довольно трудные этапы своей совсем не элитарной жизни. Он и тогда был очень честным, потому что он не просто хотел быть честным, он им был.

ды там Володя поздно ночью позвал нас и читал самое начало своего «Чонкина»: помню его голос, даже сейчас его слышу. Он читал «Чонкина», а я слушала его и думала: вот уйдёт Переделкино, мы постареем и тоже уйдем, а Володя останется, его «Чонкин» останется навсегда – потому что он, этот персонаж, живет в каждом городке, в каждом селе. Мне не хочется говорить банальности о том, что мо-

лодежь сейчас не читает. Прочтет. Потому что в русской литературе, в русской жизни чонкины будут всегда – что бы ни происходило. А вместе с Чонкиным навсегда останется тот, кто отобразил этот замечательный, удивительный тип русского человека.

Еще тогда, когда я слушала в его исполнении первые строки из «Чонкина», я сказала: «Володя, по-моему, у тебя началась совершенно другая жизнь, из которой ты уже не выйдешь, не вернешься, а только пойдешь дальше. Случилось: ты стал писателем Владимиром Войновичем, эти строки подняли тебя очень высоко, тебе уже не спуститься обратно. Что бы ни было – нужда, придется ли сидеть в закутке и пить воду с хлебом или не будут печатать, – не важно, ты уже наверху». Так оно и случилось.

Можно было бы сейчас говорить о каждой его книге, но не сказать о «Москве 2042» просто невозможно. Володя был провидцем, у него был этот дар, он чувствовал будущее как никто другой. Я хорошо помню времена «оттепели», когда мы думали, что наступает новая жизнь. А он сказал: «Нет, это скоро кончится, потому что ничего по сути не изменилось, все накладывается на тот же самый кирпич, который в самом низу, поэтому ничего нового вырасти не может – пока не изменится основа». И «Москва 2042» блестяще подтверждает это его предвидение: хотя мы с вами живем в Москве 2019 года, и он это немножко удлинил (до 2042-го), но все совпадает. Либералов ненавидел Гитлер. Либералов ненавидел Сталин. Либералов ненавидел Мао Цзе Дун. Все они ненавидели либералов. Теперь прибавился у нас ещё один, который вырос из этого либерализма, его выбросили наверх, как мячик, либералы, и он покатился, не имея к ним уже никакого отношения, этот наш православный коммунист, а все остальное – то же, что было, о чем Володя говорил.

Что касается будущего, то мы даже не понимаем – что вообще происходит. Может быть, через какое-то время будет другая планета, другие люди, и всё будет другое. Может быть, таких, как мы, уже не будет. Идёт такой процесс изменения природы человеческой – не самой природы, а того, что добавляет в природу человека. Может быть, сегодняшняя новая компьютерная мысль сотворит человека, который будет в сто раз богаче, лучше, интересней – не знаю, всё происходит очень быстро. Я не знаю – останутся ли полки с книга-

ми, или кассеты, или маленькие диски. Всё уйдёт, появятся новые правители, другой образ жизни. Но эти светлячки, которые оттуда – от большой, великой литературы, не только русской, они безусловно останутся. А Володя Войнович из них самый светлый – не в смысле только светлости пера, но в смысле его самой светлой сути, которую невозможно изжить никаким «ноу-хау»: она останется, как останутся замечательные памятники, храмы.

Он не притворялся никогда, у него не возникало желания спрятаться за слово, не было видимости правды, это и была правда, он кровоточил правдой.

Сейчас даже приблизительно нет никого такого, как Володя. Личностный дефицит. Есть, правда, какие-то умные люди в экономике, несколько имен. Но Володя был не только писателем, он был могучей личностью – «глыбой». Он был человеком Возрождения в нашем вырождающемся мире. И он ушел. Замены нет и быть не может.

Александр Городницкий. Ученый и поэт – из числа основоположников жанра авторской песни в России. Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (2013), Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2005), первый лауреат Государственной литературной премии имени Булата Окуджавы (1999), член Союза писателей России. Доктор геолого-минералогических наук (1982), профессор (1991), академик РАН (1993), главный научный сотрудник Института океанологии имени П.П. Ширшова Российской академии наук (с 1985 по 2005 годы). По мировоззрению – шестидесятник. Стихи и песни Городницкого переведены на языки многих народов мира, включены в школьные программы. Его творчеству посвящены многочисленные научные статьи, кандидатские и докторские диссертации. Песня Городницкого «Атланты» является неофициальным гимном Санкт-Петербурга, а с октября 2018 года стала официальным гимном государственного Эрмитажа. Именем Александра Городницкого названы малая планета Солнечной системы (астероид) № 5988 «Gorodnitskij» и перевал в Саянских горах. Родился 20 марта 1933 года в Ленинграде.

Александр Городницкий

Бесстрашный серб

Владимир Войнович был одной из самых ярких фигур нашей не слишком счастливой эпохи, потому что он... Вот бывает иммунодефицит – заболевание, а бывает человек, который не имеет чувства страха. Это тоже в известной степени или заболевание, или очень большая доблесть. У Владимира Войновича этого чувства не было. Он был удивительно цельный и смелый, никогда не думавший

У него было мало причин острить, но он всегда сохранял несгибаемый оптимизм, и это давало ему возможность улыбаться и шутить даже в самые сложные моменты жизни.

о том, что пригодно, что не пригодно для того, чтобы это печатать, заявлять и говорить. А самое главное – он обладал удивительным талантом писателя, который может о чем-то говорить с юмором и сарказмом. Что было вообще уже совершенно непростительно с точки зрения официальных властей. Потому что вся его эпопея с Чонкиным, с одной стороны, и до его замечательной истории с «Шапкой» – все это изображается еще и в таких сатирических и смертельно хорошо написанных тонах, что это сделало его совершенно незаменимым писателем.

Он мне как-то сказал: «Ты знаешь, они все думают, что я еврей, что Войнович – еврейская фамилия. А ничего подобного. У меня древняя сербская фамилия. Я не Войно́вич, я – Войно́вич». Его предками были очень известные и знатные люди на службе в Российской империи, был даже адмирал царского флота¹. И это, слава Богу, позволяло ему быть еще более бесстрашным.

Когда я был в ЦДЛ на его последнем юбилее, как раз тогда подумал, что даже самый сегодняшний он был удивительно актуален во все времена. Во-первых, он прекрасный поэт – <вспомним хотя бы> знаменитую «У нас еще в запасе 14 минут». Кроме того, Вла-

Удивительно цельный и смелый, никогда не думавший
о том, что пригодно, что не пригодно для того, чтобы это
печатать, заявлять и говорить.

димир Николаевич был блестящим стилистом. Я читал многие его книги – от, конечно, «Чонкина» до «Монументальной пропаганды», «Автопортрета» и «Москвы 2042»: «Слова “секс” Аглая не слышала вообще, а Шалейко слышал, но думал, что это шесть по-немецки». У него ведь гениальный слог. А самое главное, что он дал совершенно точное определение нашему сегодняшнему российскому народу – когда один из его героев говорит: «Да, конечно, электорат у нас говно, но народ хороший». Это удивительное со-

¹ Встречать кузена российской императрицы Екатерины II – шведского короля Густава III в ходе его неофициального визита в Санкт-Петербург в водах Финского залива 4 июня 1777 г. доверили черногорскому дворянину, графу Марко Войновичу, ставшему одним из создателей Черноморского флота.

четание – в двух словах точная характеристика нашего населения. Просто удивительно.

Он тяжело болел, и у него было мало причин острить, но он всегда сохранял нестигаемый оптимизм, и это давало ему возможность улыбаться и шутить даже в самые сложные моменты жизни. Я был счастлив, что судьба свела меня с ним и позволила хотя бы в последние годы быть с ним в дружбе. Для меня это большая честь.

Вся его эпопея с Чонкиным, с одной стороны, и до его замечательной истории с «Шапкой» – все это изображается еще и в таких сатирических и смертельно хорошо написанных тонах, что это сделало его совершенно незаменимым писателем.

Анатолий Гладили́н. Писатель, диссидент. Родился 21 августа 1935 года в Москве. Работал электромехаником во Всесоюзном НИИ Министерства станкостроения. В 1954–1958 годах учился в Литературном институте им. А.М. Горького, не окончив который возглавил отдел литературы и искусства газеты «Московский комсомолец». Известность пришла с публикацией в 1956 году в журнале «Юность» «Хроники времён Виктора Подгурского», когда писателю было 20 лет. Работал редактором на киностудии им. М. Горького. Гладили́н открыто выступил против суда над писателями Синявским и Даниэлем в 1965–1966 годах, положившего начало диссидентскому движению в СССР. В 1976 году эмигрировал во Францию. За границей работал на радиостанциях «Свобода» и «Немецкая волна». Ушел из жизни на 84-м году 24 октября 2018 года, в Шатийоне, Франция.

Анатолий Гладили́н

К юбилею

Володя, пользуюсь случаем поздравить тебя с юбилеем, пожелать тебе здоровья, здоровья и здоровья. В нашем возрасте это самое главное. Хочу заметить, что мы с тобой два последних шестидесятника, которые еще живы.

Разумеется, в нашем поколении и чуть позже были литераторы, которые потом стали знаменитыми и, наверное, больше сделали в литературе. Но тогда, в шестидесятые годы, годы невероятного интереса к поэзии и к прозе, к журналам «Юность» и «Новый мир», они, эти талантливые ребята, еще себя не проявили. Поэтому повторяю: из тех, кого называли шестидесятниками, мы последние. Конечно, очень хотелось бы приехать в Москву, увидеть тебя и своих оставшихся друзей (которых все меньше), но увы – медицинские проблемы... Обнимаю тебя.

*Прислано на электронную почту Веронике Долиной,
зачитано со сцены Центрального дома литераторов
26 сентября 2017 года.*

Михаил Горбачев. Государственный, политический и общественный деятель. Последний Генеральный секретарь ЦК КПСС (1985–1991), последний председатель Президиума Верховного Совета СССР (1988–1989), первый председатель Верховного Совета СССР (1989–1990). Первый и единственный президент СССР (1990–1991). Основатель Горбачёв-Фонда. С 1993 года – соучредитель ЗАО «Новая ежедневная газета» («Новая газета»), член редакционного совета. Лауреат Нобелевской премии мира 1990 года. В период деятельности как главы государства и руководителя КПСС стал инициатором кардинальных изменений, повлиявших в конечном итоге на облик мира, – таких, как отказ от коммунистической идеологии и преследования инакомыслящих, введение в СССР политики гласности, свободы слова и СМИ, демократических выборов, реформирование экономики в направлении рынка, вывод советских войск из Афганистана (1989). Во внешней политике реформы Горбачева привели к окончанию Холодной войны и распаду Варшавского блока. Родился 2 марта 1931 года в селе Привольное Северо-Кавказского края (СССР).

Михаил Горбачев

Пусть упражняется публика!

В Собрании сочинений М.С Горбачева В.Н. Войнович упоминается однажды – в выступлении на Пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1989 года. Основным пунктом повестки дня был вопрос о втором Съезде народных депутатов СССР. На утреннем заседании с докладом по этому вопросу выступил Горбачев. На вечернем заседании состоялось обсуждение доклада. Довольно резко выступил секретарь правления Союза писателей СССР А.Б. Чаковский, который, критикуя обстановку, сложившуюся в средствах массовой информации, писательской среде, в частности, сказал: «Я почувствовал, что критика, точнее упоминания имени Михаила Сергеевича Горбачева, задела его партийное самолюбие, и он попросил, чтобы участники Пленума высказались насчет политики ЦК, которую Вы, Михаил Сергеевич, возглавляете... Я Вам верю, товарищ Горбачев. Если бы

Вы были человеком другого пола, то я бы, может быть, сказал бы просто, что я Вас люблю... И тем не менее...

...Надо самокритично пересмотреть свою политику. Самокритично!.. Первая и главная ошибка заключается в том... что мы не можем достойно охарактеризовать все наше прошлое. Для человека, в груди которого бьется сердце коммуниста или просто сердце советского гражданина, сознавать, что ни одной достойной эпохи у нас не было или почти не было, – это горько. Это горько! Нельзя же так!

...Он, вообще, хороший человек – Михаил Сергеевич. Но надо и ему, и членам Политбюро внимательно присмотреться к обстановке, в которой вы хотите проводить перестройку. Иначе ничего из перестройки не получится. И тогда – будет шестой пункт, не будет шестой пункт – все равно партия окажется разрушенной...»

Из стенограммы, опубликованной в журнале «Известия ЦК КПСС» № 4 (303), апрель 1990 года. – С. 86–88.

Горбачев ответил: «Я с товарищем Чаковским не могу согласиться, что здесь, на Пленуме, видите ли, задели Генерального секретаря, его самолюбие, и он заволновался и вроде привнес ненужный

Меня не смущает, когда в Театре сатиры идет спектакль «Трибунал» (кстати, по пьесе Войновича), и председательствующий говорит языком и жестами Горбачева.

элемент, так сказать, драматизации в дискуссию. Нет, товарищи. Я думаю, вы уже непосредственно познакомились со мной за эти годы совместной работы и знаете, что я далек от того, чтобы нервничать при любых поворотах, тем более исходить из своих амбиций и выступать в роли “спасителя Отечества”. Это исключено. Мне думается, вся моя политическая деятельность и мое кредо, которое я излагал не раз, в том числе и в последней статье, дают ответ на этот вопрос ясно. И мне не нужно тут, так сказать, свою позицию разво-

Я далек от того, чтобы нервничать при любых поворотах, тем более исходить из своих амбиций и выступать в роли «спасителя Отечества».

рачивать. Она известна вам. Она здесь звучала, и она везде звучит. И я думаю, вы не найдете в ней ничего нового: всегда в ней одно и то же. В этом смысле позиция моя определена, и *выбор сделан давно*.

Меня не смущает, когда в Театре сатиры идет спектакль “Трибунал”, в котором сначала стареющий председатель трибунала говорит языком Брежнева, а потом, когда умирает этот стареющий (это, кстати, по пьесе Войновича), молодой судит (посмотреть этот спектакль советую), и тогда этот, уже новый председательствующий говорит языком и жестами Горбачева. И тем самым показывает, что ничего не произошло: как было при Брежневе, так и осталось – судят человека и отправляют в тюрьму за какие-то его позиции. На концертах уже звучит голос и пародируются жесты Горбачева. Это все чепуха – пусть упражняется публика!»

Собрание сочинений М.С. Горбачева. Т. 17.

Ноябрь-декабрь 1989 г. –

М.: Весь мир, 2010. – 624 с. – С. 336.

Вероника Долина. Поэтесса, бард, автор более 500 песен. Родилась 2 января 1956 года в Москве. В школе училась в одном классе с Егором Гайдаром. Окончила музыкальную школу. В 1979 году окончила Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, получив профессию учителя французского языка. Работала в библиотеке, затем в редакции специализированного журнала. Пишет и исполняет песни под аккомпанемент шестиструнной гитары с 1971 года; к большинству своих песен сама пишет музыку и стихи. В 1986 году выходит первый диск, вскоре – второй, тиражом более 1 млн. В 1989 году фирма «Мелодия» издает компакт-диск Вероники Долиной «Элитарные штучки». Всего выпустила около 20 сборников стихов, 9 виниловых дисков, 24 компакт-диска. Лауреат литературной премии «Венец».

Вероника Долина

Самый первый

Одна из первых публикаций Володи Войновича была в журнале «Новый мир» и называлась «Хочу быть честным». Это определило всю его жизнь. Он бунтовал в советское время против партийной верхушки, в Париже – против грандов русской эмиграции. Все его выступления были о том, чтобы быть честным независимо от того, нравится это публике или не нравится.

К сожалению, жизнь нас так разбросала, что в последнее время мы мало виделись. Но я очень хорошо помню, как мы с ним выступали в Париже в клубе Академии художеств. Публика русская очень хорошо нас принимала. Последнее выступление было в ЦДЛ на вечере, посвященном Виктору Некрасову. Основную речь произнес именно Войнович: «Из советских прозаиков-шестидесятников я был первым, кто напечатался в “Юности”, ставшим знаменитым и самым молодым. И очень этим гордился. Теперь из шестидесятников я остался последним. И это меня очень мало радует». Вечная память Володе!

БАЛЛАДА

*Посвящается памятнику Калашникову,
воздвигнутому в Москве
ровно к юбилею В.Н. Войновича*

Куда теперь деваться москвичу...
А было – разгуляйся, не хочу.
Гуляй, душа нелепая, без флага.
И вот уж тяжеленный истукан
Стучится прямо в окна, испугал
Собаку мне... Да вот и я, бедняга,

О чем-то загрустила, ну и ну.
И подхожу невесело к окну,
И что я вижу на моей Садовой:
Да вот же. Эка пакость, неживой,
С повернутой нечетко головой,
А все-таки глядит с угрозой новой.

Ну, не хватало прежних мне тревог...
Без рук его огромных и без ног.
Без истукана этого, в помине.
Того гляди, покинет постамент —
И – шлеп да шлеп – как всякий монумент
По городу пройдет, как по картине.

Как по квартире собственной, топ-топ.
Да вашу мать же, как же, где же гроб,
В который бы его заколотили.
При чем тут город мой, мое кольцо.
Он дышит, окаянный, мне в лицо.
Он шарит взглядом по моей квартире.

Такого – никогда в Москве моей
Не видели. Хоть бронзовых кровей
Терпели мы известных исполинов.
Но Чехов мой, но Маяковский мой,
Да хоть Чайковский... Летом и зимой —
Здесь пили чай с печеньем и с малиной.

Да вашу мать. Здесь никогда в окно
Друг другу не смотрели, ни давно,
Ни в наши дни паскудные, ей богу.
И вот стоит пришелец и амбал.
Охранник воплощенный. Каннибал.
Вот наконец и вышел на дорогу.

Я знаю: эта кукла ни при чем.
Когда, какую печью испечен,
Мне все равно. Я пенюсь и сутулюсь.
Каляевская, бывший террорист,
Готовься к битве. Никакой турист
Не может знать судьбу старинных улиц.

Иван Каляев, Сонечка Перо...
Ребята, все не так уж и старо.
Халтурин и Желябов не забыты.
Еще и встанут, и придут в ночи.
Еще и вставят старые ключи
В наручники, что все еще не сбиты.

Раскольниково грозное лицо
Подсветит нам Садовое кольцо,
Топор еще взлетит на автомате.
И Чонкин воцарится во Кремле.
И станет миру-мир на всей Земле.
Такая вот баллада о солдате.

Михаил Долоко. Актер, режиссер. Художественный руководитель Театра «Кураж». Родился 11 августа 1968 года. Окончил Высшее государственное музыкальное училище имени Гнесиных и Высшее государственное театральное училище имени Щукина. Ставит детские спектакли, эксцентрики, фарс, трюковую пантомиму, пародию, клоунаду, комедию dell' arte, современный танец, шоу и мюзикл. В театре «Кураж» на детских спектаклях ребята участвуют в действии наряду с актерами и непосредственно «вливают» на развитие сюжета. Популярный ведущий московских клубных программ; в 2001 году получил главный приз за лучший образ ведущего на «Night Club Awards».

Михаил Долоко

Майка легко воспламеняющаяся

Знаете, что меня больше всего поразило <при знакомстве с Войновичем>? Понятно, что я сопляк в сравнении с ним. Я понимал, что когда мы познакомимся, это не будет пафосно, потому что он человек умный, человек талантливый, а люди талантливые и умные всегда просты, это я знаю, это я как раз предполагал. Для меня не было неожиданностью, что он простой, что он совершенно без звездности. А то, что меня, знаете, «тряхнуло», когда я его впервые увидел, – глаза мальчика, молодого человека. <Возникло ощущение> внешнего несоответствия: видно, что человек не молод, а глаза абсолютно подростковые, и при этом мне даже показалось, что они такие игривые, посматривающие на женщин. Вот это было совершенно удивительно – такая молодость в глазах.

Помню, как мы сидели у меня в кабинете, что-то обсуждали, как всегда. Не спорили о политике – у нас был один взгляд на происходящее в стране, поэтому не было споров, а был обмен мнениями: чем это все закончится. И что меня еще поразило, это что я настолько

моложе его, но он был оптимистичнее меня в своих прогнозах. Это потрясающее качество.

Помните, был его юбилей в ЦДЛ, на котором мы работали отрывочек из спектакля¹: естественно, мы виделись, естественно, мы болтали за кулисами. Я еще ему сказал: Владимир Николаевич, ну вы же понимаете, что вы уже – всё, что вы – в Истории? А он отшучивался: это свойство абсолютно нормальных и гениальных людей. А через небольшое время он ушел <навсегда>. Хотя когда я с ним общался, у меня было ощущение, что этот человек проживет минимум до ста лет: такая в нем была внутренняя энергия, живость ума.

У нас в театре² традиция: каждый год мы отмечаем День театра, приходят гости из других театров – артисты, режиссеры. И, естественно, мы пригласили Владимира Николаевича. Я был уверен, что он не придет: думал, что человек он занятой – известная личность, мирового масштаба. А он пришел с большой компанией – с женой, естественно, и еще с большой компанией людей. А на сцене – капуста, ведь это День театра, шутки, подколки, выпивание. И он остался дольше многих других. Конечно, я его поприветствовал со сцены, и, конечно, весь зал стоя ему аплодировал. Это было искренне, это та часть жизни театра, когда ты гордишься тем, что общаешься с живым классиком, и при этом общение абсолютно на равных. Не все, только большие художники на это способны.

Мирзоев³ своеобразно построил спектакль «Трибунал». И, конечно, Владимир Николаевич это видел совсем по-другому – как поставить спектакль. Но! Владимир Николаевич совершенно не вмешивался в театральный процесс, никогда, – при том, что я видел, что ему что-то не нравится. И это признак высокой культуры, не все большие художники на это способны – четко разграничивать драматургию и театр, и взгляд режиссера. А он – я это видел сам – взял свою волю в кулак и, наверное, внутри сам себе сказал:

¹ На юбилее В.Н. Войновича в Центральном доме литераторов 26 сентября 2017 года Михаил Долоко поставил отрывок из его спектакля «Трибунал».

² Театр «Кураж»: основатель, художественный руководитель и главный режиссер – Михаил Долоко.

³ Владимир Владимирович Мирзоев, род. 21 октября 1957 года – советский и российский режиссер театра и кино.

«Володя, не лезь, это взгляд режиссера, с которым ты, может быть, и не согласен, но он имеет на это право». И это, конечно, <демонстрирует> масштаб его личности. Вот эти, пожалуй, такие запоминающиеся вещи.

Мирзоев решил ставить пьесу «Трибунал», потому что понимал, что в государственном театре она точно сейчас не пойдет, никто ее сейчас не даст поставить: вернулись времена цензуры, и Владимир Владимирович Мирзоев понимал, что это надо сделать частным независимым проектом, только таким образом. И когда он только начал произносить фразу о том, что хочет поставить пьесу Войновича, я сразу сказал – «да». Потому что это определенного уровня литература, это определенного уровня драматургия, поэтому именно сразу – «да».

Он в деяниях власти видел всегда смешное: у него был стеб настоящего русского интеллигента. И громадная личностная порода. Таким людям хочется подражать.

Естественно, было много переделано, сделано современно, рассказано сегодняшним театральным языком. И мне казалось, что нас достаточно быстро закроют. Более того, мне рассказывали люди, которые сидели в зале на премьерных спектаклях, что они оглядывались и думали: сейчас нас всех повяжут, или через полчаса, или на выходе, или просто всех снимут на видеокамеры, а потом ко всем придут ночью. К чему я это говорю? Смотрите, как давно написана эта пьеса, но насколько актуален материал! Настолько, что у сегодняшнего зрителя очко, что называется, «жим-жим». И это гениальность автора.

Когда перед постановкой Владимир Николаевич пришел к нам, то понятно, что все знали – кто такой Войнович. Задор и молодость, про которые я уже сказал, были сразу заметны, но он, как мне показалось, не поверил, что у нас эта затея получится, ведь время такое, что впору думать: «Ну что мы – больные, что ли, сами себе могилу рыть?» Но потом, когда он увидел, что пошли репетиции, пошла история, текст, утверждение, уже было заметно: ему приятно, что дело пошло. Понятно, что у него достаточно поклонников кроме нас,

но ему все равно было очень приятно. А мне было очень лестно, что я общаюсь с личностью такого уровня.

Вообще никто, надо сказать, в эту затею – постановку спектакля Войновича «Трибунал» не верил. Не потому, что мы не хотели – конечно, хотели, и Владимир Николаевич хотел, все хотели. Но просто все понимали, где мы живем, и что происходит в стране, ведь это было совсем недавно – три года назад.

...В день перед премьерой к нам заявили пожарные – начали проверять театр на соответствие «нормам». Мы сразу всё поняли, что уж тут говорить-то. Я не буду говорить, каким образом мне как руководителю театра удалось выпутаться. Но в целом, значит, опасения были не напрасны.

Мне рассказывали люди, которые сидели в зале на премьерных спектаклях «Трибунала», что они оглядывались и думали: сейчас нас всех повяжут, или через полчаса, или на выходе...

Но сама идея, повторюсь, пришла изначально в голову Мирзоеву, потому что я не был знаком с Владимиром Николаевичем. И получилось так, как бывает, когда у тебя душа болит и ты находишь пьесу, которая отражает все то, что болит. Нас же не надо было, что называется, «агитировать за советскую власть»: нам не надо было объяснять, что происходит в стране, мы же не зрители Первого канала, в этом смысле не возникало сомнений. Я даже хочу сказать, что, может быть, Мирзоев сделал бы пьесу еще жестче. Но был страх – не за себя с точки зрения «повяжут», а что не дадут, что <не позволят>. Все-таки это бюджет, это репетиции, это декорации, это костюмы, на все тратились деньги. А в маленьком частном театре любая копейка на счету, здесь это достаточно серьезно. При том, что тогда еще не было этого закона «об оскорблении власти», сегодня же за это сажают.

Вспоминаю, как я удивился, когда пришел Навальный (я с ним никогда не был знаком), вообще приходило много людей – для них наш спектакль стал такой отдушиной, люди шли услышать хоть кусочек правды, увидеть отражение реальной жизни, это было для

них глотком свежего воздуха. Тут власть упустила: надо было весь зал и арестовывать вместе с Навальным. Хотя я далек от мысли, что мы одни высказывались так. Другие театры тоже высказывались, но высказывались через метафоры, через второй, третий план – можно ведь ставить пьесы каких-нибудь британских драматургов, и все равно параллели будут наблюдаться. А когда Войнович, тот тут все очень прямо: вот это – черное, а это – белое, очень конкретно. И люди, пришедшие в зал, они от этого обалдевали, потому что давно так со сцены не говорили. Например, в спектакле есть момент, когда судья приходит домой и у них с женой происходит не очень приятный разговор. На этом моменте в зале всегда смех: жена растягивает верхнюю часть спортивного костюма, а под ним – майка с портретом Путина. Жена спрашивает: «А вот так ты менялюбишь?». Муж ложится и засыпает прямо на изображении Путина. Это и смешно, и в то же время дерзко, и вызывает недоумение, потому что придраться можно к чему угодно – хотя формально здесь нет никакого оскорбления. Например, пожарные придерутся к тому, что майка легко воспламеняющаяся и ее употреблять нельзя, поэтому театр надо закрыть немедленно и надолго.

А про выпивание анекдоты понятно, что каждый может рассказывать с гордостью, что это был человек с большим юмором. Он в деяниях власти видел всегда смешное: стебался над тем, что происходило, именно стиб у него был – стиб настоящего русского интеллигента. И громадная личностная порода. Таким людям хочется подражать, на таких людей хочется быть похожим.

Виктор Есипов. Литературовед, историк литературы, поэт. Родился 23 апреля 1939 года в Москве. Окончил Калининградский технический институт рыбной промышленности и хозяйства (1961), работал инженером в учреждениях Минэнерго СССР. С 1974 года публикует стихи в центральной печати – журналах «Юность», «Знамя», «Смена», «Литературной газете», альманахе «Поэзия», сборниках «День поэзии». В 1987 году выходит первая книга стихов «Общий вагон», в 1994 году – «Стихи разных лет». С 1989 года публикует литературоведческие статьи в журналах и научных изданиях – «Вопросы литературы», «Филологические науки», «Вестник Российской академии наук», «Московский пушкинист», «Временник Пушкинской комиссии», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь». Специализируется на творчестве А.С. Пушкина, проблемах истории русской литературы XIX–XX веков. С 1996 года – член редакции выпускаемого ИМЛИ РАН Собрания сочинений А.С. Пушкина, ответственный редактор томов 4,5 и 6. С 2006 года – старший научный сотрудник Института мировой литературы. В 2003–2009 годах – литературный представитель Василия Аксёнова. Член Союза писателей Москвы, член Международного ПЕН-клуба.

Виктор Есипов

Частные предвидения

С Владимиром Войновичем я познакомился благодаря его дружбе с моим двоюродным братом Борисом Балтером, известным в шестидесятые годы писателем, автором переиздающейся и ныне лирической повести «До свидания, мальчики!». Еще до «Чонкина» я узнал и полюбил повести Войновича «Хочу быть честным» и «Два товарища», но с их автором встретился только в конце декабря 1977 года.

А произошло это так. За несколько дней до новогодних праздников я взял в конструкторском бюро, в котором работал, полагающиеся мне отгулы и уехал в деревню Вертошино вместе с Атосом, всеми обожаемым пуделем Ирины, приемной дочери Балтера. Дом пустовал, и Галя, вдова Бориса, с удовольствием дала ключи. Сама

она собиралась приехать позднее, к самому празднику, чтобы встретить там Новый год. Ожидался и Войнович с семьей.

Едва познакомившись, мы сели с Володей за шахматы. Он оказался азартным игроком. В те годы весь их дружеский писательский круг, к которому я еще не принадлежал, увлекался шахматами: они постоянно «выясняли отношения» за шахматной доской. После первых партий он понял, что я играю намного сильнее. Но это, как это ни странно, не вызвало у него, казалось, ни досады, ни раздражения, он увлекся процессом и вновь и вновь азартно предлагал сыграть еще раз. В этом упорстве, как я убедился впоследствии, весь Войнович: нужно попробовать еще раз, нужно продолжить борьбу, нужно добиться победы.

Потом он рассказал мне, что когда-то обыграл поэта Евгения Храмова, кандидата в мастера, с которым дружил в юности. А у меня лишь первый разряд. И вот он решил, что перворазрядника уж сам бог, как говорится, велел ему хоть раз обыграть. Но у него это так никогда и не получилось. А я так и не догадался доставить ему такое удовольствие!

...К вечеру 31-го все, с кем предстояло встречать этот Новый год, были на месте: приехали из Москвы Галя с Ирой, моя жена Клара Козлова, друг Войновича физик-экспериментатор Валя Петрухин, пришли гости из Малеевки. Здесь нужно сказать, что из заснеженной Малеевки сходились в этот дом к новогоднему застолью Сарновы Бен и Слава, Виноградовы Игорь и Нина, Станислав Рассадин с Алей, Олег Чухонцев, итальянская славистка Мариалина, бывал здесь Булат Окуджава с гитарой, приезжал из Москвы Борис Биргер. Участники застолья менялись, но традиция встречать здесь Новый год сохранялась до 1985 года.

...Отчетливо запомнилась встреча 1980-го, последняя с участием Войновича и его семьи: неожиданные перипетии той ночи, связанные с появлением у Володи радиопередатчика «Walky-Talky», красочно описаны им самим в книге «Автопортрет. Роман моей жизни».

Приходилось бывать и в квартире Войновича у метро «Аэропорт». Во двор известного писательского дома входили через высокую арку. Иногда идущих к Войновичу могли встретить в арке во-

просом неизвестные «товарищи»: к кому идете? Услышав ответ, что к Войновичу, они настоятельно советовали не ходить туда. Но нас с Кларой ни разу никто в полутемной арке не встретил.

Телефон у Войновича отключили без объяснения причин, отключили и всё! Поэтому предупредить о приходе не было возможности (эра мобильных еще далеко-далеко), и иногда обнаруживалось, что Володя отсутствовал, и скорое его возвращение не предполагалось. Приходилось возвращаться домой, обменявшись с Ириной положенными любезностями. Ира всегда занималась с Олечкой, и, если Володя ожидался вскоре, мы ожидали его в другой комнате. Володя приходил то ли из магазина, то ли с почты, устраивалось застолье, во время которого и происходило общение.

Иногда идущих к Войновичу могли встретить в арке дома у метро «Аэропорт» вопросом неизвестные «товарищи»: к кому идете? Услышав ответ, настоятельно советовали не ходить...

Участвовал я и в проводах Войновича в мастерской Бориса Мессерера на Поварской (тогда ул. Воровского), когда дальнейшее его пребывание в Советском Союзе стало невозможным, и его отъезд с семьей за границу стал неизбежным. Настроение у всех почти траурное – кто мог представить себе, что советскому маразму осталось сроку всего лишь около десяти лет! Сам Войнович говорил, что надеется на скорое возвращение, но глаза у него были грустные-грустные. Провожаящих вместились в мастерскую около трех десятков человек: Паша и Марина (дети от первого брака), двоюродный брат Витя из Запорожья, Игорь и Нина Виноградовы, Борис Биргер с сыном от первого брака Лешей, Валя Петрухин с Олей Принцевой, Галя Балтер с Ирой, мы с Кларой, детский врач Виталий Андрющенко, наблюдавший маленькую Олю Войнович, известный кардиолог Гдаль Гильштейн, Игорь Золотусский, хозяйева, конечно, – Белла Ахмадулина и Борис Мессерер. Остальных не помню или не знаю, а на фотографии, которая неоднократно публиковалась в различных изданиях, многие видны лишь со спины (их лица повернуты в сторону Войновичей, сидящих во главе стола), поди узнай через 38 лет!

Вернулся Войнович вместе с «Чонкиным», напечатанным в «Юности» Андреем Дементьевым, и с пророческой книгой «Москва 2042», предсказания и предвидения которой осуществляются (многие уже осуществились) на наших глазах. Более всего поражает читателей, к сожалению, не социально-политическое предвидение, составляющее суть книги, а такие эффектные совпадения, как ношение верховным правителем России часов на правой руке и свободное владение им немецким языком. Хотя нельзя не признать, что именно эти частные «предвидения» являются все-таки потрясающими и не поддающимися сколь-нибудь вразумительному объяснению.

После возвращения Володи былые встречи в доме Балтера не возобновились. Дело в том, что за прошедшие 10 лет мы с Ирой, дочерью Гали Балтер, стали мужем и женой, и центром внимания в доме стал теперь наш с Ирой сын Миша. В Малеевке стремительно менялся состав отдыхающих: писатели при открытии границ устремились за рубеж, и в дом, находящийся посреди деревни Вертошино, теперь редко кто навещался.

Однако в Москве между нами и Войновичем то и дело происходили эпизодические и заранее условленные встречи.

Однажды мы встретились с Володей на чьем-то вечере 31 августа, это был день рождения моей Иры. Володя буквально потребовал, чтобы мы после вечера поехали к нему – Иру он очень любил и оценил ее еще задолго до эмиграции. Ей была вручена большая круглая металлическая коробка со сдобным немецким печеньем, оказавшаяся у него дома, и недавно вышедшая в антологии сатиры и юмора издательства «Эксмо» его книга. На книге автограф: «Дорогой Ирочке в качестве именинного подношения, а всему ее семейству вместе с ней – пожелания счастья... В. Войнович. 31 августа 2000 г.».

...После смерти Ирины в конце 2003 года Володя долгое время был в ужасном состоянии: с погасшим взглядом, мрачным выражением лица. Много позднее от его сына Паши, с которым я и моя жена Ира давно дружили, я узнал, что Володя женился на некоей бизнес-вумен, у которой дача в старом писательском кооперативе в районе Красной Пахры. Паша очень хвалил её, характеризовал как очень добрую и гостеприимную, очень внимательную к отцу. Она,

по его словам, надстроила на даче третий этаж, оборудовав его как кабинет Володи. Паша настойчиво советовал мне позвонить отцу и посетить его.

Вскоре, во время празднования 75-летия Войновича в ресторане гостиницы «Космос», я познакомился со Светланой. Вечер организовало издательство «Эксмо» (Леонид Шкурлович) на широкую ногу, с количеством гостей не менее сотни. Поговорить ни с Володей, ни со Светланой тогда, конечно, не удалось, но наше регулярное общение возобновилось. Светлана действительно оказалась замечательным человеком, теплым и заботливым. Очень сердечно относились к ней все известные мне друзья Войновича, в том числе Сарновы. Наблюдая Володю и Светлану в их загородном доме, не могу не отметить, что они составляли очень трогательную пару. Не раз слышал я, как Володя читает стихи, посвященные Светлане, не раз обращал внимание на ее озабоченность: «Володенька! Ты хорошо себя чувствуешь?». Именно здесь, в этом доме, написал писатель Войнович и книгу воспоминаний «Автопортрет. Роман мой жизни», и новый роман «Малиновый пеликан», и «Фактор Мурзика», и осуществил переиздание ряда книг и пьес, а также несколько художественных выставок своих живописных работ. И в том, что до последнего вздоха Владимир Войнович оставался и физически, и творчески активен, немалая заслуга принадлежит его верному другу и заботливой жене Светлане Колесниченко.

Несколько раз я приезжал к Володе по делу, когда готовил к изданию книги Василия Аксёнова, будучи его доверенным лицом, а потом доверенным лицом его вдовы Майи: уточнял те или иные факты из канувшей в прошлое эпохи, просил написать воспоминания об Аксёнове. Но с воспоминаниями получилось не сразу, потому что в свое время Войнович дважды был обижен на Василия. Первый раз, когда Аксёнов не отнесся с должной серьезностью к попытке отравления Войновича сотрудниками КГБ в ходе встречи с ними в гостинице «Метрополь»: Аксёнов посчитал это преувеличением и не поверил, что такие вещи возможны. Однако после покушения на самого себя во время возвращения на машине из Казани, куда ездил проститься с отцом перед отъездом в эмиграцию, Аксёнов осознал свою неправоту. Еще одним поводом для обиды стало не-

желание Аксенова привлекать к участию в альманахе «Метрополь» явных диссидентов, каковым на тот момент уже являлся Войнович. Я сказал Володе, что буду рад, если он включит это в свои воспоминания об Аксёнове, ибо правда важнее всего.

...Теперь уже не помню, в каком году умерла дочь Володи от первого брака Марина. Она вдруг пропала, перестала звонить, не от-

В этом упорстве весь Войнович: нужно попробовать еще раз, нужно продолжить борьбу, нужно добиться победы.

вечала на звонки. Войнович с Пашей поехали к ней в квартиру, но и в квартире ее не оказалось. Отец в недоумении уехал домой, а Павел остался и, открыв дверь на балкон, обнаружил труп сестры – вероятно, задыхаясь от астмы, от которой страдала, она вышла на балкон, и там ее и настигла смерть. Врачей она почему-то не признавала, предпочитала самолечение.

В дни рождения Володи за столом собиралось много народу: Петр Ефимович Тодоровский, Эдуард Успенский, Виктория Токарева, а также вдова Тендрякова, совсем седая, но статная. Бывали политики нынешние и бывшие: Леонид Гозман, Яков Уринсон и другие их сподвижники, издатели Леонид Шкурович, редактор Ольга Аминова. Пели под гитару Татьяна и Сергей Никитины.

Несколько раз бывал я и на вечерах Войновича в клубе «Эльдар» на Ленинском проспекте и в других местах. С некоторых пор Володя в ходе выступлений начал уделять внимание своим стихам, что вызывало неудовольствие Бена Сарнова, который не раз сетовал в разговорах со мной: «Сколько раз я говорил Володе: таких поэтов, как ты, наберется не менее сотни, а прозаик Войнович – один!».

...После смерти Бена Сарнова мы стали еще чаще перезваниваться с Володей. Открылась еще одна общая тема: кризис в Русском ПЕН-Центре. В результате около десяти десятков человек, в том числе и я, вышли из организации, превратившейся из правозащитной в проправительственную. Войнович поддержал эту акцию и незадолго до нее тоже покинул ряды Русского ПЕНа, обосновав своё решение довольно обстоятельным письмом в адрес его руко-

водства, где, в частности, отметил, что активная правозащитная деятельность «очень не одобряется руководством и основным составом ПЕН-Центра, которые, опасаясь за свой статус, предпочитают подменять реальную правозащиту ее имитацией».

26 апреля 2017 года Володя позвонил мне и пригласил приехать, чтобы отпраздновать пятьдесят пятый день рождения Паши. Отмечали эту дату, которая оказалась последней в жизни и для отца, небольшой компанией: Паша, Володя, Света и мы с Милой (моей женой с 2013 года).

А в марте рокового 2018 года поступило невероятное известие о смерти Павла в Черногории, где он жил последние годы, и, видимо, это событие сыграло роковую роль в жизни 85-летнего отца.

До последнего дня он был бодр и активен, провозглашая насущную необходимость свободы и правды для плодотворного развития отечества.

Но до последнего дня он был бодр и активен, бывал на «Эхе Москвы» и в Питере у Виталия Дымарского в программе «Дилетант», постоянно давал интервью отечественным и зарубежным журналистам, провозглашая насущную необходимость свободы и правды для плодотворного развития отечества.

Юрий Зарубин. По первой профессии инженер-автомобилист. Окончил МАМИ, Московский автомеханический институт, работал по распределению на Московском заводе малолитражных автомобилей испытателем моторов. Был Международным арбитром по шахматам, кандидатом в мастера. По рекомендации Михаила Ботвинника его назначили ответственным секретарём Шахматной федерации СССР, где он проработал восемь лет. Там начал писать о соревнованиях, о выдающихся шахматистах в «Литературной газете», «Труде», других изданиях и... превратился в журналиста.

В 2013 году Союз журналистов России наградил Юрия Зарубина Почётным знаком «Честь. Достоинство. Профессионализм». В течение десяти лет Юрий Зарубин был руководителем шахматного клуба Центрального дома литераторов в Москве. Основатель первой в Германии русскоязычной газеты «Европацентр», в которой печатались Владимир Войнович, Аркадий Арканов, Лев Анненский, Алла Боссарт, Олег Битов, Пётр Вайль, Александр Генис, Юрий Гинзбург, Лев Новожёнов, Вячеслав Куприянов, Владимир Маканин, Игорь Померанцев, Андрей Плахов, Виктор Топаллер, Борис Хазанов и другие авторы.

Светлана Березницкая. Филолог по образованию. Работала в газетах «Вечерняя Москва», «Московская правда» и (до самого отъезда в Германию в 1991 году) в течение девяти лет была московским корреспондентом польской газеты «Червоны Штандар». Юрий Зарубин и Светлана Березницкая – создатели и бессменные руководители сетевого журнала «Сфера» (www.sphaereZ.de).

**Юрий Зарубин,
Светлана Березницкая**

Народный Войнович России

Что определяет место и значение писателя в жизни и литературе? Если звания и отличия, то у Войновича их немало: член Баварской академии изящных искусств и Сербской академии наук и искусств, почетный член Российской академии художеств и почетный доктор Ноттингемского университета в Англии и Мидлберри, колледжа в Соединённых Штатах, почетный член Американского

общества Марка Твена... Тиражи книг? Они – миллионные. Языки, на которые эти книги переведены? Их десятки. Наконец, Владимир Войнович – автор «Чонкина», а солдат Чонкин стал именем нарицательным. И этим уже многое сказано. Из-за «Жизни и необычайных приключений солдата Ивана Чонкина», напечатанной на Западе, Войнович в 1980 году лишился советского гражданства и вынужден был покинуть родину. Сегодня «Чонкин», принесший Войновичу всемирную славу, переведен на 35 языков. Только на английском «Чонкин» издавался больше десяти раз, а общий тираж перевалил за полмиллиона...

Из-за «Чонкина» Войнович в 1980 году лишился советского гражданства и вынужден был покинуть родину. Сегодня «Чонкин» переведен на 35 языков.

Отвечая на вопрос о собственном месте в литературе, писатель напомнил о разговоре, который ведут персонажи в его романе-антиутопии «Москва 2042», когда один персонаж спрашивает другого: «Кто самый лучший писатель?» А тот отвечает: «Если я скажу, что я, будет нескромно, а если скажу, что не я, – будет неправда». Но если всерьез: литература – не скачки на ипподроме, а, скорее, огород, где у тебя своя грядка, и на этой грядке писатель, если он настоящий, выращивает такие овощи, какие, кроме него, никто другой вырастить не может. Любой писатель неповторим, и никто за него не напишет того, что должен написать он.

...Когда Войнович собрался в Москву, родные не поддерживали его, считали, что ничего из него не выйдет. Действительно, в Москве у него не было ни друзей, ни работы, ни денег – ни кола ни двора. Пробовал устроиться на работу, прописки не было: «Без работы нет прописки», а без прописки – работы... Тогда было строго: иногородних не прописывали. Но путь в столицу – нормальный путь любого талантливого провинциала. А Войнович, как потом стало понятно, – самородок. Он добился своего, став знаменитым писателем, добился всего сам. Его книги, хоть и очень разные, словно объединены заворачивающим биением жизни. «Писательство, – по мнению Войновича, – это тот род занятия (может быть, даже един-

ственный), для успеха в котором жизненный опыт совершенно необходим». Песню на стихи Войновича «Я верю, друзья, караваны ракет / Помчат нас вперёд от звезды до звезды» после возвращения Юрия Гагарина из космоса пела вся страна. Как сочинитель песен на радио Войнович сразу стал угоден властям, включая Хрущёва, который даже «пропел» с трибуны Мавзолея его «Гимн космонавтов». Но от репутации поэта-песенника Войнович отказался... «Поэзия более лёгкий жанр, чем проза, – скажет он потом, – это как плыть по реке: здесь берег, там бакены... Есть ориентиры (строфы, размеры), а проза – это безбрежный океан, хоть туда поворачивай, хоть сюда».

Есть у писателя книга «Замысел». Искренняя, откровенная, она не вписывается ни в какой жанр: это отчасти роман, отчасти – мемуары. Она о смысле жизни, о Замысле и замыслах, о том, зачем писатель взялся за своё дело, что и кому хотел сказать и доказать. Войнович называет эту свою миссию «попыткой объяснить себе себя и себя – другим, и других – себе»... Согласитесь, не есть ли это то, с чем мало кто справился в литературе?!

«Моё прошлое... стоит только чуть-чуть напрячься – и вот она, вся моя жизнь, где я вижу себя одновременно и маленьким мальчиком Вовой, и пожилым дядей, которого зовут по имени-отчеству, и ремесленником, и солдатом, и пастушонком, и рабочим, и сочинителем, и диссидентом, и эмигрантом, и себя разного в разных местах, где жил – от Душанбе и Ходжента до Мюнхена и Вашингтона. Всего этого не изобразить никаким искусством».

«Кто бы ни стоял за нашим созданием, трудно не увидеть, что каждый человек несёт в себе некий Замысел, вложенный в него и составленный в виде загадки. Ключа к загадке нет, но есть разбросанные там и сям туманные намёки на то, что она существует и при некотором усилии поддаётся разгадке, хотя бы приблизительной».

«Я считаю, что основа Высшего замысла в том, что всякая человеческая жизнь самоценна, независимо от её практических результатов. И к моей жизни это относится тоже».

– Насколько важны для писателя его национальные корни?

– Ни насколько. Важны страна, среда, язык и культура, среди которых он вырос... У Булата Окуджавы отец был грузин, мать – армянка, а сам он, не зная хорошо никакого языка, кроме русского, считал себя

по национальности москвичом. При этом он, конечно, был русским писателем. Единственным критерием может быть только самоидентификация. Кем себя чувствуешь, тот ты и есть. А формально национальность в нормальных странах совпадает с гражданством. Владелец немецкого паспорта, будь он по рождению кем угодно, считается немцем. А гражданин Франции – французом. Я как-то рассказывал, что сотрудницу «Голоса Америки» Зору Сафир, работавшую гидом на выставке в Москве, посетитель спросил, американка ли она. Ответ был утвердительным. Спрашивавший попробовал уточнить: «Чистая американка?». «Да, как будто сегодня душ принимала», – улыбнулась она. Человек, не оценив иронии, продолжал допытываться: «Чистокровная?». На что получил ответ: «У нас в Америке чистокровными бывают только собаки и лошади». Это утверждение применимо и к России. Мой отец – русский сербского происхождения, мать – еврейка. Мне в 1980 году в Германии сделали операцию на сердце, во время которой перелили всю кровь. Так что теперь во мне течет немецкая, а скорее всего, турецкая кровь, поскольку турки – основные доноры в Германии. У них денег мало, а крови много, вот они ее и сдают. Мои предки по отцовской линии, имея одни и те же корни, были сербскими дворянами, венецианскими дожами, австрийскими военачальниками и русскими адмиралами. Два Войновича – Марко и Йован – при Екатерине командовали, один – Черноморским флотом, другой – эскадрой. Писатель Иво Войнович был классиком сербохорватской литературы, а Петр Войнович – австрийским писателем. А еще был австрийский генерал во время Первой мировой войны, он упоминается в «Похождениях Швейка». Вообще, что такое национальность, никто толком не знает, потому человек должен признаваться тем, кем он сам себя ощущает. В связи с объединением Европы давно уже пропагандируется идея ввести новую национальность – европеец. Это бы мне подошло.

– Что такое интеллигенция сегодня?

В нашу эпоху подмены понятий, когда рыночный успех стал синонимом художественного, Войнович напоминает нам, что ещё существует гамбургский счёт.

– На мой взгляд, интеллигенты – это хорошо воспитанные бедные люди. Те, кто за небольшую зарплату, почти задаром, учат, лечат, работают в библиотеке, музее... Может, это слишком категорично, но если человек становится богатым, он перестаёт быть интеллигентом. Интеллигентность требует самоотверженности. Доктор Гааз – пример из русской истории. Он был главным врачом московских тюрем, посвятившим свою жизнь облегчению участи заключённых. Все его сбережения ушли на благотворительность, и он умер в нищете.

Но вернёмся к «Чонкину», ставшему, несомненно, новой русской классикой. Первое издание романа вышло еще в начале 80-х годов в подпольном издательстве «Солидарность». Тогда никакой презентации, конечно, быть не могло. Но именно то издание Владимиру Николаевичу дороже многих других.

– «Чонкин». Откуда он такой?

– Из деревни, конечно. Он, действительно, простодушен, а кажется дурачком, потому что не понимает мелких людских хитростей. Мне очень удобно, легко с ним: от имени Чонкина могу говорить, что хочу.

– Как появился ваш «Чонкин»?

– Постепенно. Сначала был рассказ о деревенской девушке, которая полюбила солдата. Они встретились вечером накануне войны. Я понимал, что герой, каким его считала Нюра, должен быть написан по контрасту с её представлением, – простой и придурковатый. Но образа не было. А однажды я вдруг отчётливо вспомнил, что видел такого бедолагу, когда служил солдатом в армии, и наша часть стояла в Польше. Да это же Чонкин! Вот так и родился образ.

Когда я написал первый большой кусок романа и отнес его в «Новый мир», начались проблемы. Твардовский, который ко мне очень благоволил, отнесся к «Чонкину» критически, а может быть, даже ревниво: Бровкин, Травкин, Теркин, Чонкин... Он хотел, чтобы я изменил фамилию героя. И пока писал, многие «ловили» меня на переключке с Тёркиным, как бы упрекая. Теперь так уже не думают, потому что Чонкин стал образом самостоятельным.

– Сегодня, размышляя о литературе ушедшего столетия, приходишь к выводу, что истинно народными персонажами русской литературы справедливо считать прежде всего Тёркина и Чонкина,

которого писатель Дмитрий Быков назвал национальным русским героем. В чем секрет успеха романа, популярного и спустя десятилетия после выхода в свет?

– Долговременный успех литературного произведения объясняется, на мой взгляд, тем, что автору удалось создать образ героя, который может стать фигурой нарицательной. Такие персонажи, как Дон Кихот, Швейк, Плюшкин, Чичиков, Обломов, Тёркин, Остап Бендер запоминаются читателем легко и надолго. Надеюсь, что Чонкин относится к их числу.

– Скажите, сколько лет вы писали этот роман?

– Почти 50!

– Между второй и третьей книгой такой большой перерыв. Что вам мешало закончить роман?

– Обстоятельства в лице советской власти. Для работы над таким произведением требуется определённое состояние, спокойный эпический настрой, а этого я как раз и был долгие годы лишен. Кроме того, возвращаясь к старому замыслу, трудно вернуть прежнее состояние души. Я, конечно, помнил о «Чонкине», замысел мучил меня. Возможно, именно так чувствовала бы себя женщина, которая выносила тройню, двоих родила, а третьего оставила в животе на неопределённое время...

– Когда, наконец, вышла третья часть книги, первый тираж разошёлся мгновенно. Все хотели знать, что дальше будет с Чонкиным. Не умирает ли он в конце?

– Конечно, нет: Чонкин бессмертен. В последней книге, завершившей трилогию, Иван Чонкин дожил до старости. И с Ньюрой они встретились в финале книги, но уже старыми людьми...

– Как вы относитесь к экранизациям «Чонкина»?

– Их было не так уж много. В 1995 году по роману снял фильм чешский режиссер Иржи Менцель. Продюсером был англичанин Эрик Абрахан, а актёры – русские. Чонкина прекрасно сыграл Геннадий Назаров, Ньюру – Зоя Буряк. В фильме были заняты Зиновий Гердт, Валерий Золотухин, Алексей Жарков... Фильм небольшой, 90 минут. Конечно, многое туда не вошло. Но экранизация часто разочаровывает или не удовлетворяет автора, а порой и зрителя. Ведь роман всегда содержит много линий, мыслей автора, присут-

ствует и подтекст – словом, то, что на экран в полном объёме не попадает.

– До фильма Иржи Менцеля была и у Эльдара Рязанова попытка поставить «Чонкина»...

– Верно. Но тогда Россия ещё не была к этому готова. Страна бурлила в политических противоречиях. Шел 1989 год. Ещё был Советский Союз, советская армия, советские генералы, выступавшие против «Чонкина» с гневными речами. В тех условиях на Рязанова оказывалось давление, потому, к сожалению, та попытка не удалась.

– Ваши отношения с кинематографом начались давно?

– В кинематографе я прожил довольно большую жизнь. Когда начинал, многие считали меня сценаристом, говорили: «Пишет "кинематографично". В 1961-м, когда появилась первая повесть "Мы здесь живём", вдруг приходит телеграмма от самого Ивана Пырьева: "Поздравляем с выходом замечательной повести, мечтаем, чтобы она появилась на экране". На "Мосфильме", куда я пришёл, меня встретили Иван Пырьев и режиссёр Константин Воинов, автор мно-

– Насколько важны для писателя его национальные корни?

– Ни насколько. Важны страна, среда, язык и культура, среди которых он вырос...

гих фильмов, включая кинобестселлер "Женитьба Бальзамина". Со мной сразу же заключили договор, была организована съёмочная группа, хотя я ещё не написал ни строчки сценария. Представьте, молодой автор был очень горд, увидев на дверях нескольких комнат павильона таблички: "Мы здесь живём". Когда сценарий был готов, сказали, что нужна небольшая правка. Но потом они от меня просто стали прятаться. И это закончилось ничем».

Через два года в «Новом мире» был напечатан рассказ Войновича «Хочу быть честным». Сценарий уже лежал на «Ленфильме». И тут опять телеграмма-приглашение от Пырьева. Снова пришёл на студию. Снова были Пырьев и Воинов. Они были влюблены в этот рассказ и хотели его поставить. Пырьев говорил, что очарован, что главный персонаж Евгений Самохин – это настоящий

национальный характер. Когда Войнович заметил – «однажды вы меня уже бросили на полпути», Иван Александрович ответил, что даёт честное слово: от этой вещи не отступится! Потом поехали на «Ленфильм», с трудом получили обратно сценарий. Писатель его доработал. Сценарий был принят, но история повторилась... Выяснилось, что рассказ к тому времени раскритиковал партийный идеолог, секретарь ЦК Ильичёв, и судьба фильма была решена. Всё же по просьбе Ларисы Шепитько Войнович написал сценарий «Владычица» для экспериментального объединения, которым руководил Григорий Чухрай, сделал сценарий по рассказу «Два товарища». В итоге все сценарии, кроме «Мы здесь живём», были приняты и оплачены (государство несло убытки), но в работу они так и не были запущены. Всё запрещалось, потому что Войнович сам уже стал запрещённым писателем.

...Шёл 1968-й год. На писателя начались гонения за то, что он подписывал письма в защиту осуждённых писателей, за то, что он не только своей литературой вошёл в русский духовный строй, а явил собой

– Что такое интеллигенция сегодня?
– Это хорошо воспитанные бедные люди. Те, кто за
небольшую зарплату, почти задаром, учат, лечат,
работают в библиотеке, музее...

новый тип писателя-борца, человека демократического сознания, стал народным Войновичем России. В начале 1980 года Войнович выступил в защиту академика Сахарова, написал письмо в газету «Известия»: «Позвольте через вашу газету выразить мое глубокое отвращение ко всем учреждениям и трудовым коллективам, а также отдельным товарищам, включая передовиков производства, художников слова, мастеров сцены, героев социалистического труда, академиков, лауреатов и депутатов, которые уже приняли или ещё примут участие в травле лучшего человека нашей страны – Андрея Дмитриевича Сахарова».

По мнению писателя Шендеровича, «если бы Войнович в жизни не сделал ничего, кроме этого, его имя уже должно было остаться в истории страны – как образец твердой человеческой нормы в эпоху скособоченных представлений о приличии».

В 1982 году писатель приступил к роману «Москва 2042», а завершил его только через четыре года. Эта смешная и пророческая книга вызвала в своё время яростный протест солженицынских фанатов («солжефренов», по выражению Войновича).

Кстати, Войнович был первым русским писателем, который овладел компьютером. Например, «Москву 2042» он напечатал на компьютере, который купил в Германии в 1983 году. В СССР тогда такого еще и близко не было. «А у меня еще и принтер был, на который гости смотрели как на чудо. Было такое ощущение, что техника вообще за меня пишет» – улыбается писатель.

В 2002 году Войнович, один из немногих писателей, позволявший себе говорить о Солженицыне без лицемерия, выпустил «Портрет на фоне мифа» – книгу, которая, несомненно, стала принципиальным событием в русской мысли. Солженицын, по словам Войновича, – большое общественное, историческое, литературное явление. Он вошел в историю, и его оттуда не вычеркнешь. Но всё же он человек со своими достоинствами и недостатками, а не икона, на которую должно молиться... Войнович подчёркивает, что культы любых личностей для него невыносимы, и культ личности Солженицына тоже.

В нашу эпоху подмены понятий, когда рыночный успех стал синонимом художественного, Войнович напоминает нам, что ещё существует гамбургский счёт. И никакие заслуги прошлого не могут улучшить или предопределить качества того, что человек делает сейчас. А глупость, сказанная даже великим человеком, не перестаёт быть глупостью.

Спрашиваем о «Шапке» – книге и фильме.

– Шапка» сначала была напечатана за границей. Считаю, что она перекликается с «Шинелью» Гоголя, к первой публикации я поставил эпиграф: «Эта шапка сшита из шинели Гоголя».

– И почему вы потом его сняли?

– Подумал, что читатель может воспринять это как литературную игру. А мне важно, чтобы человек, который читает, верил, что именно так все и было. Не зря ведь один критик в ругательной статье написал (почти каламбур): «Войнович придерживается чуждой нам поэтики изображения жизни “как она есть”!» Смешно, но я был с ним вполне согласен – правильно он сформулировал мое кредо.

Когда меня спрашивают, считаю ли себя исключительно сатириком, я всегда отвечаю: «Нет, это не я сатирик, а действительность сатирична и гротескна».

Тем не менее о Войновиче обычно говорят как о сатирике. Более того, он давно уже числится в ряду самых выдающихся представителей этого рода литературы. Известный английский писатель-сатирик Малькольм Бредбери в одной своей статье даже назвал Войновича дуаёном (то есть старейшиной) сатириков XX века.

– В 1989 году «Шапка» была наконец напечатана в Советском Союзе. Вы тогда, впервые после эмиграции, приехали в Москву...

– В числе людей, встречавших меня в московском аэропорту, – а я вернулся одним из первых, я рвался сюда – надежда меня вернула, – был и мой старый друг Константин Воинов. Он очень хотел снять «Шапку». И снял её. По-моему, фильм получился неплохой, динамичный и смешной.

– Вы были в эмиграции и там не чувствовали себя своим, а когда вернулись на родину...

– И там – не своим, и здесь чужим. Когда я уезжал, в КГБ собрали на меня 10 томов оперативной разработки, а когда вернулся – с 1989-го по 1991-й еще четыре тома... А еще до того, как я вернулся, в «Московских новостях» мою фамилию писали во множественном числе

Всегда старался и стараюсь жить по совести и писать по способностям. Жил честно, остался самим собой. Когда писатель отступает от правды, ему отказывают ум и талант.

и с маленькой буквы: «Эти войновичи никогда не поверят в нашу перестройку». В 89-м «Чонкина» напечатал журнал «Юность», а критика в России его будто и не заметила, хоть к тому времени роман был переведен на десятки языков, имел сотни рецензий и монографий. Игорь Виноградов (до отъезда мы были близкими друзьями) напечатал статью «Здравствуй, Ваня!». Похвалил «Чонкина» и обругал меня за «Москву-2042», которую, по его мнению, я написал, чтобы обидеть Солженицына и угодить советской власти. А я воспринял перестройку с большими надеждами...

– Говорят, вы были одним из создателей ПЕН-клуба.

– Не совсем так: хотел им быть... У меня есть письмо председателя КГБ Андропова в ЦК от 5 апреля 1975 года «О намерении писателя В. Войновича создать в Москве отделение Международного ПЕН-клуба». В связи с этим Андропов написал, что КГБ намерен провести со мной «беседу предупредительного характера». Во время этой «беседы», 11 мая того же года, кагэбэшники меня отравили, о чем я написал книгу-документ «Дело № 34840». А в ПЕН-клуб, что тоже любопытно, много лет спустя, меня пригласили с требованием дать рекомендации от двух писателей...

– Среди написанного вами много вещей документального толка, начиная с «Иванькиады», которая даже в Англии, не озабоченной нашим квартирным вопросом, была объявлена Книгой года; очерков «Антисоветский Советский Союз» и писем правительству. Эта приверженность документу идёт от того, что писатель Войнович не отделяет свою жизнь от творчества?

– Я убедился на «Чонкине» и на «Москве 2042», что жизнь и художественный вымысел совсем недалеко друг от друга, причём одно влияет на другое. Обстоятельства жизни писателя формируют то, что он пишет. Но есть и обратная связь – вымысел писателя потом влияет на его жизнь. Скажем, моя биография легла в основу «Чонкина», а «Чонкин», выйдя из-под пера, лепил мою биографию дальше. Меня из-за «Чонкина» выгнали из Союза писателей. И жизнь, благодаря литературному герою, круто изменилась. Когда я начинал писать, не собирался стать документалистом. Я обратился к документу и к иронии как к спасению. Ирония и самоирония помогает держать дистанцию. Она, как и интуиция, бывает умнее ума и подсказывает порой парадоксальное и самое правильное решение.

В издательстве «Эксмо», где напечатана трилогия «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», было опубликовано «Персональное дело». Это биография писателя в протоколах, стенограммах заседаний Союза писателей, документы, публицистика разных лет. События, описываемые в книге, непосредственно касались Войновича как русского писателя и советского человека. Отстраненное восприятие фактов, ирония и самоирония, присущие

его творчеству, дали возможность увидеть и ощутить в этой книге, как драматическая судьба автора переплелась с судьбой страны.

– Книга оформлена оригинально. Автопортрет на обложке сделал её особенно выразительной. Вы ведь не часто иллюстрируете свои книги?

– Почти никогда. Но если портрет или мой рисунок оказываются кстати, очень доволен. Когда начинал рисовать, мне казалось, что литература и живопись совместимы: порисую немного, потом буду писать. На самом деле – это совсем не так. Написать картину – почти как написать рассказ. Не умею одновременно заниматься тем и другим. Когда был литературный период, я писал «Чонкина», другие книги...

Последние двадцать пять лет Войнович известен не только как писатель, а и как художник. Выставки его картин успешно проходили в Берлине и Вене, в Кельне и Мюнхене, в Москве и Русском музее Санкт-Петербурга... Войнович – плодовитый художник, в его собрании более трехсот полотен. Названия картин, тем, циклов остроумны. Это портреты, пейзажи, юмористические циклы, грустно-иронические зарисовки. Живопись для него – очередное приключение.

– Ваша жизнь удалась? Вы добились в жизни всего, чего хотели?

– Добился меньше того, что мог бы, но намного больше того, что ожидал. Профессия писателя интересна тем, что есть иллюзия, будто что-то ещё есть впереди. Игру свою я выиграл. «Чонкина» дописал. Всегда старался и стараюсь жить по совести и писать по способностям. Жил честно, остался самим собой. Когда писатель отступает от правды, ему отказывают ум и талант.

*Я жил, как было жить нельзя,
Одним назло, другим на зависть,
Пред сильными не лебезя
И перед слабыми не чванясь.
Не то, чтобы героем был,
Но честь берёг и скромный дар свой.
Народ жалел, страну любил,
Что не скажу про государство.*

– И вообще сейчас я живу в интернете, а не в России, – добавил Войнович.

– И всё-таки, как можно охарактеризовать ситуацию в сегодняшнем российском обществе?

– У вождей с либеральными намерениями, но диктаторским характером ум требует одного, а натура – другого... В статье для журнала «The Insider» я написал, что предполагаю, что Россия в конце концов соблазнится европейской моделью устройства общества как наиболее разумной. Думаю, так. А серьезные реформы неизбежно сопровождаются приходом во власть новых, по-новому мыслящих и энергичных людей. При этом обязательно ослабляется государственный механизм и возникают центробежные силы, которые будет трудно сдержать.

Замысел «Чонкина» мучил меня. Возможно, именно так чувствовала бы себя женщина, которая выносила тройню, двоих родила, а третьего оставила в животе на неопределённое время.

И вполне возможно, что Россию ждет участь Советского Союза – она развалится, и хорошо, если бескровно...

– И традиционный вопрос. Одна из ваших последних книг – «Фактор Мурзика». Что вы пишете сейчас или планируете писать что-то новое?

– Я уже старый человек, и у меня короткие планы – дописать недописанное, доделать начатое. И уйти из жизни, не стыдясь за прожитое.

Впервые материал был опубликован в 2006 году в газете «Рос-сия» (за 9–15 ноября) под заголовком «Владимир Войнович: «Литература – не скачки на ипподроме, а скорее огород, где у тебя своя грядка»».

Игорь Иртеньев (урожденный Рабинович). Поэт, представитель иронического направления в современной русской поэзии. Живёт в Москве и Кармиэле (Израиль), за что иногда подвергается критике некоторых граждан обеих стран. Родился 25 мая 1947 года в Москве. В 1972 году окончил Ленинградский институт киноинженеров, в 1987 году – Высшие театральные курсы. Публикуется с 1979 года. В 1972–1973 годах проходил действительную воинскую службу в Забайкальском военном округе. С 1965 по 1982 год работал на Центральном телевидении. В 1982–1984 годах работал в газете «Московский комсомолец». С 1984 года профессионально занимается литературным трудом. Был одним из создателей и президентом созданного в 1986 году московского клуба «Поэзия», в который вошли наиболее заметные представители литературного андеграунда того времени – Дмитрий Пригов, Лев Рубинштейн, Нина Искренко, Татьяна Щербина, Владимир Друк, Сергей Гандлевский, Евгений Бунимович, Виктор Коркия, Тимур Кибиров, Юрий Арабов и другие широко известные сегодня литераторы. Стихи печатались в журналах «Огонёк», «Юность», «Октябрь», «Знамя», «Арион», «22» и «Время и мы», литературных антологиях «Строфы века», «Самиздат века» и переводились на многие европейские языки. Работал колумнистом в «Газете.ru» и газете «Газета».

С 1994 по 2003 год был главным редактором иронического журнала Михаила Жванецкого «Magazine». В настоящее время сотрудничает с популярным израильским изданием «Беседер?». Автор двадцати поэтических сборников. Член Союза писателей Москвы и Русского Пен-центра, лауреат премии «Золотой Остап» (1992), премии «Золотой телёнок» «Литературной Газеты» («Клуба 12 стульев») (1992), литературных премий журналов «Огонек», «Октябрь», премии Союза журналистов России «Золотое перо» (2001). Участник телевизионных и радиопрограмм «Монтаж», «Итого», «Бесплатный сыр», «Плавный сыр» и других. Был ведущим программы «Гомоза» на телеканале «Культура».

Игорь Иртеньев

Нет! Я выпью здесь!

Вот удивительное дело, никаких особенно ярких воспоминаний о встречах с Войновичем, – а было их немало, – у меня не осталось. Хотя и выступали вместе, и за столом сидели неоднократно в хоро-

шей компании. Возможно, дело в том, что слушал он охотнее, чем говорил, и никогда не стремился быть в центре внимания: представить его царящим за столом мне, по крайней мере, довольно сложно. Несмотря на кажущуюся мягкость, характер у него был весьма твердым, особенно когда речь заходила о вещах принципиальных. Пом-

Если я когда-нибудь соберусь заказать себе фамильный герб, обещаю, что именно этот гордый девиз будет его украшать.

ню, как после презентации его тома в одной сатирической антологии мы собрались в пестром зале ресторана ЦДЛ. Владимир Николаевич хорошо, что называется, принял на грудь и явно не собирался останавливаться на достигнутом. Его жена Ира тянула мужа за рукав, приговаривая: «Ну, Володя, хватит, пойдем уже, дома выпьешь». На что побагровевший от возмущения (и не только) Войнович решительно отрезал: «Нет! Я выпью здесь!» И если я когда-нибудь, наконец, соберусь заказать себе фамильный герб, обещаю, что именно этот гордый девиз будет его украшать.

Елена Камбурова. Певица и актриса, защитница животных. Народная артистка Российской Федерации (1995), лауреат Государственной премии Российской Федерации (2000). Основательница и художественный руководитель Московского театра музыки и поэзии (с 1992 года). Родилась 11 июля 1940 года в Сталинске (Новосибирская область). После школы поступила в Киевский институт легкой промышленности – не окончила, уехала в Москву поступать в Театральное училище имени Б.В. Щукина – не прошла третий тур и устроилась работать на стройку. Через год поступила в Государственное училище циркового искусства, затем окончила отделение эстрадной режиссуры ГИТИС им. А.В. Луначарского. Песня Новеллы Матвеевой «Какой большой ветер» стала первой песней, с которой Камбурова вышла на сцену; первая программа певицы состояла из песен Новеллы Матвеевой и Булата Окуджавы; первый сольный диск-гигант был записан на фирме «Мелодия» в 1970 году (в диск вошли песни Ларисы Критской на стихи Юрия Левитанского, песни Таривердиева и Саульского на стихи Григория Поженяна, Юлия Кима и др.). Автографом певицы стала песня «Я такое дерево» на стихи Григория Поженяна и музыку Микаэла Таривердиева. Вместе с композитором Владимиром Дашкевичем создала яркие музыкально-драматические интерпретации шедевров русской поэзии первой половины XX века, в их числе – циклы песен на стихи Владимира Маяковского, циклы песен на стихи Александра Блока, Марины Цветаевой. Сюиты для голоса и оркестра – на цикл стихотворений Анны Ахматовой «Реквием» и «Сохрани мою речь навсегда» на стихи Осипа Мандельштама – посвящены теме трагедии человеческой судьбы в эпоху тоталитарного сталинского режима (в начале 90-х годов они неоднократно исполнялись в Москве, в Концертном зале им. П.И. Чайковского). Голос певицы звучит за кадром в более чем в сотне кинофильмов и мультфильмов – «Большое космическое путешествие», «Пассажир с Экватора», «Пони бежит по кругу», «Раба любви», «Дульсинья Тобосская», «Небеса обетованные», «Нас венчали не в церкви», «Приключения Электроника», «Однажды двадцать лет спустя», «Гардемарины, вперед!», «Мой нежно любимый детектив», «Приходи на меня посмотреть» и др. В 1974 году исполнила главную песню «Мальчишки и девчонки» для киножурнала «Ералаш», а в 1988 году – колыбельную «Спи, моя радость, усни» в передаче «Спокойной ночи, малыши». Среди актёрских работ – роли в фильмах-концертах «Монолог» (1970), «Прощай, оружие» (1972), «Поэт Елена Камбурова» (1984), «Мой театр» (1989), в художественных фильмах – «Театр неизвестного актёра» (1976), «Клоун» (1980), «Воспоминание» о Владимире Высоцком (1986), «Мой нежно любимый детектив» (1986) и других. По сей день гастролирует по

России и за рубежом: в Финляндии, Португалии, Великобритании, США, Канаде, Германии, Нидерландах, Греции, Израиле, Швеции; русскоязычный репертуар сочетается с песнями на иностранных языках – французском, английском, польском, испанском, греческом, иврите. Елена Камбурова – создатель своего эстрадного стиля, ее пение – искусство, представляющее синтез музыки, поэтического слова, актёрской работы и импровизации в совокупности с глубокой авторской сопричастностью.

Елена Камбурова

Любовь от соседа

Так получилось, что когда Владимиру Николаевичу вернули российское гражданство, ему выделили квартиру в новом девятиэтажном доме в Астраханском переулке, куда незадолго до этого въехала и я. О том, что моим соседом скоро станет Владимир Войнович, мне сообщил Булат Окуджава и заодно, зная, что я занимаюсь поисками мебели для своей квартиры – а в начале 90-х это было очень и очень непросто, попросил меня что-нибудь приобрести и для Войновича, который в это время еще был в Германии и просил своих московских друзей помочь ему хоть с какой-нибудь мебелью. Мои друзья помогли мне раздобыть два одинаковых больших платяных шкафа, и шкаф Владимира Николаевича долго ждал своего хозяина в моей прихожей. Наконец, в один прекрасный день раздался звонок в дверь, и я увидела широкую улыбку Войновича. Шкаф унесли на два этажа выше, на девятый – оказалось, что Владимир Николаевич будет жить прямо в моем подъезде – а мы с его хозяином сразу подружились. Часто ходили друг к другу в гости.

В нем не было ни на грамм заносчивости или высокомерия, и он никогда не устанавливал той дистанции, которая часто возникает между знаменитым писателем и публикой.

С ним было всегда легко, он был очень приветливым, всегда улыбался, держался очень просто не только со мной, но и с моими друзьями. В нем не было ни на грамм заносчивости или высокомерия, и он никогда не устанавливал той дистанции, которая часто возникает между знаменитым писателем и публикой. Мои друзья часто шутили и подкалывали его, а он легко смеялся и всегда оставался предельно естественным. Лишь однажды, когда, думая его рассмешить, я вспомнила, как читала в училище его стихи о комсомоле, он в ответ брезгливо поморщился.

Я не могу назвать себя близким другом Владимира Николаевича (хотя он с удовольствием принял мое предложение обращаться к нему шутя «Вова»), наше общение так и оставалось добрососедским. Ему этот статус очень нравился, и он всегда, когда звонил,

С ним было всегда легко, он был очень приветливым,
всегда улыбался, держался очень просто не только со
мною, но и с моими друзьями.

представлялся: «Это ваш сосед Вова». Свои книжки он также обязательно подписывал, иронизируя или шутя на тему нашего соседства. Так, например, на книге «Дело № 34840» он написал: «Дорогой Лене с нежностью и любовью от соседа (хорошее выражение: «любовь от соседа»). В. Войнович».

Потом он увлекся живописью. Я вообще очень люблю наивное искусство и наивных художников, и меня очень обрадовало, что Владимир Николаевич начал писать именно в этом жанре. Однажды он пригласил меня на свою выставку, и неожиданно для себя я увидела свой портрет. А ведь я ему не позировала. Значит, он прекрасно писал по памяти. Мне очень нравилось, что в его картинах присутствовало и его блестящее, уникальное чувство юмора.

Спустя несколько лет мы, к сожалению, перестали быть соседями – сначала уехала я, а потом и он переехал в подмосковный дом, но наша дружба сохранилась, мы перезванивались, иногда виделись. Однажды на мой день рождения он принес мне огромный том с полным изданием «Чонкина» и надписью, которая мне очень дорога:

«Дорогой Леночке Камбуровой в день ее вхождения в сей мир, от бывшего соседа по подъезду и на всю жизнь по душе. В. Войнович».

Однажды я заболела и попала в больницу. Чувствовала себя плохо, настроение было неважное, пыталась отвлечься, читать разные книги, но чтение как-то не шло. Наконец друзья принесли мне книгу Войновича «Автопортрет. Роман моей жизни». Я начала читать и не могла оторваться – эта книжка произвела на меня совершенно терапевтическое действие, о чем я с благодарностью рассказала своему бывшему соседу.

Иногда он приходил на мои концерты и бывал в Театре музыки и поэзии, которым я руковожу, всегда охотно откликнулся на предложение выступить у нас. Его последний вечер в нашем театре прошел в сентябре 2017 года, вскоре после его юбилея. Несмотря на обилие мероприятий и торжеств в его честь в самых разных залах, он не отказался выступить и в нашем, совсем небольшом зальчике. Владимир Николаевич читал старые и новые рассказы, зал очень радостно и тепло принимал его, много смеялся, а после вечера выстроилась огромная очередь за автографами.

Последний раз мы виделись с ним в мае 2018 года у знаменитой правозащитницы Людмилы Алексеевой – она любила собирать у себя за длинным столом большие компании близких ей людей. Мы по-соседски обнялись, расцеловались, обменялись новостями, он был как всегда бодр и весел, и мне в голову не могло прийти, что я вижу его в последний раз.

Юлий Ким. Поэт, драматург, бард, участник диссидентского движения в СССР, лауреат литературных и музыкальных премий. Родился 23 декабря 1936 года в Москве. Окончил историко-филологический факультет Московского государственного педагогического института (1959), до 1963 года работал по распределению в школе на Камчатке, где впервые начал писать и разыгрывать с учащимися авторские песенные композиции. По возвращении в Москву преподавал литературу, историю и обществоведение в школе-интернате № 18 при МГУ им. М.В. Ломоносова, откуда был выдворен властями за участие в правозащитном движении 1965–1969 годов: подписании ряда протестных заявлений по поводу реставрации сталинизма в СССР, редактировании знаменитого самиздатовского бюллетеня «Хроника текущих событий» с перечнем преступлений советского режима, а также в сочинении сатирических песенок на злобу дня. В 1975 году представил Театру Советской Армии свою первую пьесу «Иван-солдат». Всего написал свыше 30 драматических произведений, поставленных в различных театрах России. Большинство песен Юлия Кима написаны на собственную музыку, многое написано также в соавторстве с такими композиторами, как Геннадий Гладков, Владимир Дашкевич, Алексей Рыбников. Дискография Юлия Кима насчитывает более 100 дисков, аудио- и видеокассет с записями песен. Песни Юлия Кима вошли во все антологии авторской песни, а также во многие поэтические антологии современной русской поэзии, в числе которых «Строфы века» (составитель Евгений Евтушенко, 1994). Член Союза кинематографистов (1987), Союза писателей (1991), Пен-клуба (1997). Автор около пятисот песен (многие из них звучат в кинофильмах и спектаклях), трёх десятков пьес и десятка книг. Лауреат премии «Золотой Остап» (1998), лауреат российской Государственной премии им. Булата Окуджавы (2000). В 2015 году решением жюри Общества поощрения русской поэзии Юлию Киму была присуждена национальная премия «Поэт». В сентябре 2014 года написал сатирическую песню «Марш пятой колонны», в которой осуждает войну на Украине. Позже написал еще одну, ставшую популярной песню на ту же тематику:

Я с Украиной не воюю,
 Я отношений с ней не рвал,
 Как я ей пел, так и пою я,
 Так і співаю, як співав...

Юлий Ким

УЛОВИТЬ ЭТОТ ТОН

Году, помнится, в 1992-м видный музыкальный деятель из Нюрнберга предложил композитору Владимиру Дашкевичу и мне учинить музыкальную историю о Ване Чонкине. Тому было несколько причин. Во-первых, создатель нетленного образа долго жил в Германии и был там известен. Во-вторых, нетленный Ваня славно вписывался в ряд: Бумбараш – Присыпкин (тоже, кстати, Ваня), соз-

«Чонкин» в постановке главрежа Норильского драмтеатра А. Зыкова забрал половину премий на Сибирском театральном фестивале и был приглашен в Москву – на сцену Ефремовского МХАТа.

данный ранее нашими с Дашкевичем усилиями. В-третьих, в финале самолет Чонкина должен был взлететь, имея на борту следующий экипаж: русский (Ваня), немец (диверсант Курт) и еврей (Моисей Соломонович Сталин, сапожник), который свою фамилию объяснял так:

– Это моя настоящая фамилия, а не псевдоним, как у этого, у Джугашвили. И отец мой Сталин, и дед, а вот прадед был все-таки Штальман, потом упростили.

Сочинить музыкальную комедию по бессмертному сюжету – это же мечта, а не заказ! Войнович дал добро, я уселся за либретто и довольно быстро его завершил. Либретто со всеми стихами и диалогами было Войновичем одобрено, и Дашкевич не замедлил

– Чонкин победил! И мы с Владимиром Николаевичем радовались, как дети.

с музыкой. Продукт был предложен самому Олегу Ефремову для МХАТа, и Олегу понравилось! Он назначил читку, собралось человек, помню, тридцать, и... чем больше я веселился, читая, подпрыгивая и напевая, тем мрачнее становились слушатели. Не понравилось им изделие. Ефремову с Любшиным понравилось, а им – ни в какую. Ну, а против коллектива Ефремов воевать не стал. Чем воспользовался главреж Норильского драмтеатра А. Зыков: «Чонкин» в его постановке забрал половину премий на Сибирском театральном фестивале и был приглашен в Москву – на сцену Ефремовского МХАТа! Вот это был реванш! Зал ломился от публики, был распакован верхний ярус, до того запакованный навеки – Чонкин победил! И мы с Владимиром Николаевичем радовались, как дети.

Главным для меня в этой истории было то, как отнесся Войнович к инсценировке его прозы: он отнесся ко мне как к соавтору.

А в Нюрнберге дело не сладилось – по каким-то нехудожественным причинам. Зато «Чонкина» спели еще в Новосибирске, а там и Хабаровск привез его в Москву и увез домой Золотую Маску.

Но главным для меня в этой истории было то, как отнесся Войнович к инсценировке его прозы. Он отнесся ко мне как к соавтору. То есть главную задачу мою – уловить этот тон, юмор, лексику, взгляд, и то, что Борис Шергин называл «веселье сердечное», – эту задачу я решил, не осрамился перед Володей. И полетели наши герои на сломанном самолете, и запели они от души:

*Мы летим, летим, летим,
Приземляться не хотим,
Потому что – вот беда! –
Приземляться некуда.
Так и будем мы лететь,
С неба на землю глядеть,
Может, как-то где-то там
И найдется место нам?*

Алексей Кирющенко. Актёр и режиссёр театра и кино, сценарист, продюсер. Режиссер украинского телесериала «Слуга народа», исполнитель главной роли в котором – актер Владимир Зеленский в 2019 году был избран президентом Украины. Родился 3 августа 1964 года в Харькове. Поступил в Днепропетровское театральное училище, не окончив которое уехал в Москву, где в 1991 году окончил актёрско-режиссёрское отделение Театрального училища им. Б.В. Шукина при Государственном академическом театре им. Евг. Вахтангова. С 1991 года снимается в кино. С 1991 по 2001 год работал актёром театра им. Вахтангова и режиссёром Театра на Таганке, Театра им. Рубена Симонова и театра «Содружество актёров Таганки»; в 2001 году стал художественным руководителем Театра комедии (Москва). С 2004 года заявил себя как кинорежиссёр. В 2015 году во время съёмок сериала «Слуга народа» получил вид на жительство в Украине.

Алексей Кирющенко

Как же можно с «Рати» братъ пример?!

В самом начале <Войнович появился в моей жизни>, когда мы в Щукинском училище делали отрывок <под руководством> Владимира Николаевича Ковалья¹ – он взял что-то из «Чонкина», когда он в «Юности» вышел. Коваль принес отрывок с капитаном Милягой, мы распределили роли, сыграли. Я помню этот отрывок, потому что поначалу был не в чести у ректора Владимира Абрамовича Этуша, а после этого отрывка я остался в училище и стал любим. Я был бунтарем из набора Юрия Васильевича Катина-Ярцева, он <потом> ушел заведовать кафедрой актерского мастерства и отдал нас второму педагогу. А Этуш всех, кто <выражал недовольство> но-

¹ Коваль Владимир Николаевич (17 мая 1942 – 27 апреля 2013) – актёр театра и кино, заслуженный артист РСФСР.

вым преподавателем, а я был в лидерах <этого недовольства>, <выживал>. Он перед нами, <недовольными>, положил чистые листы: «Подпишите. А я уже сам буду думать – кого увольнять, а кого не увольнять». И у нас двадцать человек за профессиональную непригодность из училища уволили, я же был первым <кандидатом> на отчисление. Но благодаря этому отрывку из «Чонкина», роли Миляги, я остался. И <хотя бы> поэтому – благодарность Владимиру Николаевичу.

При этом отрывок, <с которого начинали>, мы затем <превратили> в дипломный спектакль. Я написал инсценировку (все лето писал), и мы сделали огромный учебный спектакль, на котором был Войнович: он выходил на сцену, и, насколько мне помнится, ему понравилось. А потом мы с моими однокурсниками во время работы на Таганке и после, объединившись в Московском театре комедии (нам дали подвал напротив резиденции патриарха Алексия), написали новую инсценировку. Помню, что в день постановки пришло известие об атаке на башни в Нью-Йорке, так что можно понять, что дело было 11 сентября 2001 года. С этим спектаклем, сначала без всяких «звезд» (потом мы ввели Гаркалина²), мы и всю страну объез-

Он подошел ко мне, приобнял и говорит: «Долго за тобой следил, делаю вывод: ты фантазмагорист. Бог с тобой, делай что хочешь».

дили, и за рубеж выезжали – в Израиль, Финляндию, в Прибалтику, на театральные фестивали. Мы сделали такой большой и мощный спектакль, что он был постоянно востребован, и мы <в конце концов> просто устали его играть, как-то «выросли» из него. Но предложения сыграть продолжали поступать и года три-четыре после того, как мы окончили его ставить.

Премьеру играли в «Сатириконе». Войнович вышел на сцену после спектакля, а потом, зайдя за кулисы (была еще его супруга покойная), сказал: «Я этого не писал». Мы много импровизировали,

² Гаркалин Валерий Борисович (род. 11 апреля 1954) – советский и российский актёр театра и кино, народный артист Российской Федерации.

но супруга его нас тут же помирила, потому что в принципе успех был <у зрителей огромный>. Она сказала: «Будем считать, что это импровизация на тему народного романа о Чонкине», и <Войнович согласился>.

Затем мы вместе с моим другом Сашей Карповым, сыгравшим кладовщика Гладышева, сделали инсценировку для кино. Хотя, по-моему, мы к кино подошли неправильно, потому что очень сложно экранизировать литературное произведение. Весь смак как раз в описании, в аранжировке. Ну и построение <литературного произведения> не очень киношное. Но <тем не менее> у нас получились четыре серии в деревне, а четыре – в городе. Главным героем стал уже не Чонкин, а капитан Миляга. И надо было как-то варьировать и поддерживать эту интригу. Снимали в Тарусе, в Калужской области, Владимир Николаевич приезжал не раз – уже с новой женой, показывал ей.

Однажды он приехал в день, когда моя младшекурсница Маша Аронова играла Люшку. И так как это было вдоль и поперёк переписано, были даже сцены вообще не его, а продюсеры пригласили Войновича, не предупредив меня, то я очень волновался. Он вместе с супругой провел с нами весь съемочный день, улыбался, был благодушен. Потом сели ужинать. Я боялся ему в глаза посмотреть, потому что он-то привез супругу, чтобы показать ей экранизацию своего произведения. И он помнит, что он сам написал. А там – ни его сцен нет, ни текста... Он подошел ко мне, приобнял и говорит: «Долго за тобой следил, делаю вывод: ты фантазмагорист. Бог с тобой, делай что хочешь». И дал мне такой карт-бланш. Потому что, правда, мы многое досочинили – тот же допрос Миляги, который буквально на полстраницы в романе, а у нас он идет семь минут...

Есть такая крылатая режиссерская фраза: хороший автор – мертвый автор. В смысле, что человек умнеет на одну книжку, которую прочел. Поэтому я в <авторском произведении> купаюсь, я авантюрно должен что-то <свое сделать>, как актеры любят говорить: «Чем будем удивлять?». Поэтому ты их чем-то удивляешь, заводишь. Я считаю, что результат репетиций <работает как> бумеранг. А атмосфера репетиций – она результат уже самого произведения, спектакля или кино.

Еще был смешной случай. В романе арестованных инквизиционеров выгнали работать на поля, и они выдали большие показатели, потому что работали мужики, <а не бабы>, не в пример другим колхозам. И председатель колхоза, потрясая этими показателями, говорит <счетоводу, который их ему принес>:

— Ты какие цифры показываешь?

— Ну, такие, какие есть.

— Да ты с ума сошел? Не надо таких цифр. Мне давай такое, как и у соседей. Как в «Заветах Ильича», «Дороге Ворошилова»...

Не хватало <названия> третьего колхоза, для рифмы. Мы решили – «Красная Вобля»: <название появилось> от реки Вобли, которая протекает по дороге в Рязань (мы туда часто ездили на гастроли); я подумал, что и колхоз такой мог быть – «Красная Вобля». Войнович подошел и говорит: «Ну, Леша, это уже совсем. “Вобля”, “Красная вобля” – ну откуда это? “Заветы Ильича”, “Дорога Ворошилова”, но “Красная Вобля” – давай поменяем». Отвечаю:

— Я не против. Давайте поменяем.

— Ну, а что тогда, давайте вспомним.

— Это вам вспомнить надо – что в то время было популярно.

— Что-то такое древнерусское могло быть.

— Рать, «Красная рать».

Такой вот диалог получился. <И решили: «Красная рать»>. Войнович доволен, сидит у монитора рядом со мной, <наблюдает>. И тут актер, <играющий председателя>, говорит: «Не надо мне таких показателей, нас с тобой расстреляют, ты понимаешь? Бери пример с “Заветов Ильича”, “Дороги Ворошилова”, “Красной рати”». На что счетовод отвечает: «Да как же можно с рати брать пример!?» Реприза получилась гораздо сильнее – по КВНовски и анекдотично: «Да как же можно срать и брать пример». Если было бы «Да как же можно с “Вобли” брать пример», это так не звучало бы. Войнович на это: «Да ну вас, у вас все перевернется». Ведь он считал «Чонкина» глубоко философским произведением. Я ему всё тыкал в название: «Мастер, ну написано же – “роман-анекдот”». А он отвечал: «Это для КГБ, а на самом деле это глубоко философское произведение». Причем я думаю, что если первый «Чонкин» – это привет «Ревизору», то второй «Чонкин», которого мы тоже собирались инсценировать, это был

такой Сухово-Кобылин, драма «Дело». Хотя не знаю, до какой степени Владимир Николаевич театрал, никогда за ним этого не замечал, для театра он, кажется, не так много работал. Но он такой сомневающийся человек, хотя очень жизнерадостный.

...Мы наснимали материала на десять серий, хотя нам заказывали восемь. Но дилетанты-продюсеры стали потирать руки, думая, что «десять – значит, больше заработаем, больше продадим». Я повелся и отмонтировал десять серий. И оказалось много «воды», которая на монтаже должна была, конечно, исчезнуть: всегда снимается процентов десять лишнего материала.

После того как я уже ушел на другой проект, продюсеры принялись продавать этот материал, и им сказали: «Дурака не валяйте – сократите». И они без меня две серии сократили, оставив ровно

У нас двадцать человек за профнепригодность из училища уволили, я же был первым кандидатом на отчисление. Но благодаря отрывку из «Чонкина», роли Миляги, я остался.

то, что я хотел бы, наоборот, сократить... Где-то лежат эти видео-пленки-«бетакамы», которые мне хотелось бы перемонтировать, потому что этот фуфачный, якобы сапожный юмор, который дорогого стоит, – его нужно, конечно, концентрировать, а убрать галиматью, <которая осталась>, «воду».

Продюсеры же поступили так, как поступили. Они всегда правы: кто платит, тот и заказывает музыку. <В результате> я с ними сильно поругался, со многими не разговариваю: мне обидно, потому что мы работали от всей души – не только я, а вся группа; мы жили этим и любили это. А продюсеры хотели получить от нас такой «лайт»-вариант, а не <настоящий> гротеск, который оскорблял их скрипичные мозги. Они такие эстеты большие были, и вот это их эстетство довело их до цугундера, хотя можно было все спасти – при том, что я бы это сделал без всяких денег.

...Помню, как я монтировал Чонкина, а рядом со мной монтировал Ренат Давлетьяров (по-моему, «Любовь-морковь»), и Федя Бондарчук что-то монтировал. Федя часто приходил отдохнуть от

монтажа и говорил: «Покажи». И ухахатывался, с удовольствием смотрел на Чонкина, на монтаж, смотрел сцены и, отсмеявшись, говорил, что это не пустят никогда, что ни первый, ни второй каналы это не покажут. Он знал больше о том, что там <происходило> в кремлевских кулуарах, в сознании людей. Во-первых, отношение к Войновичу. <Нужно учитывать> вектор, который задал наш президент, служивший в КГБ: <эти люди> не любят Войновича, и до сих пор это есть. И не взяли – ни первый, ни второй, и не третий канал. Правда, <нашего «Чонкина»> транслировал Рен ТВ – раз пять или шесть, показывали каждый год чуть ли не в День Победы (или 1–2 мая); таким «нон-стопом», с утра до вечера.

А еще мы продали «Чонкина» в Украину, на телеканал «Интер», которым руководил мой друг Лёня Мазор (там же был и Володя Зеленский³). Но у меня осталась боль по поводу этого кинопроекта – в отличие от спектакля, потому что спектакль был художественно целостным, гармоничным, люди (зрители) запоминали фразы, мы постоянно ездили в Екатеринбург и <выступали еще> в пяти-шести городах с 19 по 25 февраля. В холле выступал военный оркестр, и наливали «боевые» 50 грамм. В Екатеринбурге и на Урале нас особенно любили. Я рассказываю это к тому, что мы с «Чонкиным» и в Израиле были, и в Финляндии, на фестивале в Прибалтике сразу после училища, но <именно> на Урале нам зал не давал играть: люди знали каждую реплику, подсказывали. Люди смаковали «Чонкина», женщины дарили мужьям и любимым билеты на спектакль на 23 февраля, приезжали за 300 километров в Екатеринбург. Причем в первый раз, когда мы приехали с «Чонкиным» в Екатеринбург, тамошняя патриархия <пыталась помешать> нам поставить спектакль: там считали, что «Чонкин» – это унижение чести и достоинства русского солдата. Хотя изначально персонаж Чонкина – это Иван-дурак, сказочный персонаж, хотя и боевой – такой, который выиграл войну, находясь в окружении этих «вурдалаков», этой нечисти. По сути это высоко моральное произведение – такие острые сцены в НКВД, такой показ армии и вот этих дебилоидов: в головах тупые уставы, тупые темники и ура-псевдопатриотические лозунги – конструкция, которую

³ С 2019 г. – президент Украины.

Войнович изничтожил в этом романе. Это их – <тех, кто противился показу спектакля>, конечно, выбешивало, потому что, как оказывается, <состоялся> возврат именно к этим постулатам. И я сегодня вижу такую же реинкарнацию. Закон не работает, вот и все. И еще есть разрыв, огромный разрыв – пропасть между <обычными людьми> и богатыми, олигархатом. Нет среднего класса. Деньги должны скопиться не у одного процента, а у 30–40 процентов.

Мы с «Чонкиным» и в Израиле были, и в Финляндии, на фестивале в Прибалтике сразу после училища, но именно на Урале нам зал не давал играть: люди знали каждую реплику, подсказывали.

...Фактически <у меня с Владимиром Николаевичем было не более> десяти встреч. Но это целый период моей жизни. И – теплота от этого человека. Я бы никогда не подумал, что такой добрый человек может писать такие остро сатирические, потрясающие вещи – таким эзоповым, жестким языком. Потому что обычно большие комедиографы в жизни очень желчные, потому что (даже про себя говоря) профессия накладывает отпечаток: ты становишься циником, саркастичным, желчным человеком. Войнович – не в пример, про него этого не скажешь. Я потрясен им.

Игорь Кохановский. Поэт. Родился 2 апреля 1937 года. Окончил Московский инженерно-строительный институт (МИСИ) им. Куйбышева, работал по специальности. В 1964 году уехал в Магадан, с 1965 по 1968 год работал в газете «Магаданский комсомолец», затем – старателем на Чукотке. Игрой на семиструнной гитаре увлекся в начале 1950-х; исполнял большую часть репертуара Александра Вертинского; обучал игре на гитаре своего друга и одноклассника Владимира Высоцкого, который, в свою очередь, посвятил Кохановскому несколько песен («Мой друг уехал в Магадан», «Я видел Нагаевскую бухту», «Получил я недавно письмо», «Что сегодня мне суды и заседания», «Возвратился мой друг неожиданно»), а также исполнял его песни – «Бабье лето» и «Иволга». Сочинял для рок-групп и ВИА – «Карнавал», «Динамик», «Аракс» и др. Песни на стихи Кохановского исполняют звезды эстрады – от Клавдии Шульженко и Людмилы Зыкиной до Софии Ротару, Анны Герман, Юрия Антонова и др.

Игорь Кохановский

Мы чужие на их празднике жизни

В начале 60-х годов в писательских кругах Москвы было очень популярно литературное объединение «Магистраль», которым руководил Григорий Михайлович Левин. Помещалось оно в Центральном доме культуры железнодорожников у трех вокзалов. Из этого объединения вышли Булат Окуджава, Владимир Войнович, Александр Аронов и ваш покорный слуга. Много позже, когда меня приняли в Союз писателей и я учился на Высших литературных курсах в семинаре у Александра Петровича Межирова, то невольно сравнивал то, как проходили занятия в «Магистрале» и в семинаре у Межирова. Так вот: семинар был просто «детским садом» в сравнении с тем, что происходило на заседаниях у Григория Михайловича Левина, где главными критиками были Витя Гиленко и Саша Аро-

нов – так они профессионально и подробно разбирали стихи студийцев. Вот там я дважды мельком видел Володю Войновича.

Я работал прорабом на строительстве Химки-Ховрино, когда поступил в «Магистраль». И так случилось, что именно в это время у Войновича в «Новом мире» вышла повесть «Хочу быть честным». И когда я ее прочел, то понял – это про меня. В повести главный герой – прораб на стройке, который не знает, как нормально платить работягам деньги, потому что те расценки, которые существуют, этого сделать не позволяют. Допустим, работу – такую, чтобы нормально получилось, нужно делать два дня, а по расценкам требовалось, чтобы на это уходила неделя. За остальные пять дней мне приходилось ставить бутылку водки субподрядчику, чтобы он выписал такие наряды, будто бы он мой экскаватор к себе забирал на другие работы. В общем, я влюбился в этого героя-прораба и понял, что Владимир Войнович – мой писатель навек.

...Потом получилось так, что моя дочка вышла замуж за немца, уехала. Она училась в МГУ на факультете журналистики, перешла на третий курс, хотела переводиться на заочный. Но мне умные люди сказали, что не получится: раз он немец, да еще из ФРГ, то он наш идеологический враг, и ее не переведут, будут тянуть годами. Короче говоря, она уехала. В 1983 году там родился внук, мы с женой там бывали иногда.

Я влюбился в героя-прораба из повести «Хочу быть честным» и понял, что Владимир Войнович – мой писатель навек.

Ближе к середине 80-х, хотя уже и пришел Горбачев, все равно ощущался мрак, и у меня появилась мысль – отвалить. Честно могу сказать. И я начал искать возможности. Я знал, что Володя Войнович живет где-то под Мюнхеном. Но как его найти? Пойти в журнал «Посев» во Франкфурте-на-Майне? Но, думаю, наверняка сотрудники КГБ там установили какие-нибудь жучки, меня засекут и вообще больше не пустят никуда. Но тут вдруг в 1987 году во Франкфурте-на-Майне собираются все наши эмигранты: Владимов, Максимов, Гладилин, Вася Аксенов, по-моему, приехал из

Америки, Владимир Войнович. Они пишут коллективное письмо, которое было опубликовано в «Московских новостях» и называлось «Пусть Горбачев нам докажет». А в то время дочка как раз жила во Франкфурте-на-Майне, я поехал туда и думаю: где они могли бы собраться <для написания письма>? Наверное, в самом большом отеле. Прихожу туда и на ломаном английском языке говорю, что мне нужно встретиться с Владимиром Войновичем. Да, говорят, вот его

Из литературного объединения «Магистраль» при Центральном доме культуры железнодорожников вышли Булат Окуджава, Владимир Войнович, Александр Аронов и ваш покорный слуга.

номер. Я звоню и говорю: «Владимир Николаевич, это вам звонит Игорь Кохановский». Он отвечает: «Что-то знакомое, но не могу сразу вспомнить». Я уточняю: «Литературное объединение “Магистраль”». Отвечает: «Уже теплее». Я еще уточняю: «Бабье лето»¹. Тогда он смеется и говорит: «Вот теперь – да». И спускается вниз, в холл гостиницы. Спрашивает: «Как, что, чего?» Я ему рассказываю, что здесь дочь, мы с женой приезжаем <периодически>, но я хотел бы здесь остаться – дома стало невмоготу. Выслушав, он мне говорит: «Игорь, мы чужие на их празднике жизни». И рассказывает: «Мой “Чонкин” вышел в 89-ти странах. Но все равно я должен что-то делать – работать, потому что здесь очень тяжело жить. Ни в коем случае не уезжай из России, потому что язык – это наше все. Здесь ты, может быть, преуспеешь в чем-нибудь. Но! У тебя не будет своего читателя. И вообще ты здесь будешь белой вороной». А затем он спросил: «Ты не из робкого десятка?» Отвечаю: «Нет». И он – мне: «Слушай, давай я тебя сведу с ребятами с радиостанции “Свобода”, ты будешь готовить для них материалы, там хорошо платят». И он меня действительно свел с этой редакцией, я подружился там с Сергеем Юрьененом, которого шапошно знал еще по Москве (тот был женат на испанке – дочери испанца, который в 30-х годах приехал

¹ Знаменитая песня Игоря Кохановского; поэт написал ее в 1964 году; песню исполняли Владимир Высоцкий, Юрий Антонов и др.

в СССР после гражданской войны. В какой-то момент жена Юрьенена захотела вернуться на Запад, и к 1987 году они уже лет пять проживали в Германии). И я начал сотрудничать с радиостанцией «Свобода», причем довольно активно: по телефону давал материалы. А когда я туда выезжал, то прихватывал еще и тексты и записи с собой, чтобы транслировать их в эфире. У меня, например, было интервью с Андреем Вознесенским на два часа: я приехал к нему в Переделкино, мы весь день гуляли, и я его записывал на диктофон. Сначала вышла почти часовая передача «Поверх барьеров», и потом еще дважды разные части этого интервью. Мне потом за это интервью заплатили какую-то премию.

Но в конце концов мое сотрудничество с радио «Свобода» прекратилось где-то в 1992 году. Потому что после того, как в 1991 году они открыли офис в Москве, здесь началась такая толкотня локтями, что я понял: я в этих очередях не участвую. Примерно в это же время, на границе 80-х и 90-х, я узнал, что Володя Войнович приехал в Москву. Андрей Мальгин в это время основал и выпускал журнал «Столица». Мне кто-то дал телефон Володи, я позвонил и говорю: «Я хочу сделать с тобой беседу для Андрея Мальгина». И я приехал к нему на квартиру в Астраханский переулок, где он жил с женой Ириной: они очень хорошо меня встретили, и я сделал с ним беседу, которую Мальгин опубликовал в «Столице». Володя много рассказывал о дочери: она тогда начинала как литератор. И потом еще мы встречались набегами, периодически.

Он очень талантливый писатель и замечательный мужик – у него и хватка, и взгляд, и вкус настоящего мужчины.

Однажды, много позднее, Игорь Чубайс захотел сделать свой сайт. И позвал Войновича, меня, Диму Быкова и Никиту Петрова из «Мемориала». Мы сидели, думали-рядили: как, что, чего. Водку пили, естественно, закусывали, разговоры разговаривали. И вскоре Игорь пригласил меня еще раз. Я приезжаю, а оказывается у него, у Чубайса, – день рождения. Там был Володя с женой Светланой – ближайшей подружкой моей первой жены. И мы с ней начали вспоминать,

как мы встречали Новый год в начале 60-х. Юра Барон, первый муж Светланы, – за рулем «Москвича», мороз, помню, жуткий, отопления в «Москвиче» не было, окна замерзли, и Юра смотрел в узкую щелочку, пока рулил, а мы сзади сидели, хохотали, анекдоты рассказывали.

Потом Игорь Чубайс еще приглашал Володю Войновича и меня на интеллигентские такие посиделки по теме «Как из этого говна выбирать?».

Запомнилось 85-летие Володи в ЦДЛ. Мы обменялись книжками, он мне подарил и «Автопортрет», и «Малинового пеликана», и говорил какие-то слова про мои стихи: что они очень сильные, современные и вообще, что я молодец.

У него такой потрясающий юмор – такой естественный, такой народный, такой глубокий. Вроде бы и ни о чем, а это так глубоко и так смешно, и грустно одновременно...

А еще у него такой потрясающий юмор – такой естественный, такой народный, такой глубокий. Вроде бы и ни о чем, а это так глубоко и так смешно, и грустно одновременно... Он очень талантливый писатель и замечательный мужик, просто замечательный, у него и хватка, и взгляд, и вкус настоящего мужчины. И, конечно, его картины – тоже талант потрясающий. Или взять то, что он сам сделал самогонный аппарат. Он мне все время говорил: «Игорь, ну когда приедешь? У меня самогонный аппарат и полная бадья нового самогона-первача». Но я так и не выбрался к нему на дачу...

Борис Львович. Режиссёр, актёр и чтец, автор и исполнитель песен, журналист, организатор и ведущий концертов. Заслуженный артист России. Член Общественного совета Российского еврейского конгресса. Родился 3 апреля 1947 года в Казани. Окончил физфак Казанского государственного университета и Театральное училище им. Б.В. Щукина при Государственном академическом театре им. Евг. Вахтангова (1975). С 1966 года пишет песни на стихи российских поэтов. Одна из самых известных песен Львовича – «Старинная легенда» (в простонародье «Песня о мужском и женском монастырях», 1977–1978) – написана на стихи его друга, выпускника химфака КГУ и поэта-сатирика Бориса Ларина.

Борис Львович

И в нашу гавань заходили корабли

Для меня приятельство с Войновичем – большая честь, потому что это уникальный человек, по природе своей замечательный. Я других таких даже не знаю – кого бы рядом с ним можно было поставить. Когда он в свое время сформулировал свою жесткую позицию по отношению к Солженицыну, у меня первая мысль была о том, что он имеет на это право, потому что Солженицын «вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа», и уже вне всякой критики. Войнович как раз из тех людей, который запросто встает с ним рядом и имеет право и на критику, и на разговор с ним на равных. Я был горд тем, что мы перешли с ним на «ты» в свое время, по его предложению, хотя он меня прилично старше. Он подарил мне свою замечательную книжку «Автопортрет», которую подписал так: «Борису Львовичу, который фамилия, – от Войновича, который тоже не отчество».

В свое время мы вместе с покойным Эдуардом Успенским делали на телевидении программу «В нашу гавань заходили корабли». Она была очень популярной, это все помнят. В программе были

песни – вагонные, подъездные, студенческие, блатные, хулиганские, то есть нелимитированное народное песенное творчество. И мы с Успенским к одному из дней рождения Войновича сделали капустник: собрали «гаванские» песни, в которых присутствовали слова «поёт» или «поют», и к каждой приделали знаменитый войновичский припев. И оказалось, что герои этих песен – лагерники, ямщики, беспризорники – поют только одно: «Я верю, друзья, / Караваны ракет / Помчат нас вперед / От звезды до звезды. / На пыльных тропинках / Далеких планет / Останутся наши следы!» Войновичу это очень понравилось, и по его просьбе и по просьбе его замечательной супруги Светланы мы этот номер повторяли потом на всяких его праздниках и юбилеях.

А 80-летний юбилей Войновича в Библиотеке иностранной литературы (у покойной Екатерины Гениевой) довелось вести

Для меня публика в Московском еврейском общинном центре в Марьиной роще хороша совсем не тем, что она еврейская, а тем, что эти люди приходят туда ради художественных впечатлений.

мне. Я очень горжусь тем, что Володя и Света выбрали именно меня – при том, что на роль ведущего такого важного праздника претендовали очень серьезные люди.

А еще у меня есть фотография, которую называют «Два с половиной писателя». На ней мы стоим на выставке картин Войновича – я, Эдик Успенский и Войнович (см. фото на вкладке – ред.). Два писателя – это они оба, а пол-писателя – это я, потому что у меня тоже есть какие-то книжки. Но я себя, разумеется, писателем не считаю, хотя книжками своими мы обменялись: Войнович мне – «Автопортрет», я ему – свою, которая называется «Львович – это фамилия». Подписал комплиментарно, как мог, и подумал, что читать он ее наверняка не станет, ему не до этого. Но через пару дней он перезванивает и говорит: «Борь, первая глава, которая называется «История бабушкиного кольца», мне так понравилась, что я боюсь дальше читать, потому что, если будет хуже,

у меня пропадет вот это впечатление». В отличие от меня, человека словоохотливого, он говорил очень коротко, но безусловно достигая цели. Я – артист разговорного жанра, а он человек очень экономный в словах, но достигает простыми средствами максимального результата: у него очень простые, короткие фразы, эпитетов он старается избегать.

Еще вот о чем следует рассказать. Раз в полгода я выступаю с сольными концертами в Московском еврейском общинном центре в Марьиной роще. Там хороший зальчик, очень приятный амфитеатр, около трехсот мест, куда собирается еврейская публика. Для меня она хороша совсем не тем, что она еврейская, а тем, что эти люди приходят туда ради художественных впечатлений. Однажды после концерта ребята, которые его организуют, очень стеснясь, обратились ко мне: «Скажите, пожалуйста, а вы не могли бы нас порекомендовать Войновичу? Нам так хочется, но мы боимся ему даже звонить. Кто мы такие, чтобы Войновича на выступление соблазнить?» Я отвечаю: «Ребята, я не знаю, как он на это отреагирует, но я позвоню». И позвонил. Войнович спрашивает: «А что, хорошие ребята?» Отвечаю: «Володя, когда я там выступаю, получаю большое удовольствие. Стою на сцене по два часа без перерыва и получаю удовольствие, потому что реакция зала ровно такая, какую мне бы хотелось». Он согласился, а через пару недель мне эти ребята звонят и сообщают радостно: «Мы в восторге: у нас кончились билеты, всё расхватили».

Я прибежал на выступление Войновича как зритель, хотя в зале терпеть не могу сидеть, потому что в зале чувствую себя, как грешник в церкви, и, как правило, все концерты и выступления смотрю из-за кулис: мне там удобнее, этот ракурс мне привычнее как артисту и режиссеру. Но на этот раз я смотрел на происходящее из зала, и вот как все было. Стоит стол посреди сцены – прямо у самой рампы, очень неудачно, на мой взгляд, стоит. И стул. Выходит Войнович, садится за этот стол лицом к публике – самая не выигрышная, не концертная мизансцена. Открывает какие-то книжечки и говорит: «Вот я вам почитаю...». Через пять минут вся аудитория оказывается полностью в его руках: люди замирают, потом хохочут, аплодируют. То есть реакция такая, какую любой артист посчитал бы для себя

подарком. А он вообще никакой не артист. Ни разу. Сидит и чего-то там бубнит, и в результате такой хохот в зале стоит, ради которого эстрадники из кожи вон лезут. А этот – едва шевеля губами, без всякого усилия.

У него есть рассказ очень смешной – о том, как на его глазах депутат и член ЦК компартии какой-то южно-азиатской республики помирал от инфаркта. И как к нему ездили «скорые помощи», которые никак не могли понять: депутат он такого совета или этакого – для депутатов разного уровня разные «скорые помощи» полагались. И в конце-концов, этот депутат и член ЦК помер. Эту грустнейшую историю он так написал и так прочел, что это вызвало в зале просто громогласный хохот. Я потом прибежал в гримерку и говорю: «Володя, я получил колоссальное удовольствие». Он отвечает: «Да? А я что-то не очень понял. Что – правда, неплохо?» Я понимал, что он меня провоцирует, но меня не надо было провоцировать: я был действительно в полном восторге. Наверное, ему хотелось услышать это еще пару раз, что я ему тут же и выдал.

У нас с ним был еще один опыт совместной работы. Однажды мы по просьбе вдовы Булата Окуджавы, Ольги Арцимович, поехали вместе с ним на гастроли в Израиль – на вечер памяти Булата, который я и вел, и пел тоже. Еще на этом вечере выступали хорошо поющие люди: Галя Хомчик, Юлий Ким, Александр Мирзоян, Натэлла Болтянская... Войнович-то не поет, не умеет – у него со слухом есть определенные проблемы. Но в отличие от многих других людей, у которых нет слуха, но они пытаются петь, Войнович и не пытался, ему это не надо было: он рассказывал о своих встречах с Булатом, с которым они были большими друзьями. Он вспоминал со сцены самые первые песни Булата, его строки про «нам в холодных теплушках не спалось», а потом оказывалось, что дальше ни сам Войнович и никто уже теперь эту песню вспомнить не может... Рассказывал он захватывающе, и полный зал израильтян, бывших наших соотечественников, слушал, затаив дыхание. И я на первом вечере – а потом еще не раз – попросил: «А теперь, Владимир Николаевич, пожалуйста – ваш вариант гимна Советского Союза». Он сначала как-то сомневался: «Это, вроде, не Окуджава», а потом соглашался и читал, чуть напевая:

*Распался навеки союз нерушимый.
 Стоит на распутье великая Русь.
 Но долго ли будет она неделимой,
 Я этого вам предсказать не берусь.
 К свободному рынку от жизни хреновой,
 Спустившись с вершин коммунизма, народ
 Под флагом трёхцветным с орлом двухголовым
 И гимном советским шагает вразброд.
 Припев: Славься, Отечество наше привольное,
 Славься, послушный российский народ,
 Что постоянно меняет символику
 И не имеет важнее забот...*

Оканчивается его вариант гимна пророческими словами: «Вот только б опять дураки и дороги / Нам не помешали до цели дойти!» И у этого гимна, и у всех его выступлений всегда был громадный успех – гораздо больший, чем успех многих из нас, кто хорошо пел и играл на гитаре.

Хочу сказать о Светлане. Я считаю, что ему в последнюю часть его жизни судьба сделала огромный подарок. Свету обожаю. Она замечательный человек, и любому мужику, особенно творческому, такая женщина рядом – просто подарок. Она, во-первых, настоящая жена, и, во-вторых, настоящая жена творческого человека. Он мне как-то говорил, что последние годы своей жизни вообще не соби-рался писать. Он начал рисовать и решил, что как писатель он закончился. Но Света такой человек, который умеет тихо и спокойно добиваться того, что считает правильным, и она убедила его, что Войнович-писатель не закончился, и он снова начал писать. Он мне сам говорил: «Со мной никто никогда ничего сделать не мог. И вот нашелся человек, который спокойно, без всяких усилий, делает со мной то, что считает правильным. И я сам потом начинаю понимать, что – да, она права».

Я был горд тем, что мы перешли с ним на «ты» в свое время, по его предложению, хотя он меня прилично старше.

Он вообще никакой не артист. Ни разу. Сидит и чего-то там бубнит, и в результате такой хохот в зале стоит, ради которого артисты из кожи вон лезут. А этот – едва шевеля губами, без всякого усилия.

Так что Света – замечательная. У нас с ней была общая подруга – покойная Нина Тихонова-Визбор, вдова Юры Визбора, с которым я очень приятельствовал. Мы с Ниной вместе сделали 22 вечера в память о Визборе (я их, как правило, и вел, и пел), и то, что почти на всех вечерах Светочка присутствовала как зритель и потом говорила мне хорошие слова, для меня было очень важно. Я очень ей доверяю.

Дмитрий Муратов. Журналист, общественный деятель один из основателей и главный редактор (1995–2017) «Новой газеты». Родился 30 октября 1961 года в Куйбышеве. Окончил филологический факультет Куйбышевского государственного университета (1983). В 1983–1985 годах служил в армии, затем работал в газете «Волжский комсомолец». В 1987 году – завотделом комсомольской жизни газеты «Комсомольская правда», в 1990 году – редактор отдела информации «КП». В ноябре 1992 года ушёл из «КП» и одновременно выступил соучредителем товарищества журналистов «6-й этаж», в которое вошли журналисты, не согласные с новой редакционной политической газеты. В 1993 году члены товарищества учредили «Новую ежедневную газету» (затем – «Новая газета»), стал заместителем главного редактора. С декабря 1994-го по январь 1995-го года работал спецкором газеты в зоне боевых действий в Чечне. В феврале 1995 года стал главным редактором «Новой газеты». Одновременно работал на телевидении: в 1997 году – ведущим программы «Пресс-клуб» (АТВ – ОРТВ), в 1998–2000 годах – ведущим программы «Суд идёт» на телеканале «НТВ». В 2004 году выступил соучредителем «Комитета 2008: Свободный выбор». В 2005 году вышел из комитета, заявив, что «абсолютно разочарован тем, как пытались объединиться демократы». В 2004 году вступил в Российскую демократическую партию «Яблоко», поддерживал и входил в избирательные списки партии. Награжден российскими орденами: орденом Дружбы, орденом Почёта, кавалер ордена Почётного легиона (Франция, 2010 год), ордена Креста земли Марии 3 класса (Эстония, 2013 год).

Дмитрий Муратов

Иронический удачник

В университете, в 1979 году, я впервые узнал о существовании в стране талантливых людей, которых не транслировала официальная пропаганда, их сложно было увидеть на телевидении. Тогда у меня было два <телевизионных> канала: Первый московский и наш канал в закрытом городе Куйбышеве, где не было ни одного иностранца. У нас не было самиздата, у нас не было фарцовки, у нас не было ни-

чего из того, что в Москве считалось антисистемой. Мы знали по Грушинскому фестивалю Юлия Кима, но мы не понимали, почему его фамилия в <титрах> фильмов, которые выходят, – Михайлов. Старшекурсники давали нам читать разные тексты, и наши преподаватели, надо сказать, отличались свободомыслием. Это наш заведующий кафедрой литературы Лев Адольфович Финк, он прошел лагерь и был дружен с Михаилом Михайловичем Бахтиным, который преподавал неподалеку, по соседству, в другом городе. И от них, в отблеске их рассказов мы узнавали об <иноме>. Потом, после того, как я уже начал работать в Москве в «Комсомольской правде», после армии и университета, я посмотрел в «Современнике» спектакль «Кот домашний средней пушистости» по повести Владимира Войновича с Валентином Гафтом в главной роли. Это не произвело на меня сильного впечатления, потому что тогда уже выходили «Московские новости», «Огонек», и всё уже начали говорить прямым текстом, без аллегорий в виде вот этого тотемного номенклатурного животного. И мне тогда казалось, что вот эта литература – и Замятин, и Оруэлл, и Войнович – скоро отойдет в прошлое. Потому что если тебе можно рассказывать (и мы это делали в газете) о расстреле в Новочеркасске, то какой смысл изучать – какая конституция была в «Скотном дворе» у Оруэлла? Однако дальше с Войновичем в моей жизни произошло абсолютное чудо. Я вдруг понял, что никакая правда не замечает талант. С 1986 по 1992 (или 1993-й) год звучала фраза: «Народ должен знать правду». И эту правду несли с трибуны первого и второго съездов народных депутатов <СССР>. Она была и в передаче «600 секунд» Невзорова, она была в любимовско-политковско-захаровском и додолевско-листьяевском «Взгляде», она была у Молчанова в «До и после полуночи», эта правда. Ее не то чтобы хватало, но она была. И она не была связана с художественной литературой, она не была связана с творчеством – хотя и была связана с обаянием, способностями и личной одаренностью телевизионных ведущих. Это было время телевизионных ведущих. Про писательский же дар казалось, что он может быть сконцентрирован только в книгах людей, которых убили, или которые ушли – <умерли>. Что этот дар нужно искать, конечно же, в книгах Гроссмана, в «Белых одеждах» Дудинцева, у чудом выжившего и оказавшегося далеко от нас Алек-

сандра Исаевича Солженицына, в рассказах и повестях Виктора Некрасова. А в <произведениях> тех, кто живет рядом с нами, в Европе, его найти нельзя. <Думалось>: ну что они могут нам <сказать>, когда мы прочитали такое про пакт Молотова-Риббентропа, когда мы увидели первое расследование о том, что было в Катыни, когда в «Вестнике ЦК КПСС» уже напечатали закрытый доклад Хрущева XX съезду, когда «Огонек», «Московские новости», «Комсомольская правда» и «Известия» каждую неделю выдавали уникальные тексты о том, как расправлялось наше государство со своими гражданами? Мы уже узнали о том, что как били в лагере Королева, о пытках Вавилова, о том, как на задворках владивостокской пересылки сгинул великий Мандельштам. Что нас еще могло удивить? При том что к тому времени мы, я в том числе, побывали уже в роли военных корреспондентов. Чем нас можно было удивить?

Но именно Войнович занимал особое место, потому что на его примере можно было понять, что талант важнее правды – хотя, наоборот, нельзя так говорить, это неправильно, а <правильно> – когда талант и правда совпадают, и более того – когда твоя правда совпадает с чьим-то талантом, а не просто какая-то правда. Но вдруг я понял, что талант на самом деле важнее правды. Потому что если человек так талантливо о чем-то рассказывает, <как Войнович>, значит, правда в этом тоже есть.

Я очень люблю образ Швейка, и я понимал уже тогда многое про Швейка – потому что вообще-то Гашек написал это в Куйбышеве, в Самаре тогдашней, когда находился в плену, в чешском эшелоне, стоявшем в моем родном городе, в котором многое с тех пор связано с Гашеком и его Швейком. В Куйбышеве, городе суровом, который потом сменил пол и <вновь> стал Самарой, было много смеховой культуры – при его общей строгости оборонных заводов, специальных бункеров и такой очень широкой, могучей Волги. При этом

Мне казалось, что если тебе можно рассказывать в газете о расстреле в Новочеркасске, то какой смысл изучать – какая конституция была в «Скотном дворе» у Оруэлла?

в городе жила смеховая культура, там были одиннадцать, по-моему, совершенно замечательных учебных заведений, и там было прекрасное куйбышевское студенчество. <Кроме того>, там проходил Грушинский фестиваль – наш Вудсток¹, он же проходил в Куйбышеве, в Жигулевских горах.

...Так что я многое что понимал про Швейка, но тут наткнулся на Чонкина. Я, конечно, был поражен. Кто такой Чонкин? Я не про Войновича, а про его альтер эго. Потому что если вы прочитаете про самого Войновича – о том, как он служил в армии, был военным корреспондентом в газете на Дальнем Востоке, на тихоокеанском флоте, и что-то там происходило с ним, и как он выстраивал отношения с армейской иерархией, как ухитрялся быть свободным в условиях несвободы, то вы поймете, что его альтер эго именно Чонкин, а не космонавт с планшетом. И этот Чонкин был для меня тем существом, впервые реализованным современным писателем, которое осталось где-то в далеком фольклоре, в далеких эпосах. Чонкин был тем существом, которого Владимир Яковлевич Пропп в своем знаменитом исследовании «Волшебные корни русской народной сказки» называл «ироническим удачником» – «дураком». Но Иван-дурак – он же ни хера не дурак. Он так живет, и он иронический удачник в том, что

Если вы прочитаете про самого Войновича – о том, как он ухитрялся быть свободным в условиях несвободы, то вы поймете, что его альтер эго именно Чонкин.

не стремится к успеху, но сам успех считает, что именно Иван его заслуживает. Почему-то именно Ивану начинают помогать различные помощники: то зайчик, то волк, то летящая птица – для того, чтобы он выполнил царское поручение и в конце концов получил себе недотрогу-невесту. Чонкин – это иронический удачник Иван-дурак, который может посыпать голову пеплом, при том, что на самом деле

¹ Вудстокская ярмарка музыки и искусств. Проходила в течение 15–18 августа 1969 г. на одной из ферм городка в сельской местности Бетел, штат Нью-Йорк, США. Ярмарку-фестиваль посетили около 500 тыс. чел., выступали такие исполнители, как The Who, Дженис Джоплин, Карлос Сантана, Джимми Хендрикс и др.

это не глупость: когда иронический удачник посыпает голову пеплом, он просит помощи у предков, чей прах хранится в печи. Это все описано в этих прекрасных исследованиях фольклорных мотивов и заключено в реальности, на которой основаны фольклорные истории. Иван-дурак, он же удачник, все время находится на грани жизни и смерти – столько же раз, сколько Чонкину угрожает смерть, а он ее смешно и счастливо избегает.

Чонкина еще все время сравнивают с Теркиным, но это неправильное сравнение. «Теркин» – поэма Александра Трифоновича Твардовского, хорошо написанная им для того, чтобы поднимать дух солдата на войне. Главная сцена Теркина – это, собственно, когда Теркин играет на гармонии, а вокруг собрались люди. Им уже не так холодно, и уже не такой ледяной пар вырывается изо рта, и уже самокрутка пошла. Теркин был для этого – в отличие от его второй части. Но Чонкин никогда не был Теркиным: Чонкин и был народом. Чонкин был вот этим народом, которого все время гонят на смерть, которому все время придумывают условия, в которых он должен умереть. Для которого все время находится злое слово, окрик, конвой, караул, враг. Которого все время оставляют с безумными заданиями, такими же, как ставили Ивану-дураку: за три дня построить замок. А Чонкину нужно охранять самолет, который все равно никуда не взлетит, потому что никуда (но потом он все-таки взлетает), и оставляют одного в окружении вражеской орды. Ивану-дураку и Чонкину <помогают> то девушка, то птица, то самолет – поскольку если он умрет, то ради чего дальше жить <остальным>? Ради чего дальше должна продолжаться Родина? Вот эта идея – когда человек важнее государства. Когда Ивану-дураку помогает сама природа против тех приказов, которые его непременно ухайдокают, вот эта глубинная, офигительная эпическая суть как бы смешного, а на самом деле не смешного, а гомерически смешного, блестящего романа Владимира Николаевича. По уровню проникновения в глубину народного сознания и понимания вот этих глубинных процессов, когда человека спасает и не он <сам>, и не власть, а провидение, а русская судьба, а «однова живем». А на самом деле, может быть, не «однова живем»: Чонкин понимает, что живет он каждый день, а умирать придется один раз. Чонкин

в этом смысле очень опытен. И его судьба в этом смысле очень похожа (для меня, например) на такую судьбу, которая прошла вдоль всего времени человека, в потрясающей повести Чингиза Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря». Вот это понимание глубины народной жизни, а не вот этого «глубинного» народа, про который пиз...т Владислав Сурков, потому что он считает, что «глубинный» народ – это у которого все спиз...ли, а он молчит. <Войнович и Айтматов говорят> о том самом глубоком народном чутье, когда человека защищает его земля, защищает его небо, защищают его предки, защищает окружающая природа и окружающие люди. Отнюдь не власть. Эти как бы совсем разные, но глубоко эпичные, опирающиеся на архетипы, <использующие> какие-то самые потаенные вены народной жизни образы были созданы вот этими двумя величайшими писателями – и Айтматовым, и Войновичем.

В чем еще безумный кайф Войновича? Я слышал, как его читают разные авторы, разные актеры, в том числе блистательные. И это на самом деле смешно. Это даже можно превратить в эстраду. И на этом уровне Войновича тоже можно понять. Так же можно читать, например, и «Заповедник» Довлатова. Ну, смешно же. И Войнович. Ну, смешно же. А потом, когда ты читаешь второй раз, ты понимаешь, что, собственно говоря, это поверх какой-то уникальной картины для маскировки нарисовали шарж. И вот ты должен аккуратно-аккуратно, потихоньку-потихоньку все это дело стирать, реставрировать для себя. И от смех...ёчков ты вдруг осознаешь глубокую беду и потаенную радость, и настоящий смех, а не гопническое погагатывание. Вот там, вот в этих нескольких соловьях кроется тайна, не открытая тайна Владимира Николаевича Войновича. Мной не открытая...

А вообще книжные полки надо пропалывать, потому что между ними появляются сорняки: вечно издают что-то, и ты покупаешь в надежде, что там есть хотя бы строчка приличная. А потом надо пропалывать. И у меня на моих эклектичных, многократно прополотых книжных полках, где стоят «Записки кота Мура», трехтомник мемуаров Ярослава Кирилловича Голованова, стоит Рост, Генис, Пушкин, рядом стоят «Сахалинские дневники» Чехова, а не другой Чехов. И рядом стоит читанный-перечитанный мной, весь в загнутых

уголках страниц, том – мемуары Войновича «Роман моей жизни», <оформленный> каким-то очень странным, чуть более ярким, чем выглядел Владимир Николаевич, портретом живописца, исполненным в немножко шиловской, не свойственной Войновичу манере. А от самой книги нельзя оторваться. Мои близкие друзья, которым я привык доверять, очень резко осуждали Войновича, доходило до страшных обид – за то, что он не легендарно показал диссидентское движение и не скрывал, что многие из диссидентов руководствовались более мелочными вещами, нежели тем, что <првозглашалось> в их манифестах или программах. И, если я не ошибаюсь, книга Войновича <«Автопортрет. Роман моей жизни»> вышла еще до романа Людмилы Улицкой «Зеленый шатер», где Улицкая со свойственной ей медицинской безжалостностью препарировала людей, у которых также были мотивы, отличные от декларируемых (пожалуй, кроме пары людей – Миши и прообраза капитана, генерала Григоренко). И про Войновича, я думаю, эта тусовка – члены которой думали, что они теперь будут властителями дум, – многое ему

Чонкин – это иронический удачник Иван-дурак, который может посыпать голову пеплом: когда иронический удачник посыпает голову пеплом, он просит помощи у предков, чей прах хранится в печи.

не простила. Однако это книга писателя, который просто не мог написать по-другому. Ведь в чем отличие писателя от беллетриста? Про беллетриста когда-то заметил Бертольд Брехт, сказав, что «нам важны те тексты и те законы, которые полезны Германии». А Войновичу все равно – полезен он или не полезен. В нем говорит писатель. И в этом для меня <заключается> фантастическая ценность книги «Автопортрет. Роман моей жизни» – предъява таланта и одновременно гигантской материальной основы мира, в котором он жил, который он знал, в котором он кувырчался, в котором он ни разу не повел себя так, что его можно в чем-то укорить. И в этом смысле это роман-репутация. Это новый жанр. И прозрение, происходящее из диалогов с людьми, с которыми разговаривал когда-то Владимир Николаевич. Например, второй после Солженицына муж

Натальи Решетовской, который сидел в НКВД в конце 30-х и в Гестапо во время войны, на вопрос Войновича: «А чем отличается НКВД от Гестапо?» ответил: «Ну, пытаются-то они одинаково. Только гестаповцы хотели от меня правды».

Я рылся в архивах «Мемориала», у меня в кабинете огромное количество гулаговской литературы, я сам издавал книги о Соловках Юры Бродского. Но так поразительно «поймать» это смогли, помимо Войновича, только два абсолютно выдающихся человека, которые, как мне кажется, подходят ему по темпераменту и о которых я бы мечтал, чтобы они были бессмертными – я имею в виду Фрида и Дунского, молодых ребят, севших в лагерь, писавших фантастически смешные книжки и смешные сценарии. В лагерях они стали чуть ли не ворами в законе, а одного из них <едва> не расстреляли, потому что он якобы покушался на Сталина – хотел из пулемета расстрелять его кортеж. Но выяснилось, что у него окна выходили во двор, а не на Кутузовский. И это единственное, что его спасло, – совсем абсурд. Я не знаю, кстати, были ли они знакомы <друг с другом>, но поскольку они из киношной среды, то они стали моими личными идеалами. Прочтите книгу Фрида «58 с половиной, или Записки лагерного придурка» – это поразительный текст.

Книжные полки надо пропалывать, потому что между ними появляются сорняки: вечно издают что-то, и ты покупаешь в надежде, что там есть хотя бы строчка приличная.

Я не знаю, каким Войнович стал радиоведущим <на радиостанции «Свобода»>, я не знаю, каким образом складывалась его немецкая жизнь, но я был безмерно рад, когда видел его здесь – когда он участвовал в жюри премий, приходил на «Эхо Москвы», когда мы встречались не слишком часто на каких-то выпивках. Когда он бывал здесь, мне, честно говоря, было спокойнее. Знаете, как бывает, когда перед тем, как оркестр начинает репетицию, одну из скрипок всегда просят постучать по камертончику – для того, чтобы весь оркестр настроился. Для меня Войнович был таким камертоном. Я за-

видовал Майе Беленькой² и нашему автору и модератору <«Новой газеты»> Сереже Золовкину, когда в Германии Войнович завалился к ним в гости (они мне прислали фотографии) – при том, что я вообще никому не завидую, поскольку я человек абсолютно счастливый. Но, б...дь, черная зависть поднялась у меня в груди, когда я узнал, что они сейчас там сидят и разговаривают с Войновичем. Я был лишен <именно> таких прекрасных случайностей, хотя у меня было множество интервью с ним, мы встречались, разговаривали. А может быть и не надо этого было – <таких прекрасных случайностей>, может быть это такой промысел был. Иногда так бывает, когда люди (я не про себя) встречаются с великим, и близость отношений дает возможность с иронией относиться к их дару. Это очень интересно описано в замечательном рассказе у Аркадия Бухова – о том, как великий пианист получает в подарок от человека шарф. И тот человек потом ходит и думает: «Ну, черта с два он бы так играл, если бы я ему шарф тогда не подарил». Вот не было у нас <с Войновичем> дружеского застолья. И хотя, повторю, мы не один раз виделись, он для меня все равно остался человеком недостижимым, с которым невозможно перейти на «ты» или просто взять и созвониться. Он <еще и> очень красивый, физически красивый человек. Он для меня – то великое счастье, которое он запечатлел в своих книгах и которое мне перепало.

² Журналист, экс-сотрудник «Новой газеты», см. ее мемуары о В.Н. Войновиче в этой книге.

Стас Намин (Анастас Микоян). Музыкант, композитор, продюсер, художник, фотограф, режиссер театра и кино. Родился 8 ноября 1951 года в Москве. Окончил филологический факультет МГУ (1978), Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР (1983). Свою первую рок-группу создал в 1964 году, затем под впечатлением фестиваля Вудсток и движения хиппи создал группу «Цветы» (1969), ставшей впоследствии знаменитой (продано 60 миллионов пластинок). Автор большого количества популярных песен («Рано прощаться», «Летний вечер», «Юрмала», «Ностальгия по настоящему», «Свет и радость», «Мы желаем счастья вам» и др.) Организатор первого независимого продюсерского центра «SNC», откуда вышли многие отечественные рок- и поп-звезды, группы «Калинов мост», «Бригада С», «Моральный кодекс», «Сплин», «Парк Горького». Организатор музыкальных фестивалей всесоюзного, федерального и международного уровней. Центр Стаса Намина (SNC), расположенный в Парке культуры и отдыха им. А.М. Горького, положил начало отечественному шоу-бизнесу, стал символом авангардной молодежи нового времени. Гостями Центра были Роберт Де Ниро, Арнольд Шварценеггер, Милен Фармер, Куинси Джонс, группы Pink Floyd, U2 и многие другие. Группа Scorpions посвятила Центру песню «Wind of Change».

Стас Намин

С ним – в разведку

Если говорить о Войновиче, то творческая составляющая и человеческая представляют собой особую ценность. Володя как личность поразителен – такое благородство, достоинство, внутренняя честность, изящество души, потрясающий, парадоксальный юмор. При этом он удивительный литератор, владеющий эзоповым языком высшего качества. Литератор, который не озлобился от того мракобесия, которое мы все пережили при советской власти, а возвел его в стеб булгаковского уровня, когда очень весело – если бы не было так трагично. В своем, только ему присущем юморе он проходит по лезвию бритвы, не допуская прямых политических деклара-

ций, и при этом в любой сцене можно легко проследить его жесткое авторское видение. Все, что им написано, начиная с «Чонкина», пронизано контрапунктом трагедии и одновременно любви. Любовь и доброта и при этом – откровенный стеб и хулиганство, которые просто взрывают любую аудиторию и любого читателя. А в результате получается смех сквозь слезы: он вскрывает мракобесие, которое существовало и досталось нам по наследству сегодня, доводит его до гротеска.

Это если говорить про литературу. А если о нем как о человеке, то редко встречаются люди, которые никогда не пристраиваются и не подстраиваются, никогда не лицемерят. То есть он антиконформист. Он так же, как шестидесятники, всю жизнь прожил, жестко придерживаясь своей совести: это единственная дорога, которую он видел в жизни и по которой шел, не сворачивая ни влево, ни впра-

Литератор, который не озлобился от того мракобесия, которое мы все пережили при советской власти, а возвел его в стеб булгаковского уровня, когда очень весело – если бы не было так трагично.

во, не играя ни в какие игры с сильными мира сего. Если пытаться сравнить, то, наверно, по мировоззрению он ближе к Эрнсту Неизвестному – для него многое было вопросом жизни и смерти. Володя был по-настоящему жестким, с ним можно было идти в разведку в прямом смысле слова. Вот это сочетание его как личности, как человека негнибаемого, благородного и достойного, прожившего так всю свою жизнь, и при этом литератора, который сумел написать нетленку, достойную самых высших образцов русской литературы.

Знакомы мы с Володей с очень давних времен, но подружись, когда я поставил «Чонкина»: мы первые поставили «Чонкина» еще в СССР — в мае 1989-го — тридцать лет тому назад, когда у меня еще и театра не было, это была экспериментальная студия. А когда советская власть закончилась и появился театр, «Чонкин» вошел в его постоянный репертуар. Мы уже с ним вместе сделали upgrade спектакля, он сам приходил на репетиции, и мы с ним

думали над постановкой, работали с актерами. Мы в спектакле не меняли оригинальный текст. Для меня это принципиально важно, потому что если ты хочешь добавлять свое, зачем тогда вообще пользоваться чужим именем и авторитетом, чужим текстом? Зачем трогать Пушкина, Лермонтова, Гоголя, если ты заменяешь их текст своим? Поэтому, даже когда мы занялись реконструкцией авангардной оперы «Победа над солнцем» (первой в истории человечества), мы использовали весть текст Алексея Крученого и Велимира Хлебникова — полностью использовали все, что в Русском музее сохранилось, вытащили из архивов, восстановили. В результате

В своем, только ему присущем юморе он проходит по лезвию бритвы, не допуская прямых политических деклараций и при этом в любой сцене можно легко проследить его жесткое авторское видение.

после того как мы объездили с этой оперой весь мир, и в музее Louis Vuitton в Париже собрались со всего света специалисты по русскому футуризму, — включая наших Оскара Рабина, Олега Целкова и Владимира Янкилевского, — все сказали, что это не реконструкция, а премьера. Потому что сделано все было в точности по материалам оригинала.

Другое дело, что в «Чонкине» уже вместе с Володей мы добавили в постановку советскую музыку тех времен — она там тоже очень стебно звучала. И когда у Войновича был день рождения, мы всем театром в фойе ЦДЛ представили разные смешные сценки из «Чонкина»: главный герой возил за собой на веревочке, как собачку, легендарный самолетик, который в результате мы Володе и подарили...

Сергей Петров. Предприниматель и политик, основатель компании «Рольф». В бытность депутатом Госдумы V и VI созывов по списку партии «Справедливая Россия» голосовал против «закона Димы Яковлева» и «пакета Яровой» и не поддержал решение о присоединении Крыма в 2014 году. Вскоре Следственный комитет завел уголовное дело против основателя «Рольфа» по подозрению об «отмывании» средств. «Следственные действия» продолжились в 2019 году в дилерских центрах «Рольфа» в Москве и Петербурге. Основателю и менеджерам компании инкриминировали часть 3 статьи 193.1 УК РФ: совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на счета нерезидентов с использованием подложных документов. Следователи подозревали Петрова в якобы незаконном переводе 4 миллиардов рублей на счета одной из компаний, которой он сам владел. Петров все обвинения отвергал и связывал происходящее с попыткой рейдерского захвата компании, оборот которой за 2018 год составил почти 230 миллиардов рублей, или с мстью силовиков за его политическую позицию.

Ирина Петрова

Рукописи не горят

Справочно. Ирина Петрова – супруга Сергея Петрова, предпринимателя и политика, оставила эти воспоминания для публикации в связи с нахождением супруга в вынужденной эмиграции (см. резюме *Сергея Петрова выше – ред.*).

Мое знакомство с Войновичем началось с того же, с чего, наверное, у многих – с «Чонкина»: его напечатали в «Юности», я ездила в метро и читала, тогда мы все в метро читали. По дороге я все время смеялась, а Сергей меня постоянно спрашивал: «Что ты смеёшься?» А я отвечала: «Вот прочтешь и узнаешь».

Сначала с Войновичем познакомился Сергей (правда, не может вспомнить – когда именно), а потом уже я. <Дело было так>. У нас с Сергеем дни рождения рядом, в августе, как и день свадьбы. И поскольку Сергей страшно не любит отмечать свои дни рождения (не

дай бог тосты выслушивать в свой адрес), мы всегда делаем один общий праздник. И на один из таких праздников пришел Владимир Николаевич. <Причем> Войнович даже не знал, куда он идет: Сергей его просто пригласил, <без оглашения повода>. Войнович пришел <с супругой> Светланой и принес свою книжку – «Автопортрет». С тех пор мы и стали дружить, и эта дружба развивалась, как волна, – как та волна в советское время, когда мнения <относительно происходящего в стране> были разными. Ведь и в то время люди как-то опознавали друг друга – свой человек или не свой. Владимир Николаевич – свой. Я думаю, что поэтому мы как-то сразу сдружились, начали ездить к ним в гости.

Люди для него не подразделялись на тех, к кому нужно было относиться так или этак. Он относился к каждому так, как человек того заслуживал.

Мы <с Сергеем> как-то оказались на выставке картин Войновича и даже купили несколько, а потом он уже сам подарил нам еще несколько. То есть у нас <оказалось уже целое собрание его произведений>. Как говорят, что талантливый человек талантлив во всем, так и с ним: он всю жизнь писал, а потом вдруг стал рисовать. Этот стиль наивного искусства – у него это так хорошо получалось. С ним вообще всегда было очень интересно, потому что он человек вне возраста. Про Войновича нельзя было сказать: «старый человек». Потому что он был очень живой, молодой и невероятно честный – в соответствии с повестью «Хочу быть честным». И он никогда <ничего> не боялся, несмотря ни на что, и был открыт всему новому. Даже его отношение к Солженицыну: это же было против общего течения, когда все Солженицына восхваляли, а он был против и говорил то что думал (и то, под чем мне, например, нетрудно подписаться, потому что это действительно так).

...И такая жажда жизни. Очень оптимистичный, верящий, что все равно все будет хорошо. При этом он везде и со всеми был одинаков. Люди для него не подразделялись на тех, к кому нужно было относиться так или этак. Он относился к каждому так, как человек того заслуживал. Но тем не менее мне кажется, что если бы ему

Про Войновича нельзя было сказать: «старый человек». Потому что он был очень живой, молодой и невероятно честный – в соответствии с повестью «Хочу быть честным».

встретился какой-нибудь, мягко говоря, малоприятный человек, то он, наверное, ему бы об этом сообщил – <что он малоприятный>.

Что касается его творчества, то в советское время много кого не печатали, но те, кому это было интересно, все равно всё читали, Войновича в том числе. И хотя сейчас Войнович издается активно, может, конечно, наступить время, когда всё закроют и перестанут его печатать. Но он все равно, как в советское время, никуда не денется. Другое дело, что, к сожалению, не все слышат, не все знают. Но все равно: те, кому надо, узнают сами, расскажут и заинтересуют других. Родители детей учат не всегда тому, что принято, а иногда тому, чему нужно учить.

Рукописи не горят, как сказал один наш классик. Владимир Николаевич тоже классик, поэтому <его творчество> никуда не исчезнет, в том числе на Западе, в Англии, например, где много наших живет: там есть книжные, где продаются книги на русском. Значит, люди будут читать их там, будут читать в интернете и все обо всём будут знать.

Борис Райтшустер. По версии «Новой газеты», «самый известный немецкий журналист в России». Родился в 1971 году в Баварии в немецкой семье, мама зачитывалась романом «Доктор Живаго» и хотела первых двух братьев так же назвать в честь Пастернака Борисом, но отец был против из-за холодной войны. Еще до окончания гимназии участвовал в молодежном обмене с Советским Союзом, влюбился не только в страну, но и в отдельную ее представительницу. Поэтому после окончания школы, в 19 лет – в 1990 году, приехал учиться в Москву. Позднее работал в Москве переводчиком. Затем, по возвращении в Германию в 1995 году и получении там журналистского образования, работал в пресс-агентствах AFP и DPA. В конце 1999 года вернулся в Москву, чтобы открыть и возглавить корпункт немецкого общественно-политического журнала «Фокус». Написал несколько книг о современной России и Путине, которые стали бестселлерами в Германии. «Один из лучших экспертов по России в Германии», по мнению журнала Сисего. Газета Welt пишет, что «лучше, чем он, никто еще не описал систему власти в России» и что «Райтшустер может гордиться, так как Путин сам цитировал термин «демократура», который придумал Райтшустер» (название одной из его книг – «Демократура Путина»). В 2011 году из-за многочисленных угроз и травли Райтшустер был вынужден уехать из России. До 2015 года руководил московским бюро «Фокуса» из Берлина. Сегодня Борис Райтшустер – ведущий политической передачи «По-русски с немецким акцентом» на русскоязычном немецком телеканале «ОстВест», преподает в Институте международной политики и экономики в Гамбурге и пишет для различных немецких и международных изданий. В 2008 году Бориса наградили медалью первого президента ФРГ Теодора Хейсса – «ввиду исключительной активности, с которой он много лет критически занимается политической системой России, и за то, что с высокой личной самоотверженностью защищает свободу мнений и собраний и, следовательно, гражданских прав и прав человека в России».

Борис Райтшустер

По-русски с немецким акцентом

Даже наше знакомство было очень типичным для Владимира Николаевича: я не посмел бы сам к нему подойти, а он пришел на презентацию моей книги – это было на Экономическом форуме

в польском курорте Крыница – и после моего выступления подошел и похвалил меня. Я не только был польщен этим, но это оказалось началом дружбы, которая стала для меня очень важной и драгоценной. Я всегда дорожил каждой минутой общения с ним, хотел как можно больше подхватить его воспоминаний, рассказов, мыслей, но иногда это было тяжело, поскольку Владимир Николаевич обладал достаточно редким качеством: в то время, как многие из тех, у кого есть мало что рассказать, любят говорить без конца, он, у кого было так много что рассказать, очень любил слушать. В нем было невероятное любопытство, он всегда хотел узнать новое, выслушать другие точки зрения, мнения, оценить другие перспективы. Я думаю, это было и основой, и следствием его гениальности. Как пел Окуджава: «Умный любит учиться, а дурак учить».

Во время наших бесед мы всегда касались тяжелых, грустных тем, но при этом общение с ним было всегда легким, было очень много смеха и улыбок.

Прекрасно помню нашу последнюю встречу, в Москве, во время чемпионата мира. Я предложил поехать к нему в Ватутинки. Но, узнав, что я не могу остаться на ночевку, Владимир Николаевич настаивал на том, что, поскольку мне было далеко ехать, он сам лучше приедет ко мне в Москву – ведь, мол, я всего на пару дней в столице, и так мне будет удобнее. Мне было ужасно неловко, но он настаивал. В этом был весь Войнович: великий писатель поехал ко мне, простому журналисту – чтобы мне было удобно. Отказываться было бесполезно. Я не помню ни одного выдающегося человека, который так скромно и абсолютно без пафоса или гонора, как Владимир Николаевич, вел бы себя: эта его черта была просто удивительной. Я бы даже сказал – он был настоящим аристократом души.

Во время наших бесед мы всегда касались тяжелых, грустных тем, но при этом общение с ним было всегда легким, было очень много смеха и улыбок, и всегда оставалось ощущение легкости и радости. Я думаю, секрет этого – в его необычайном юморе. Для меня каждая встреча с ним была драгоценностью – ведь это было

общением с живым классиком, с гигантом мысли и юмора, который к тому же принимает тебя абсолютно на равных.

Мне жутко не хватает этого общения. Мне не хватает его блеска ума, его острого юмора, его тонких замечаний, его мыслей, его советов. Насколько часто сейчас мне хочется снять трубку – позвонить ему, спросить его совета по важным для меня вопросам, настолько, я чувствую, он незаменим, настолько велика потеря.

Его мнение, его советы для меня всегда были крайне важны и ценны. Например, когда меня – как громкого критика Кремля – начали приглашать на ток-шоу на российском телевидении, его мнение было для меня решающим. Он мне сразу сказал: «Можно ходить». Мы очень долго говорили об этом, и все, что он мне сказал, я до сегодняшнего дня так и делаю. Он для меня был как этический маяк.

При нашей последней встрече он меня долго расспрашивал про то, что происходит в Германии. Я ему рассказал, как мне тяжело смотреть на то, что происходит сейчас в моей стране. Что я считаю это

Владимир Николаевич обладал достаточно редким качеством: в то время, как многие из тех, у кого есть мало что рассказать, любят говорить без конца, он, у кого было так много что рассказать, очень любил слушать.

неприличным – если я, хоть и специалист по России (а не по своей стране), буду молчать; что нельзя критиковать только Кремль и не критиковать собственную власть – даже если за это приходится платить высокую цену, терпеть нападки, клевету и даже травлю. Он, ни секунды не задумываясь, сказал мне, что надо слушаться только одного – своей совести. Что нельзя молчать, когда совесть говорит, что надо кричать: «Делай что должен, и будь что будет». Его глаза при этом блестели, и он на меня так смотрел, что я это воспринял как взгляд отца на сына. Он такого не говорил – но я этот разговор воспринял так, как будто он мне передал факел.

Мы очень долго прощались, и я долго стоял и махал вслед его машине. Через пару дней мы с ним еще записали мою передачу «По-русски с немецким акцентом».

Договорились, что в ней будем меньше говорить об актуальных событиях, а больше о жизни – о его жизни – о тех интересных моментах, о которых он мне рассказывал в частных беседах, чтобы и мои зрители о них узнали. Может, мы оба что-то предчувствовали...

В субботу, 28 июля 2018 года, программа, записанная заранее, должна была выйти в эфир. В пятницу, накануне Владимир Николаевич скончался. Программа вышла посмертно. Получилось так, что она была его последним интервью. Я долго не мог прийти в себя, когда получил известие в его смерти. Я плакал. И не стесняюсь этого. Я даже сейчас плачу, когда пишу эти строки.

Когда я писал о Владимире Николаевиче, я всегда называл его «совестью нации». Его тело умерло. Его голос и его мысли останутся живыми навсегда. Его свет и энергия нас греют и сегодня. И он, хоть и сам уже на том свете, до сих пор дарит нам улыбки, радость и тепло. Стоит только о нем думать – а я часто о нем думаю, как сразу становится тепло, солнечно, появляется улыбка. Я считаю, мне повезло, что я был знаком с таким выдающимся человеком, я считаю своим богатством все наши встречи и разговоры, а наша дружба с ним – просто подарок судьбы, счастье. И она будет жить во мне всегда.

Дина Рубина. Писательница и киносценарист, член Союза писателей Узбекской ССР (1978), Союза писателей СССР (1979), международного ПЕН-клуба, Союза русскоязычных писателей Израиля (1990). Родилась 19 сентября 1953 года в Ташкенте (Узбекская ССР). Окончила музыкальную спецшколу имени В.А. Успенского при Ташкентской консерватории (впечатления от учебы – в сборнике повестей и рассказов «Уроки музыки»), затем Ташкентскую консерваторию (1977), преподавала в Институте культуры в Ташкенте. Первый рассказ 17-летней писательницы – «Беспокойная натура» был опубликован в 1971 году в разделе «Зелёный портфель» журнала «Юность». Литературную известность Дине Рубиной принесла публикация в 1977 году повести «Когда же пойдёт снег?» (по повести снят фильм, поставлены теле- и радиоспектакль, написана пьеса, шедшая на сцене Московского ТЮЗа). На съёмках фильма «Наш внук работает в милиции» по повести «Завтра, как обычно» познакомилась со своим вторым мужем и уехала с ним в Москву, где жила и работала до отъезда на постоянное место жительства в Израиль в конце 1990 года. В Израиле работала литературным редактором в еженедельном литературном приложении «Пятница» к русскоязычной газете «Наша страна», затем – в 2001–2003 годах – руководителем культурных программ Еврейского агентства (Сохнут) в Москве. Проживала в Израиле в городе Маале-Адумим, в последние годы – в городе Мевасерет-Цион.

Дина Рубина

Из другой книги

В девятом классе меня выгнали из аудитории за дикий, неудержимый и необъяснимый смех, причину которого я открыть учителю не могла, ибо весь урок читала под партой журнал «Юность» с «Чонкиным». На сцене допроса чекистами старого еврея-сапожника Моисея Соломоновича Сталина я рухнула на парту головой и зашлась в конвульсиях хохота. Помните тот эпизод, когда палач вытягивается в струнку и онемевшими губами шепчет: «Вы... папа товарища Сталина?!»

Я не могла остановиться. Я описалась со смеху, и когда меня погнали из класса, только мысленно благодарила судьбу за то, что нашу школьную форму шили из какой-то тёмной дерюги (в цвет счастливого детства), и соученики не заметили мокрого пятна, оставленного на моём платье под воздействием прозы Владимира Войновича.

Когда спустя лет сорок пять на юбилее общих друзей мы с мужем оказались за одним столом с Войновичем, меня так и подмывало сказать ему: «Владимир Николаевич, дорогой! Я так люблю вашу прозу. В девятом классе я описалась от смеха, читая “Чонкина”». Разумеется, я ничего не сказала. А жаль: любой писатель оценил бы столь необычный знак любви к его книге, а Войнович – тем более оценил бы, ведь мало кто еще в русской литературе способен и показать, и увидеть смешное в самых неожиданных ситуациях.

Вообще, мало кто из русских писателей способен так выстроить ряд забавных и острых сцен, чтобы в зеркале сюжета отразилась драма или даже трагедия. Войнович это делал гениально, ибо в природе его дарования изначально, генетически заложено сплетение трагического и убийственно смешного, – те грани, которые делают его прозу мгновенно узнаваемой, неподражаемой, выделяющейся из остального литературного ряда. Я бы сказала, что в чём-то мне это напоминает спряжение Салтыкова-Щедрина с Карелом Чапком. Но неохота сравнивать. Это просто Войнович. Это вершина, это верхние, разреженные слои мировой литературы; там, на вершинах, трудно дышать и опасно смеяться: смех раскалывает грудь. Смех раскалывает общество, а если это смех высокой литературы, то он вонзается в самую грудь порока и преступления, в грудь преступной и равнодушной власти, – только вот остриё его достаёт и сердце самого писателя.

В природе его дарования изначально, генетически заложено сплетение трагического и убийственно смешного, – те грани, которые делают его прозу мгновенно узнаваемой и неподражаемой.

Смех раскалывает общество, а если это смех высокой литературы, то он вонзается в самую грудь порока и преступления, в грудь преступной и равнодушной власти.

Я думаю, что у Владимира Николаевича Войновича была счастливая писательская судьба: его изгнали, но он вернулся, он написал много книг, в которых оказался провидцем, настоящим пророком; его читали и читают миллионы; его имя останется одним из блистательных имён русской литературы. А то, что жизнь всегда коротка, тем паче жизнь замечательного писателя, который продолжал работать до последнего дня, и то, что, как и обычные люди, писатель оставляет после себя безутешных любимых... – это уже другое дело. Из другой книги.

Его читали и читают миллионы; его имя останется одним из блистательных имён русской литературы.

Наталья Синдеева. Основатель, основной владелец и генеральный директор медиахолдинга «Дождь» (телеканал «Дождь», интернет-издание Republic.ru, журнал «Большой город»), до того – сооснователь и генеральный продюсер радиостанции «Серебряный дождь», учредитель антипремии «Серебряная калоша». Родилась 11 июня 1971 года в Мичуринске (Тамбовская область). Окончила Мичуринский государственный педагогический институт, Стокгольмскую школу экономики в России (2006). В 1992 году переехала в Москву, работала в итальянской фирме по продаже одежды, в проекте ночного шоу на воде в бассейне «Чайка». На телеканале «2x2», где работала с 1993 года, прошла путь от секретаря до продюсера. Трижды лауреат премии «Медиа-Менеджер России», почётный академик Российской академии радио.

Наталья Синдеева

Блеск в глазах

О Войновиче я слышала не с детства, с юности. Потом в руках оказалась «Москва 2042», и это стало откровением для меня. Конечно, и «Чонкин», который у всех был на слуху, а для меня, как говорят, «вошел в жизнь»: кажется, он всегда был. Но Войнович изначально был от меня далеко – потому что известный, великий писатель. И мне не слишком многое было о нем самом известно – о его статусе как диссидента, о гонениях... Пока не наступили эти прекрасные две тысячи десятые годы, когда все стали вспоминать книгу «Москва 2042» как пророчество. Это было невероятно.

Он вернулся в нашу жизнь в момент, когда здесь все начало быстро меняться. Первая моя встреча с Войновичем произошла у нас на телевидении, но она не была личной встречей, скорее визуальной, издали. Он пришел к нам как раз тогда, когда мы делали проект «Президент 2042»: понятно, что мы использовали это название в качестве отсылки к его книге, и он здесь прочитал лекцию на эту тему. Это было невероятно интересно для молодежи, для наших конкурсантов – тех журналистов, которые сначала учились тут целый ме-

ся, затем участвовали в конкурсе, а мы выбирали из них тех, кого мы возьмем на работу. Но тогда меня просто физически не было в студии.

А потом был юбилей Войновича. Я подошла к нему в зале тихонечко, и так было приятно, когда он меня узнал! Он сказал: «Ой, Наташенька!», и у меня случился тот самый детский восторг, который возникает от встречи с известным человеком, – он у меня, слава богу, даже к 50 годам практически не прошел. Это было чувство маленькой девочки, которую вдруг узнали.

Первая моя встреча с Войновичем произошла у нас на телевидении, но она не была личной встречей, скорее визуальной, издалека.

Потом мы встретились «нормально» – когда я заехала к ним в гости домой. У него была самогонка или настойка какая-то, а я была за рулем и не могла выпить. Это была какая-то невероятно теплая встреча, как будто я к бабушке с дедушкой пришла в гости и оказалась в семье людей, которых знаю 100 лет, – у меня было такое ощущение. И мы договорились, что в следующий раз с него самогонка, а с меня – сало, которое привезу из Мичуринска¹. И вот не случилось. Я потом долго вспоминала это, думала – как же надо все делать вовремя. Этих встреч оказалось так мало, и я сейчас об этом так жалею!

Что меня поражало у Владимира Николаевича, так это то, что он в своем возрасте был маленьким семилетним пацаном. Эти горящие глаза, этот совершенный восторг от жизни, любознательность. При том, что он как никто, наверное, понимал – и где мы сейчас находимся, и как. При этом он на наших с ним встречах не нудел, не зудел, не ругался – оставался настоящим оптимистом, не наигранным, а таким, что: «Привет, жизнь! Вот она. Она клевая! Надо получать удовольствие от этой жизни – не теряя критичности». И этот озорной блеск в его глазах, который я сейчас вспоминаю и мечтаю о том, как мне сохранить такой же блеск и такую же любовь к жизни, какая была у него...

¹ Наталья Синдеева родилась в г. Мичуринске Тамбовской области.

Вениамин Смахов. Актёр театра и кино, режиссёр телеспектаклей и документального кино, сценарист, литератор. Родился 10 августа 1940 года в Москве. В 1961 году окончил Театральное училище им. Б.В. Щукина при Театре им. Е.Б. Вахтангова, отправился по распределению в Куйбышевский драмтеатр. По возвращении в Москву в 1962 году принят режиссёром А.К. Плотниковым в труппу Московского театра драмы и комедии. В 1964 году главным режиссёром театра стал Юрий Любимов, реорганизовавший театр, который стал широко известен как Театр на Таганке. С 1985 по 1987 годы служил в театре «Современник», куда ушёл вместе с Леонидом Филатовым и Виталием Шаповаловым во время изгнания Юрия Любимова из СССР; с 1987 по 1998 год — вновь в труппе Театра на Таганке. Снимался в кино с 1968 года; всенародную популярность обрел после исполнения роли Атоса в телефильме «Д'Артаньян и три мушкетёра» (Одесская киностудия, 1978). С 1990 года занят постановкой драматических спектаклей, телеспектаклей и опер в России и за рубежом в качестве режиссёра. Некоторое время преподавал актёрское мастерство в университетах США. В 2011 году возвращается в Театр на Таганке как приглашённый актёр и режиссёр. Дважды снова выходит на сцену в роли Воланда в спектакле «Мастер и Маргарита» — в память актёра Всеволода Соболева и на 50-летие Театра на Таганке. Живёт в Москве, часто гастролирует со спектаклями и творческими вечерами, создаёт поэтические передачи и авторские документальные фильмы для телевидения. Автор нескольких книг (поэзия и проза), мемуаров. Лауреат художественной премии «Петрополь» (2000), лауреат Царскосельской художественной премии (2009). Отказался от звания народного артиста РФ, которое было предложено артисту к 70-летию юбилею.

Вениамин Смахов

Солдатствующий генерал

Владимир Николаевич Войнович дался нам, такой шикарной компании, в чудесное время – разгара оттепели, её завершения и наступления холодов. Отчаянное время рождения Таганки. В 1964 году Юрий Петрович Любимов, молодой режиссер 47 лет, поставил «Доброго человека из Сезуана» и тут же прославился на весь белый свет.

И эта компания влилась в театр драмы и комедии, где я уже год служил, и началась эта жизнь. С одной стороны – сразу моментальный, атомный успех спектакля «Добрый человек». Потом потихонечку и следующие спектакли подваливали. Театр «Современник» такой же был – наш старший брат. Но, наверное, мы оттянули БОльшее количество тех же, того же свойства людей, что <работали> и в «Современнике» – из-за оригинальности ситуации, заключавшейся в том, что Любимов практически продолжил линию реабилитации. Реабилитировали имя и дело Мейерхольда.

За пределами сцены жизнь театра продолжалась. Это типичное свойство студийных коллективов. И поэтому наши первые ближайшие друзья театра были: от Марлена Хуциева и Андрея Дмитриевича Сахарова до Солженицына, Войновича, Георгия Владимова и всех наших любимых поэтов, а также и «стариков» – фронтовиков я имею ввиду. Это Слуцкий, Межеров, Самойлов, Окуджава. Ну, и, конечно, Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина. Это всё собиралось где-то в верхнем буфете, и там-то я и увидел впервые Войновича.

Он особенно не разглагольствовал насчет наших отношений, но мог осчастливить меня уже одним только замечанием, что я – его друг.

Важно, что в это же самое время мы оказались рядом с Петром Фоменко, работавшим тогда вторым режиссером у Любимова. Любимов его оставил, сохранил, хотя через два года они расстались: Фоменко пошел своим путем, но он важен тем, что был ценен для Владимира Николаевича. Потому что именно Фоменко начал ставить «Хочу быть честным» – ХБЧ в просторечии. Уже был очень успешный спектакль Марка Захарова в театре МГУ. А Войнович прикатил к нам и сидел рядом с Любимовым, когда мы показывали первый акт «Хочу быть честным». Фоменко был гениален, и на всю жизнь для меня он останется, наверное, на самом верху списка лучших режиссеров. И все были увлечены и вовлечены этим актом, но от всего от этого осталось и ощущение легкой вины у Владимира Николаевича. Дело в том, что Любимову, наверное, нужно было быть одному верховным главнокомандующим, а Фоменко не мог

быть просто вторым режиссером, потому что он умел так обольщать, так привлекать, что его вышибали из всех театров, пока он не создал свой собственный. Но не об этом речь. А вот о чем.

Володя Войнович вслед за Любимовым сказал, что спектакль не получается, и времени продолжать этот эксперимент нет. И к чести Фоменко, надо сказать, он кивнул, понял и стал что-то еще пробовать – Назыма Хикмета, еще что-то. Но именно Любимов и Войнович – очень хорошая единица измерения тогдашней радости бытия, потому что Войнович появлялся, как и его сотоварищи, особенно Владимов, Ахмадулина и Окуджава, на всяких наших вечерах.

Тогда же, примерно в 1966 году, моя жизнь была ошастливлена тем, что мы снимали дачу на станции «Отдых» Казанской железной дороги: это был кооператив старых большевиков или, как они себя называли, «старболов», в котором проживали невероятные люди. Встречи с ними стали частью нашего общего образования, даже Войновича, который старше меня на 8 лет: мы образовывались тем, что являли собой эти люди, отсидевшие и выжившие в ГУЛАГе. В это время распространяли уже запрещенного Солженицына, романы и повести, и мы жили этим. А напротив дачи Чудиновых (Ксении Павловны Чудиновой¹) была дача Гращенковых: эту дачу снимали Володя Войнович и Ира.

Из тех лет больше всего запомнился 68-й. Я перехожу на другую сторону маленькой аллейки и насвистываю «Я верю, друзья, караваны ракет...». Володя издает гримасу на лице, а потом сообщает, что прочитанная вчера маленькая часть «Чонкина» привела его к желанию самому возделывать гращенковский огород и вырастить новый овощ под названием «пукс» – путь к социализму. Это необыкновенная ядовитая – антисоветизмом, конечно, – смесь огурца и помидора, по-моему. Это было чудесно, и моя старшая дочь Леночка была в этом сюжете, и сейчас вспоминает, как она к дяде Володе приходила.

Рядом снимал дачу Владимир Корнилов – очень близкий друг и замечательный писатель и поэт, который уже в последний год

¹ Ксения Павловна Чудинова (1894 г., Ишим Тобольской губернии – 31 января 1993 г., Москва) — революционерка, партийный работник. Подвергалась репрессиям при царском и советском режимах. 16 лет провела в ГУЛАГе. Автор двух книг воспоминаний.

войны стал фронтовиком. Это были потрясающие вечера – пьянки-гулянки и костер у Мишки Славуцкой²: великая и очень изящная фигура маленького роста, которая была когда-то вместе со всем Коминтерном арестована и пережила очень много. С ней связаны имена и Солженицына, и Генриха Белля, и Льва Копелева. Прибавить нужно еще Льва Разгона и великого художника Бориса Биргера, который был другом Володи Войновича и моим другом. Тут же сияли имена Даниэля, Бена Сарнова и других. И даже этот круговорот замечательных друзей Войновича выделял самого Володю в моем сердце, как и Мишку Славуцкую, героиню нашей тогдашней любви. Именно тогда я и узнал, в каком я театре работаю, – от этих людей, которые знали толк в театрах постсеребряного века.

Войнович бывал на наших спектаклях. Ему очень понравился спектакль «Послушайте» по Маяковскому (это было лето 67-го), и он ценил, что я был автором сценария. При этом он особенно не разглаговльствовал <насчет наших отношений>, но мог осчастливить меня уже одним только замечанием, что я – его друг. Но я не зазнавался, они все были гораздо выше меня, и мне было чему у них учиться.

А год 1968-й – это год переживаний за то, что наш театр запрещают и скорее всего закроют (но потом спасли его). И это год письма Золотухина и Высоцкого из Красноярского края со съемок «Хозяина тайги». Войнович очень уважал и Высоцкого, и Золотухина, как и весь театр. В письме они, среди прочего, задавали вопросы: «Как там Войнович? Что там в Праге?» Высоцкий на самом деле интересовался новостями из Франции – вот так закамуфлированно <про Прагу>. Потому что уже тогда, во время премьер спектакля «Послушайте!» по Маяковскому, появилась Марина Влади.

В эти же времена Войнович угощает меня билетом в ложу театра МГУ на спектакль «Хочу быть честным». Мы сидим с Элемом Климовым и Ларисой Шепитько, тоже его друзьями, и смотрим эту замечательную постановку Марка Захарова с Севай Шестаковым в главной роли. Сева Шестаков – профессор, завкафедрой гидроге-

² Мишка Славуцкая – Славуцкая Вильгельмина Германовна, одна из тайных помощниц А.И. Солженицына, провела 10 лет в ГУЛАГе.

ологии МГУ и чертовски талантливый актер, о чем было известно всем окружающим, в том числе и его родной жене Ие Савиной.

Вот такой был круговорот 1967, 1968, 1969 годов, в котором спектакль ХБЧ был у Войновича лучшим, наверное, из того, что я видел на сцене.

А дальше начались времена «нападений». Мы получили в подарок Володиной книжки, в том числе две вышедшие уже у подзапретного Войновича. Но самое сильное впечатление произвели, конечно, первые Володины рассказы в «Новом мире» – «Полкилометра до кладбища», после которого как раз окончилась хрущевская любовь. Перед тем эта любовь, напомним, была ему подарена за песню, полюбившуюся космонавтам, – «Я верю, друзья, караваны ракет».

...Все это вместе крутится <у меня в голове> о том времени. Конечно, вечера с Лунгиными, близкими друзьями Володи и Иры, – высочайший уровень словесности этих бесед, на которые я бывал приглашенным, потому что меня как любимовца, – одного из самых близких к Любимову актеров, – тогда почитали. Войнович читал сцену из «Чонкина» – главы о Сталине. Мы не хохотали, а ржали с Лилей Лунгиной. А Симон спал. То есть он так уставал, что слушал во сне, но, когда мы ржали, он, естественно, оживал.

Конечно, «Голос Америки» или «Немецкая волна», которые в самые крутые августовские дни 68-го года по чьей-то случайной оплошности <на Лубянке> можно было слушать – за пределами Москвы, конечно. Слушали и обменивались этими новостями. Восхищались Дубчеком и ужасались тому, что сотворила победоносная Красная Армия, что тоже, наверное, питало автора гениального Чонкина.

Но проходит какое-то время, и уже за Войновича становится страшно. А он никогда не выглядел беспомощным, какими выглядели иные. Я помню, к примеру, взволнованного Галича. А у Володи не было этой взволнованности – либо он ее <тщательно> скрывал.

Чудесная формула, которой со мной поделилась Ирочка Икрамова, жена Войновича: «Естественный человек в неестественных обстоятельствах». Это как наименование жизни человека. Войнович никогда не был сатириком, не представлял себя фельетонистом. Ему было не интересно тягаться с Ильфом и Петровым. Он был скорее ближе

к Зошенко, и это была какая-то единая с жизнью тема гениальной наблюдательности. Вот есть же такие люди. Сравнить можно, между прочим, с Николаем Эрдманом – гением русской словесности, любимцем, сами знаете, и Маяковского, и Станиславского, и Булгакова, который не любил, когда говорили, что он сатирик. Ну, какой сатирик. Он выходит на улицу и видит. И то, что видит, он и отражает. Значит, сатирой является просто сам этот сумасшедший дом, в который режим по своему образу и подобию превратил жизнь людей.

Люди – такие, как Войнович, живут пушкинской независимостью. Потому что, почувствовав однажды в себе поэта, он им навсегда и остался. Он иногда иронически относился к <своим> стихам, а иногда с гордостью. И просил меня зачитать на каком-нибудь из его дней рождений. Например, это было в Библиотеке иностранной литературы у Гениевой³, которая организовала такой прекрасный вечер: я имел честь вести его, это было как раз 80-летие Войновича.

Близился 80-й год, Войновича выдавливают из страны: запрещают «Два товарища», которые очень хорошо шли по стране, особенно в Маяковке и в театре Советской армии. Володя дружит с артистами, они его обожают. И, естественно, красивые актрисы млеют, что немаловажно для настоящего мужика. А дальше у Войновича наступают одновременно два переломных момента. Во-первых, он начинает писать в стол. В это же время начинается живописец Войнович. И оба этих момента были очень важны лично для меня, поскольку территориально все происходило именно там, в «Отдыхе». Там мы увидели его первые наброски (хотя потом он сказал, что и раньше этим занимался) – вместе с моей любимой Галей, которую Володя называл чукчей, ибо спрашивал у нее:

- Галка, ты прочла вот то, что Веня прочел?
- Нет, я писала.
- А, так ты чукча!
- Да, чукча не читатель, чукча писатель.

Так складывались их разговоры. Глаша сама звонила Володе и говорила:

³ Е.Ю. Гениева (1946–2015 гг.) – генеральный директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы с 1993 по 2015 гг., всего проработала в этой библиотеке 43 года.

- Владимир Николаевич, это чукча.
- Да. Привет, моя дорогая! Как там?..

В результате мы с Галей Аксеновой сделали 30 или больше серий «Театра моей памяти», и один из фильмов назывался «Художник Владимир Войнович». И я очень рад, что это хранится в архиве телевидения. Кроме того, что касается его дара как художника, важно, что он сам осознавал своего предтечу – Пиросмани. Мы с ним говорили об этом, и так оно и было. При этом внимание к его полотнам демонстрировали уже тогда очень серьезные люди. Я могу назвать и Ростроповича, и Старовойтову, и многих писателей. Это не было для него пустячным занятием, это было, как и все, что он делал, – всерьез, то есть весело и замечательно.

«Голос Америки» или «Немецкая волна», которые в самые крутые августовские дни 68-го года по чьей-то оплошности <на Лубянке> можно было слушать – мы восхищались Дубчеком и ужасались тому, что сотворила Красная Армия.

Тогда же мы с Давидом Боровским – гениальным художником Таганки, которого любил и почитал Войнович, а Боровский зачитывался и чуть ли не наизусть знал Войновича, – там же, на станции «Отдых» приехали на дачу Антона Антонова-Овсеенко⁴, с которым до того вскользь познакомились, подружились и пропьянствовали какой-то там день. На вопрос, по-моему, вашего батюшки⁵: «Вы не опасаетесь? Идет слежка, и мы ее здесь, на станции “Отдых” тоже чувствуем», я ответил словами Николая Эрдмана: «Нищему пожар не страшен». Мы действительно не опасались. Все это вспоминает-

⁴ Антон Владимирович Антонов-Овсеенко (1920–2013 гг.) – писатель-диссидент, сын революционера Владимира Александровича Антонова-Овсеенко, расстрелянного в 1938 г., провел в сталинских лагерях 13 лет, автор бестселлеров «Портрет тирана» (1980 г., Чалидз-публикейшнз, США – «Сталин без маски» в российском варианте, переведен на многие языки), «Берия» и других книг, основатель Государственного музея истории ГУЛАГа в Москве.

⁵ В.Б. Смехов обращается к записывающему его монолог редактору этой книги – сыну А.В. Антонова-Овсеенко – Антону Антоновичу Антонову-Овсеенко.

ся как отрывок из жизни Серебряного века или еще более ранних времен: Некрасов и Панаевы, Маяковский и Брики, Блок и Белый...

15 октября – день рождения Иры Икрамовой. Дружба с Камиллом Икрамовым, замечательным человеком и писателем, была очень близкой. Но никого как-то не удивило, что Ирочка ушла от Камилла к Володе, они и после этого оставались друзьями. И это нельзя перевести на язык сегодняшней брехни, это все высокое.

Из самых близких друзей тех времен, а я говорю уже о 1971-м, стоит отметить Владимира Тендрякова. И Виктора Платоновича Некрасова. Незабываемый день в Пахре, когда отмечали шесть лет прекрасной Машеньки Тендряковой. И Наташа Тендрякова, которая училась в МГУ и была красавицей номер один: как говорил Окуджава – «первая красавица Москвы». И Наташа Тендрякова, Володя – Владимир Федорович Тендряков, Виктор – Вика Некрасов, Камил и Володя Войнович – это была компания, куда я тоже попал из дружбы с Тендряковыми. Я видел, как общаются классики. Как они могут подъездывать друг друга (я это описал в рассказе о Некра-

Чудесная формула, которой со мной поделилась Ирочка Икрамова, жена Войновича: «Естественный человек в неестественных обстоятельствах».

сове и Тендрякове). Тендряков, фронтовик и могучий писатель, все это очень ценил. Он был ужасно придирчив к себе и ко всем остальным, и все это знали. Но Войновича, что немаловажно, он почитал. Войнович был очень близко к сердцу воспринят и Наташей, и Володей Тендряковыми.

Через некоторое время наши семьи соединились. Машенька Тендрякова стала женой Жени Аксенова, то есть родного брата моей жены, моего шурина. А Наташа Тендрякова стала женой Геннадия Михайловича Аксенова, то есть отца моей жены. И все это стало одной семьей. И старый писательский дом в Пахре, трудами и талантом Жени Аксенова был приведен в порядок, и был возведен еще они домик отдельный, гостевой.

Три года спустя Вику Некрасова уже выдавливают из страны. А я, не зная этой беды, оказался в Киеве и позвонил Виктору Плато-

новичу, к которому очень по-доброму относился, появившись в Пассаже поблизости от его дома. Зашел. Он поглядел на меня большими глазами и сказал: «Видишь вот это?» Стеллаж опустел: прошли два обыска. И с этого обглоданного чекистами стеллажа он мне подарил лучшую книгу о войне. Это книга Некрасова «В окопах Сталинграда». У него не оказалось ее на русском языке, все сбондили. Осталась на украинском. И Виктор Платонович подписал мне книгу на украинском языке. Но вспомнил я это оттого, что в этой нашей последней беседе в Киеве, а через кульбит времени и в Париже, и в другие разы он обязательно говорил: «Так, Веня. Трем Володям от меня сердечное “здрати” или “сердечный привет”». Три Володи – это Высоцкий, Войнович и Тендряков. Наоборот: Тендряков, Войнович, Высоцкий.

Замыкались эти времена прощанием с эмигрантами – с Некрасовым, потом с другими. Никто не верил, что мы увидимся когда-нибудь. Был уже 1980 год, и были встречи с Войновичем – и дома у него, и у Антоновых-Овсеенко. А потом вдруг узнали окольно, что уже и Войнович в Мюнхене, и он получил академика там какого-то. Хотя учил усердно и любил английский язык (я сам этому свидетель), но все-таки он оказался в Германии, в чем сыграли важную роль, я думаю, Генрих Белль и Лев Копелев.

В 1988 году мы с Глашей, Галей Аксеновой, появились в Германии. К этому времени я перестал быть «закрытым». Закрытость до того объяснялась просто: все, кто был рядом с Любимовым, находились за двойным железным занавесом, хотя и были гастроли Таганки за границей в 70-е годы. Мимолетные друзья, которые нас пригласили, и мы оказались у них в Германии, сказали, что на имя Копелева «молится» вся Германия. Что он здесь – второй после Коля⁶ телевизионный герой. И вот бородатый наш дед Мороз, Лев Зиновьевич Копелев, принимает нас в Кельне и говорит: «Я никаких вам комфорта не предлагаю, но гостиничку я вам снял. И вы должны сказать спасибо, потому что недавно оттуда уехал Вика Некрасов». И мы с моей Галкой проживаем там три дня – такая вот была смена. В это же самое время там оказался также недавно выпущенный из

⁶ Гельмут Коль (1930–2017 гг.) – федеральный канцлер Германии в 1982–1998 гг.

страны великий Карамзин нашего времени Натан Эйдельман, там же – художник Биргер. И все мы встречаемся на докладах Натана Эйдельмана, нас туда возит Копелев. А потом и Натан, и мы с Галкой движемся в сторону Мюнхена – к Войновичу. Потому что в телефонном разговоре Войнович сказал: «Ну, и как? Ты так и уедешь? А у меня недавно были Окуджавы...». Возможности у нас были небольшие, но какая-то валюта все же полагалась, кажется, 15 долларов в день, и вот – чудо! Мы сели в поезд и приехали к Войновичу в Штокдорф⁷, где, как я ему потом рассказал, я впервые узнал, что такое клементины, то есть мандарины без косточек. Он нас с Глашей водил по супермаркету немыслимой красоты, где они и продавались. Это сейчас мы на это не смотрим даже, а тогда задыхались от красоты.

При этом мы были вместе с Эйдельманом, но у него была лекция в Мюнхене <на следующий день>, и после ужина он уехал, а мы с Галкой остались и провели там две ночи. Причем спали на кровати, на которой <до того> спали Оля и Булат Окуджавы, и для нас это было что-то такое фантастическое. Вот так по следам гениев мы прокатились.

И еще у Войновича и Иры в квартире в Штокдорфе был замечательный кабинет, подаренный каким-то князем, где мы впервые увидели в действии интернет. Войнович сел за компьютер и сказал: «Всё, всё знаю. Например, твою статью читал». Он говорил про мою громкую статью «Скрипка мастера» об Эфросе, Любимове и Высоцком. А еще были какие-то бесконечные разговоры о том, что творится в России в целом и у нас дома, и отчасти, – что у них. Конечно, и о радиостанции «Свобода», в эфире которой Володя очень всерьез, как и все, что он делал, предавался юмору, наблюдениям. А я ему рассказывал, как мы навещали Некрасова за много лет до того – в 1977-м, когда Таганка выезжала на гастроли в Париж. И как Некрасов в 1980 году, во время Олимпиады, крепко выпив, звонил нехорошим людям в Москву. Своим звонком он возбуждал интерес к этим людям у КГБ – в этом и была его задача. Он звонил стукачам, вообще говоря, которые были секретарями Союза писателей.

⁷ Штокдорф расположен в 51 км от Мюнхена.

Это происходило, когда открыли вдруг телефонный коридор, а потом, как считал Виктор Платонович, именно из-за него и закрыли. Потому что он звонил и говорил:

- Здравствуй, Иван Иванович! Это Виктор Платоныч Некрасов.
- Ой! Кто?! Правда?!

На той стороне провода, как он это ощущал, сильно трухали. А еще, когда мы были с Глашей в Париже по частному приглашению в январе 1984 года, Виктор Платонович, собираясь в Мюнхен на радиостанцию «Свобода», сказал так: «Ну, я пойду поклевещу». Это была норма – «пойду поклевещу». Такие у нас были с Войновичем хорошие воспоминания.

Володя снабдил нас книгами. Это был неизданный Булгаков, и это было «Воскресение Маяковского»⁸ Юрия Карабчиевского. Потом мы с Юрой познакомились, а это была книга, где очень сильно, талантливо и несправедливо, <на мой взгляд>, руган Маяковский.

Мы собирались пробыть у Войновичей несколько дней, но на самом деле пробыли всего полтора дня, потому что обратный билет стоил очень дорого, и Ира сама посоветовала Глаше <сэкономить>.

К мюнхенскому вокзалу мы ехали на БМВ, про который Войнович рассказал нам несколько историй, ведь он был отчаянный автомобилист, как и его друг Аксенов (несмотря на то, что Войнович – это БМВ в Мюнхене, а Аксенов – это «Мерседес» в Вашингтоне, они тем не менее друг к другу езживали). Полицейские его останавливали, когда он сгоряча промахивал красный свет, так тоже бывало. Войнович рассказывал: «Мне так неприятно унижение, когда останавливают, тем более что язык я практически не знаю, а они начинают сразу свое – айн-цвай-драй – с интонациями, которые напоминают известные фильмы <про войну>. А мне и ответить им нечего, кроме «Entschuldigen Sie bitte», то есть «Извините»». И вот однажды Войнович на дороге как-то сильно опростоволосился, его остановил полицейский, и по мере приближения к этому полицейскому он уже предчувствовал – как ему сейчас будет нехорошо от поругания чувства собственного достоинства на немецком языке. В общем, Володя

⁸ Книга русского поэта, прозаика, эссеиста Юрия Карабчиевского (1938–1992 гг.), впервые вышла в Мюнхене в 1985 г.

не выдержал, а еще правильно сработала, <как я понимаю>, внутренняя режиссура, и он русским матом ополоснул полицейского (я не буду тут воспроизводить эти безусловно правильные слова). А полицейский – его, по-своему. Обменялись любезностями, и полицейский его отпустил. Потому что нужно было или вызывать скорую, или отпустить. Мы ржали, конечно.

Перед тем как отвезти нас на вокзал, Володя захотел показать нам пинакотеку. Ни Ира, ни Володя не знали или запамятовали, что она в пять часов закрывается, а мы подъехали как раз в это время. Эта западная цивилизация ошарашила нас своей глупостью, как нам казалось. Мы подходим к дверям без двух минут пять. Вот сейчас мы войдем, только странным образом там никого нет почему-то, только привратник. Мы стучимся, показываем, что, мол, хотим войти, а в ответ – холодное выражение лица. И вот опять, оцените Войновича: «Веня, Галя, вы не беспокойтесь. Самое главное вы сделали, и если вас спросят: “А где вы были в Мюнхене?”, то вы скажете: “В пинакотеке”. Вы же действительно были здесь».

А еще по дороге на вокзал Володя рассказывал, как он там, в Германии, работает, и как Ира неплохо устроилась и преподает русский, по своей профессии, и как она гордится своим любимым учеником – <Егором> Гайдаром. Оказалось, что, когда Гайдар приезжал в Германию, в Бонн или в другие города, он обязательно вызванивал Войновичей – либо их обоих, либо только Иру, на свои встречи. Происходило это, напомним, уже в 1988 году. Володя, не очень доверяя Горбачеву, все-таки оценивал хорошие новости — со свободой слова и прочим. Уже «Юность» взяла «Чонкина» напечатать, и в целом это была победа, жизнь, быстрые шаги перестройки. В Таганку вернулся Любимов. Мы встречали Льва Копелева у великого Вячеслава Всеволодовича Иванова. А потом и Войнович в Москве, и буквально через два-три дня мы оказываемся в «Меридиане» – в огромном дворце культуры на Калужском шоссе, куда Войновича пригласил Эльдар Рязанов. Две с лишним тысячи человек, и мы сидим на сцене: Рязанов, Бен Сарнов, Войнович и я. Сарнов, влюбленный в «Чонкина», и Рязанов, желающий поставить «Чонкина». Для Войновича такая Москва, в «Меридиане», была впервые после восьмилетнего отсутствия: такой огромный срок, и он вдру

видит переполненный зал, который пришел ради него. Кого он мог видеть в Мюнхене? Кого он мог видеть на встречах или на лекциях в Германии или в США? А тут – переполненный зал, могучие аплодисменты. Каждый из нас – Сарнов, Рязанов и я что-то говорят. Я в качестве говорящего артиста читаю отрывок из «Москва 2042», затем мое любимое – письмо Войновича Брежневу, в котором он предлагает Брежневу осознать тот факт, что читателям Войновича придется сдавать в макулатуру по двадцать килограммов сочинений Брежнева, чтобы получить талон на одну книгу о солдате Чонкине. Заметив, как это стало интересно Володе, я в микрофон спрашиваю у зала: «Поднимите руки, кто читал книгу “Антисоветский Советский Союз”, или “Москва 2042”?» Володя видит эти руки и склоняет голову. Невероятное впечатление.

Потом развернулась нехорошая переписка <по поводу постановки «Чонкина»>, потому что Рязанов не захотел следовать просьбе продюсера, который владел правами Войновича из Лондона. И Рязанов не поверил, что Войнович не может отменить права продюсера. А через какое-то время Рязанов сам познакомился с цивилизацией и понял, что да: если права принадлежат кому-то, то они принадлежат окончательно. Но тогда Рязанову, талантливейшему человеку, не понравилось, что этот продюсер из Лондона написал: «Я готов согласиться с тем, чтобы господин Рязанов ставил <“Чонкина”>, но пришлите что-нибудь о нем, я его не знаю». Это было дико для нас, но звучало нормально для них. При этом предложением того человека (продюсера) было – Барышников⁹ в роли Чонкина. Какое чудесное могло бы быть событие! Но Эльдар что-то нехорошее написал про Войновича, и Войнович тогда в самом прогрессивном журнале «Огонек» у Коротича напечатал письмо Рязанову. Я бы хотел сегодня где-то его прочитать <со сцены>: впервые в жизни Войнович без улыбки, впервые в жизни Войнович без иронии – с удрученностью уровнем нашего отрыва от цивилизации.

Потом они помирились, и всё было нормально, но это было. А начало было праздничное. Это Дом литераторов, это Дом актера,

⁹ Михаил Николаевич Барышников (род. в 1948 г.) – советский и американский артист балета, остался в Канаде во время гастролей в 1974 г. Номинант премий «Оскар» и «Золотой глобус».

это Дом кино. И кого-то я по благу провожу, и мои дети, которые появляются там, и Алика, и Ленка. И Володя вдруг видит Ленку, которую он видел пятилетней в 1968 году, поражается красоте этой девчонки, а потом и красоте Алики.

Год 1989-й. Дома у Войновичей еще нет, а есть только смотровые <ордера на квартиры> где-то у черта на куличиках. Войнович соглашается, а Ира советуется с правильными людьми и говорит: «Нельзя соглашаться. Они тебе должны. Они тебя выгнали». И Войнович пишет так, как только он умеет, письмо Горбачеву, в котором предлагает Горбачеву исполнить роль порядочного человека и вернуть отнятое. Не должны отринутые от Родины просить вернуть им гражданство и то, что у них отняли, а, наоборот, государство должно им все вернуть и так далее. Он пишет это в чудесном стиле, очень вежливо, но тем не менее все ясно. И Володя получает квартиру в Астраханском переулке – там же, где Окуджава, Самойлов, Левитанский, в этом новом пристанище прекрасных писателей. И очень часто я вижу их тогда вместе с Булатом Шалвовичем, что мне очень радостно.

Люди — такие, как Войнович, живут пушкинской независимостью. Потому что, почувствовав однажды в себе поэта, он им навсегда и остался.

Замечательные были тогда вечера. Я помню Эдика Успенского, который со своей командой «В нашу гавань заходили корабли» исполняет что-то очень смешное на тему «Чонкина». И разные залы, которые друзья Володи ему предоставляют. Я помню 1997 год, когда в Мюнхене проходит премьера оперного спектакля, на котором Володя не может присутствовать, потому что он уже в Москве, а Ира присутствует. И там Майя Плисецкая и мюнхенские товарищи, а до того я по благу нашел возможность попасть на генеральную репетицию. И это Цирк “Дю Солей”, который осчастлиливает нас. Мы возвращаемся в Москву и прямо из аэропорта попадаем в гайдоровскую «Демократическую Россию», где собрались близкие друзья Гайдара. Там же и Боря Мессерер, Белла Ахмадулина, которые очень дружат с Володей. И там – выставка картин Войновича: я уже гово-

рил, что и Галина Старовойтова приобрела <его картину>, и Мстислав Ростропович, и другие. Помню, мы стоим с Алешей Козловым, великим музыкантом, трубой номер один Российской империи, и Гришей Гориным и затеваем конференс – как мы будем вести это <мероприятие>. Полно народу, и все в основном политически ориентированные, так сказать.

Год 1997-й. И там много было всего, в том числе самое яркое пятно в нашей дружбе – Middlebury college в Вермонте, где в течение 15 лет по полтора месяца в году работала летняя русская школа. Здесь в течение этих пятнадцати лет моя жена Галя Аксенова, как проклятая, с шести утра служила высокому преподавательскому делу и потом, слава богу, окончила <это служение>. У нас не было лета. То есть у меня было, потому что я был при ней и замечательно себя чувствовал. Всего в Middlebury college было одиннадцать школ <по принадлежности к странам>, и одна из первых наряду с германской – русская школа. Галя в качестве профессионального киноведа вела там аспирантуру по теме «История русского и мирового кино» и даже стала на девять лет заместителем директора этой школы, что давало ей право приглашать <к сотрудничеству в качестве преподавателей> тех, кого она посчитает нужным. Так в школе появились и Павел Лунгин, и Людмила Улицкая, и Дина Рубина. И Владимир Войнович получил от президента колледжа предложение стать *Honoris causa*, то есть почетным академиком. Войнович к таким предложениям относился так же, как ко всему, и потом по секрету сказал, что в то же время получил аналогичное звание в Лондоне. Мне приятно вспоминать, как они с Ирой там жили и бесконечно спорили. Потому что Ира не могла принять в быту и в остальной жизни какие-то избытки страстей Володи, например – желание освоить «правильные бутылки» в местном супермаркете.

Middlebury college, один из самых знаменитых в Штатах, – это маленький, очаровательный городок при университете. Для приглашенных, таких, как Войнович, это было, конечно, очень интересно. При том, что в русской школе каждому нужно было пройти первый уровень, когда говорят максимум «зтрафствуйте» и «спасибо». Но к концу полутора месяцев эти люди начинали очень бегло <говорить по-русски>. Это не обязательно американцы. Там были и немцы,

и испанцы, и голландцы, и <представители других наций>. При этом надо было хорошо заплатить, чтобы в первый же день поклясться <в верности> чудовищному делу – такому, что ни на каком другом языке, кроме русского (или другого из одиннадцати), не сметь произнести ни слова. Естественно, Войнович выступал перед аспирантами, которые прекрасно говорят по-русски. И ему было очень интересно общаться с другими преподавателями. Это было полноценное, хорошее лето.

Потом, наконец, награждение и эта конфедератка. Я её почему-то помню только у Корнея Чуковского, но теперь я увидел её у Войновича. Происходило это в экуменическом храме при тридцатиградусной жаре, а он был в сутане и в конфедератке. И речи. Речь президента колледжа, в ходе которой он читает на английском языке большой отрывок из «Чонкина». Я балдею от счастья, сидя в прохладном месте, и наблюдаю, как моя заместитель директора стоит рядом с Войновичем, только что получившем почетное звание. А накануне мы отмечали окончание летней школы на ужине в кругу преподавателей всех одиннадцати стран. Говорят, конечно, по-английски, и моя Глаша знакомит Володю с директорами итальянской школы, германской и других школ. И все это очень славно, но пьют они много, мне кажется, для такой жары, и потому с них течет. И назавтра было забавно наблюдать, как они выдерживают эту длинную-длинную церемонию с торжественным шествием.

Через несколько лет Глаша сделала так, что Володю пригласили в еще один очень хороший колледж – Grinnell college в Айове. Помимо того, что он провел там целый семестр, общаясь в том числе на английском, это стало началом его гастролей как писателя. И это стало нашим совместным опытом, потому что получилось так, что там, где выступал я, проехался и Владимир Николаевич. А потом Ирочка и Володя в Германии угостили меня уже своими маршрутами. В результате образовался такой круг, в котором находились Калягин, Золотухин, Дмитрий Александрович Пригов тоже попадался с гастролями, и мы с Войновичем.

Я помню большой вечер Войновича в Чикаго. У меня была возможность, и я приехал. Он читал что-то из своей новой книги, потом отвечал на вопросы и в конце вдруг сказал: «Я знаю, что у вас вы-

ступал и ещё будет выступать мой друг...», – дальше прилагательные о том, какой я артист и прочее. Мне было так неудобно: я вдруг подумал, что я перед ним все равно мальчишка, и что он уже классик, что он – мировая величина. Это такая маленькая деталь: я все-таки учился у таких людей, у таких «володь» – и у Войновича, и у Высоцкого.

Новый год у Петра Тодоровского. Володя – за забором, на соседнем участке, в доме его жены, Светланы Колесниченко (я хорошо знал ее первого мужа – Томаса Колесниченко, известного журналиста-международника). Волшебной силы любовь Светланы к Володе. Женщина, которая была предана, обожала и ни на секунду не забывает своего первого мужа, и не может справиться с собой вот уже долгое время. Очень важно для образа Войновича, что он так притягивал людей, а Светлана как будто отдала ему это притяжение и необыкновенно, красиво создавала эту новую семью – как утешение для весьма пожилого человека, который никогда не был пожилым. Спасибо Светлане и этому созданному ею миру, где он мог автономно существовать и быть писателем.

И, конечно, его картины в этом доме, их очень много, и они хорошо там себя чувствуют. Помню год 2012-й, 26 сентября, 80 лет Войновичу. До того я читаю в интернете: наивное искусство Пиромани сначала, а за ним – Войнович. И говорю <со сцены>: «Приятно говорить о Войновиче как о настоящем солдате расширенного фронта искусства. Солдат, которому давно присвоено звание генерала, а он упрямо солдатствует. Ищет, открывает в себе и вокруг».

Я процитирую Сашу Гельмана <на прощании с Войновичем>: «Это большая беда для всей страны, которая не понимает, что случилось. Это был честный голос, который звучал в течение многих десятилетий. К сожалению, слышали этот голос и поверили этому голосу очень мало людей. Такой талант редко дается кому, но он дается для всех, не все готовы его воспринять». Мне кажется, что это очень сильно и точно сказано.

Алла Сурикова. Кинорежиссёр, сценарист, педагог. Народная артистка Российской Федерации (2000), лауреат премии правительства Российской Федерации (2009). Член Союза кинематографистов РФ. Родилась 6 ноября 1940 года в Киеве. Окончила филологический факультет Киевского университета (1965), по специальности «русский язык и литература», параллельно занимаясь математической лингвистикой. В конце 1960-х пришла в кино, работала ассистентом режиссёра на телевизионной картине «Маленький школьный оркестр» (1968) и на фильме «Умеете ли вы жить?» (1970). Автор идеи детского юмористического киножурнала «Ералаш» (1972). В 1973 году окончила Высшие курсы сценаристов и режиссёров, отделение режиссёров-постановщиков детского фильма, (худрук Георгий Данелия); её короткометражная дипломная картина «Лжинка, или Маленькая ложь и большие неприятности» в 1974 году была удостоена приза Госкино УССР «За лучшую режиссуру» на Всесоюзном кинофестивале «Молодость». С 1997 года ведёт мастерскую режиссуры во Всероссийском институте переподготовки и повышения квалификации работников кинематографии. В 1999 году организовала некоммерческую студию «Позитив-фильм». С 2002 года ведёт мастерскую режиссуры на Высших курсах сценаристов и режиссёров. В 2002 году написала книгу «Любовь со второго взгляда». С 1999 года — автор идеи и президент кинофестиваля комедии «Улыбнись, Россия!». С 2006 года — председатель жюри открытого фестиваля молодёжного кино «Отражение». В 2007–2008 годах — член Высшего совета политической партии «Гражданская сила». С 2011 года — президент Сахалинского Международного кинофестиваля «Край света».

Алла Сурикова

За что я люблю Войновича

Много-много лет назад... Какой-то вечер в театре «Современник». Я за рулем своего «жигуленка». Войнович с женой Ирой вышли из театра почти одновременно со мной. Я предлагаю подвезти. Войнович с радостью садится ко мне в машину. Жена не очень. Но... холодно. И такси надо ловить. И народу много. Садится тоже. Он

рассказывает все время что-то веселое. В благодарность за провоз. Она напряженно молчит. Мне кажется, ревнует. А может, просто устала... А у Войновича глаз горит. Симпатия играет. И мы еще оба готимся для ревности.

Проскочило, пробежало, пронеслось с того дня много лет. Ватутинки. Наш дачный поселок. У меня уже есть своя дача. Весна..

За то, что умел радоваться и радовать. И его живопись, его картины. Наивные, искренние, смешные, талантливые, свои...

переходящая в лето. Но все-таки еще весна. А она не знает возраста. Ей все равно. С рынка в Ватутинках выходят двое: Владимир Войнович с взрослым сыном Павлом. Войнович к этому времени свободен и сын свободен. Двое свободных. И очень обаятельных. Делаю «стойку». У меня в запасе много разных одиноких невест. Заганиваю. На даче как раз сегодня что-то намечается. Но Владимир Николаевич отказывается. Я вежливо настаиваю, соблазняю, уговариваю. Он вежливо, но настойчиво отказывается. Я потом только узнала – его уже ждала Светлана.

Светлана предложила мне написать о Володе, о Владимире Николаевиче Войновиче. В эту книгу.

У меня не получится стройной складной истории – познакомились, подружились...

Я попробую собрать вспышки памяти под общей крышей – за что я люблю Володю Войновича...

...За то, что могла запросто с ним общаться и называть его полусутой Вова, слушать его ироничные неторопливые рассказы, слушать стихи, которые он посвящал Свете на каждый день ее рождения. Он ее очень полюбил. И 13 лет их любви, когда вокруг и рядом – только разрухи чувств – это было красиво. Это была надежда для всех одиноких сердец. Ведь можно быть одиноким и при «полном домашнем параде»....

...За то, что пересматривала и перечитывала всего Войновича. И находила каждый раз все новое, неизведанное, сверкающее, удивительное и удивляющее. И за фильм про Чонкина. Я его как-то,

было, пропустила. Знала, что хотел ставить Эльдар Рязанов. Слышала, что не сошлись в творческом решении... А то, что фильм все же снят, не знала. И тут вдруг увидела – «вступило»! Ах, Войнович!!!! И хохотать, и плакать! Позвонила автору! Поздравила. Какое счастье, когда можно позвонить и поздравить. Мы совсем разучились поздравлять и радоваться успеху. Вовремя. Хвалить, пока живой...

...За то, что умел радоваться и радовать. И его живопись, его картины. Наивные, искренние, смешные, талантливые, свои... Между прочим, Почетный член Российской академии художеств! Я это узнала только сейчас. Из интернета. А он ни разу не хвастанул... Присматривалась ли сама к Войновичу как к автору возможной будущей совместной работы? Примеряла ли? Честно – нет. Почему? Режиссура – покорение авторского материала. Войновича покорять бессмысленно. Я хотела лишь к нему приближаться – нежно, осторожно, бережно.

За то, что пересматривала и перечитывала
всего Войновича. И находила каждый раз все
новое, неизведанное, сверкающее, удивительное
и удивляющее.

...За то, что не пропускал ни одной посиделки у меня на даче – и каждый его тост был неслучайным, ироничным, почти ода. «Вот сидит перед нами простая сельская...». Он приходил с самогоном своего производства. Сам гнал самогон! Мы не успели сделать этикетку к его бутылкам. Собирались, но не успели. Нельзя собираться. Надо решить – и сделать. Жизнь проскакивает, пролетает...

...За то, что не отказался дать интервью обо мне для телевидения. Даже специально пересмотрел одну из моих картин, о которой должен был что-то сказать. И сказал. Был честен. Похвалил, не рассыпаясь... Я ему очень благодарна... Его же растаскивали на интервью, встречи, выступления... Выйдя из «крутого пике» в Германии (чуть не умер! – слава Богу и Свете – спасли), он умчался выступать в Израиль, в жару: «Я обещал... меня они очень ждут...»

...За то, что по моей просьбе на моем кинофестивале «Улыбнись, Россия!», – отказываясь, стесняясь и не находя слов, – все-та-

ки вручал премию «За вклад в комедию» Олегу Павловичу Табакову. Два гиганта на одной сцене, прижатые обстоятельствами и экраном (неудобно отказать), что-то сплетали в комплементарный узор. Было смешно и трогательно.

...За то, что звал на свои театральные премьеры. И я чувствовала особую гордость и значимость события – автор! (и не просто так себе автор, а сам Войнович!) доверил тебе первой (одной из) посмотреть то, что он писал для театра. «Трибунал» в театре «Кураж» и у Марка Розовского спектакль «Би-эм-дабл-ю». И ты даешь приказ голове: включиться, понять, полюбить, соответствовать. А голове оказалось несложно. Все совпало... И полюбила, и радовалась успеху.

...За юбилейный вечер в ЦДЛ, когда на одном пространстве Володя собрал невероятное количество интеллигентных лиц! Казалось, в Москве уже нет таких, и – столько. А они все проявились и пришли поздравить, потому что для них для всех Войнович – это символ целой (увы, уходящей) эпохи (и на кладбище он лежит в такой же интеллигентной и дружеской компании). Невысокий, коренастый, с чуть сипловатым голосом – он был выше, красивее и значительнее многих могучих зычных красавцев.

...За любовь к собаке Ньюше. Каждый хозяин считает свою собаку самой умной и красивой! Некоторые умеют скрывать свои чувства в присутствии хозяев других умных и красивых. Володя был честен. Он не скрывал свои чувства. Он точно знал и всем своим видом давал понять, что Ньюша все-таки самая умная, красивая и, конечно, самая любимая собака. Ньюша очень сильно тосковала, когда Володи не стало. Несколько дней она не ела, не пила, лежала под его дверью. Я тоже тосковала и тоскую до сих пор. Его очень не хватает.

...За то, что он, да он, по-настоящему меня познакомил и подружил со Светланой, со Светой Колесниченко. Очень дорога мне эта дружба. В нашем возрасте друзей только теряешь... А если приобретаешь – это большое счастье и большая редкость. Спасибо, Володя, за Свету...

Кира Сурикова. Окончила факультет журналистики МГУ. Работала несколько лет и, можно сказать, училась на Высших курсах сценаристов и режиссёров, откуда из ящиков стола, после моего ухода, была вытащена на свет страшная куча испечатанных (компьютеров ещё не было) страниц. Из них спустя, к сожалению, довольно долгое время получились: книга рассказов и книга стихотворений. А началось все в школе № 127, в переулках Тверской, где блуждал редкостный дух свободы, где сидели на полах всех этажей длинноволосые мальчишки, где даже распоследний душевный дальтонист стал бы рифму с рифмой «заверчивать». Был ещё Париж около 7 лет. Сродни эмиграции. Как у Владимира Николаевича почти... Потом возврат. Как сказала моя широкомордая злая шамкающая консьержка, олицетворение родины, увидев меня с вещами и ребёнком в подъезде снова: «Ну что, Кира... Где родился, там сгодился?» Вот как-то так...

Кира Сурикова

Большой писатель и большой гражданин

Мое знакомство с Владимиром Войновичем, а точнее с его творчеством, началось с моего близкого друга, который, правда, им только становился, зато с Войновичем он, друг, уже дружил и творчеством его восхищался. Друг сказал: «А хочешь, я тебе почитаю “Чонкина”?» Это был неведомый доселе способ ухаживания за девушкой. У меня ещё не было прецедентов. Я помню, что опешила и обрадовалась одновременно. Как человек общительный, я тут же пригласила домой на читку ещё одного хорошего человека, издателя, и ещё какую-то подругу. А может быть, и ещё пару человек, попавшихся мне, так сказать, по дороге дневного общения... Читать – так читать!

Читал он чудесно. Немного шепелявя и чуть нараспев, и шевеля бровями... И это не только не портило картину, нарисованную про-

читанным, но и добавляло чудесных красок и без того очень смешному, очень тонкому и очень яркому тексту.

Потом, много раз видя лицо автора за одним столом на маминной даче, или на творческом вечере, или же с экрана телевизора и уз-

Читал он чудесно. Немного шепелявя и чуть нараспев, и шевеля бровями...

навая о необычайных приключениях нашего президента в стране и в целом – из его уст – в смешном, отважном и очень личном прочтении... Я всякий раз восхищалась его жизнелюбием и внутренним весельем, да и просто умом, чего уж..., не слишком хорошо скрываемым за немного лукавой улыбкой!

Владимир Войнович – большой писатель и большой гражданин.

Людмила Телень. Журналист, медиаменеджер, заместитель исполнительного директора Президентского центра Б.Н. Ельцина. Родилась 2 октября 1957 года в подмосковном Жуковском. В 1974 году поступила на факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, работала корреспондентом газеты «Комсомольская правда», ведущей в телепрограммах «Политическая кухня», «Диалог в прямом эфире», заместителем главного редактора газеты «Московские новости». С 2005 по 2006 год возглавляла журнал «Большая политика»; в 2007 году инициировала проект интернет-газеты «Избранное». С 2008 года преподает на факультете коммуникаций, медиа и дизайна НИУ «Высшая школа экономики». С января 2009 по сентябрь 2012 года – главный редактор сайта «Радио Свобода». С ноября 2012 года по март 2014 года возглавляла газету «Совершенно секретно».

Людмила Телень

Он к себе всерьёз не относился

Мое личное знакомство с Владимиром Николаевичем произошло в 2012 году, когда я работала главным редактором газеты «Совершенно секретно» и узнала о том, что он переписал свою старую пьесу «Трибунал», а по сути написал новую пьесу. Как человек понимающий, что происходит в общественном пространстве, я понимала, что её издать будет чрезвычайно трудно, поставить в театре – тоже. Но поскольку к театру я не имела никакого отношения, а к средствам массовой информации имела, я подумала, что будет правильно, если газета «Совершенно секретно» сделает специальный выпуск, в котором и опубликует эту пьесу – хотя это абсолютно не её (газеты «Совершенно секретно») профиль, но это средство массовой информации, которое тогда было <у меня> в руках. На удивление, мне удалось быстро убедить собственника Веронику Боровик-Хильчевскую в том, что надо это делать, хотя определенные риски для средств массовой информации существовали уже в то время. Но мы приняли это решение, и я позвонила Владимиру Николаевичу. Он как-то очень живо откликнулся, сказал, что помнит

меня еще по газете «Московские новости». Я сказала, что мне кажется, что обязательно нужно сделать большое развернутое интервью с ним, которое бы предваряло публикацию пьесы. И мы с ним договорились о встрече. Тогда мы с ним и познакомились. Хотя, конечно, я его видела, и наблюдала, и читала его выступления и в газете «Известия», и в тех же «Московских новостях», и в разных других изданиях.

Я приехала к нему домой. Мы долго разговаривали – это была, наверное, более чем двухчасовая беседа, и потом в спецвыпуске большим тиражом вышла сама пьеса, которую предварял небольшой отрывок из

Это редкое качество, когда человек ничего не изображает, а просто живет с ощущением абсолютной внутренней свободы.

нашего с ним интервью (полностью интервью было опубликовано на сайте газеты). Когда я его стала перечитывать <недавно>, то поняла, что всё это звучит так, как будто мы с ним разговаривали вчера. То есть все темы, о которых мы говорили, – а мы говорили не о литературе, скорее темой беседы были общественно-политические проблемы, – актуальны и сегодня. Когда человек глубоко мыслит, его мысли живут не один день, они живут долго.

...Я недолго была главным редактором газеты «Совершенно секретно», в общей сложности полтора года, но я считаю, что лучшее, что я сделала, – это то, что удалось опубликовать пьесу Владимира Николаевича. У нас была очень хорошая команда журналистов, которая ушла когда-то вместе со мной из газеты «Московские новости» в 2005 году, и мы потом работали вместе в нескольких изданиях, в том числе какое-то время на радио «Свобода», и, наконец, в начале 2012 года пришли в газету «Совершенно секретно». Это были люди, с которыми мы совершенно одинаково думали, с которыми у нас был большой опыт живой работы в газете «Московские новости», когда нам приходилось очень часто принимать нестандартные решения, делать какие-то специальные выпуски. И вот в общем разговоре:

- Войновича же сейчас никто не издаст?
- Не издаст.

- Не поставит?
- Не поставит.
- Ну, давайте мы.
- Давай попробуем.

Ну, попробовали, и удалось.

Это была странная идея, но потом я видела, как эту газету разбирали. Был митинг в поддержку политзаключенных. Зима, отвратительная погода, декабрь – слякотная московская зима. Всё это происходит на площади Трех вокзалов, в скверике. Народу прилично, наверное, около тысячи человек. И Владимир Николаевич не только подписывает каждому пришедшему экземпляр, но ещё и с каждым разговаривает. Помню, как пытаюсь как-то людям объяснить, чтобы не мучали человека, но он сам очень подробно со всеми разговаривает и участвует в этой акции от начала до конца. Ему, во-первых, было

Угол зрения, подход к тому, о чем он говорил, был удивительно глубоким, нестандартным и очень смелым.

важно поддержать людей, которые выступали в защиту политических заключенных. А, во-вторых, было важно поддержать их своим литературным произведением. И это совершенно незабываемо.

Потом наше общение практически сошло на нет. Мы время от времени перезванивались и переписывались уже в Фейсбуке. Но мы больше не встречались и не разговаривали так долго. Затем жизнь сложилась так, что я ушла из журналистики. И это <публикация Войновича> было, наверное, последним, что я успела сделать в качестве главного редактора. Это стало хорошей «точкой». После того газета «Совершенно секретно» реформатировалась, вся редакция практически ушла. Поэтому профессионально я уже не могла ничего делать.

...Владимир Николаевич был удивительным человеком. Больше всего он меня потряс тем, как он глубоко и точно мыслил. При этом он не делал из этого процесса культа, у него это получалось очень легко. Он говорил о каких-то жизненных ситуациях, но угол зрения, подход к тому, о чем он говорил, был удивительно глубоким, нестан-

Он глубоко и точно мыслил. При этом не делал из этого процесса культа, у него это получалось очень легко.

дартным и очень смелым. Ты все время понимаешь, что говоришь с человеком, который внутренне свободен, и – поверьте человеку, который в своей жизни сделал бог знает сколько интервью, – это редкое качество, когда человек ничего не изображает, а просто живет в процессе разговора с ощущением абсолютной внутренней свободы. При этом он обладал ещё и фантастической самоиронией. Он к себе всерьёз не относился: всё время посмеивался над собой, и это тоже было совершенно удивительно.

Виктория Токарева. Прозаик, сценарист. Автор сценария фильмов «Джентльмены удачи», «Мимино», «Шла собака по роялю», «Шляпа». Родилась в 1937 году в Ленинграде. Склонность к литературе проявилась в 13 лет, когда мать прочитала ей рассказ Чехова «Скрипка Ротшильда». Получила музыкальное образование: сначала в Ленинградском музыкальном училище по классу фортепиано (окончила в 1958 году), затем в Ленинградской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова. После замужества переехала в Москву. Работала в детской музыкальной школе учительницей пения, тогда же начала писать прозу, работала редактором на киностудии «Мосфильм». В 1962 году поступает во ВГИК на сценарный факультет (оканчивает в 1967 году). В 1968 году по совету Владимира Войновича публикует свой первый рассказ «День без вранья» (издательство «Молодая гвардия»); в том же году становится лауреатом премии «Золотой телёнок» «Клуба 12 стульев» «Литературной газеты» (одна из трёх первых награждённых). В 1971 году вступает в Союз писателей СССР. Среди книг – «Хэппи энд» (1995), «Вместо меня» (1995) и «Лошади с крыльями» (1996).

Виктория Токарева

Поздняя любовь

Светлана – третья жена Володи Войновича. А Володя – ее третий муж. Не так много – три смены блюда на пиршественном столе жизни.

Первый муж Светланы был начинающий врач. Сейчас он супер-специалист, живет в Лондоне.

Второй муж – Томас Колесниченко, политический обозреватель газеты «Правда». Светлана встретила его в молодые годы, ей было двадцать восемь лет – возраст любви. Не долго думая, Светлана обо всем объявила своему мужу и ушла от него навстречу новому счастью. Но Томас Колесниченко не торопился к решительным переменам. У него была семья, рос сын, к тому же политические обозреватели не разводились. Это было у них не принято, поскольку тормозило карьерный рост.

Светлана ушла от мужа в никуда. Все ее окружение не одобряло такого цыганского поступка. Светлана вполне могла сесть между двух стульев: от одного ушла, к другому не прибилась.

Но Светлана – человек цельный. Она не умела и не хотела двояться, троиться. Ее вела любовь. А любовь, когда она настоящая, – не проходит, не слабеет и никуда не девается.

Томас и Светлана поженились в конце концов.

Началась жизнь-сказка.

Светлана умеет любить. Более того, у нее талант любить.

Как правило, женщина, получив любимого человека в собственность, приватизирует его и пускает все на самотек. Жизнь идет как идет.

Светлана – другое дело. Она пашет на свою любовь, служит ей. Она становится для мужа всем: любовницей, матерью, сестрой, подругой. Живет его жизнью, не забывая о своей.

Томас купался в ее любви и платил тем же. Однажды утром он сказал:

– Давай слетаем в Париж, купим тебе шубку.

И полетели. И купили.

Для этого нужны деньги и чувство. Было то и другое. Любовь не становилась рутинной. Светлана каждый день поливала эту любовь, как цветок. И она цвела. Не вяла.

Наступили лихие девяностые. Перестройка. Развал Союза. Дефолт.

Горбачев с пятном на лбу ездит по земному шару. Его все обожают, поскольку он разрушил «империю зла».

Простенькую Раису Горбачеву Запад называет «секси». В России ее не любят. Слишком высовывается. Жена Брежнева была скромнее.

Томас Колесниченко теряет работу. Все денежные накопления сказали: «Прощайте, больше не увидимся».

Денег не хватало даже на еду. Светлана и Том едят одну гречневую кашу, правда, под разными соусами. Но надо что-то делать. И тогда в Светлане проснулись гены ее предков – великих нефтепромышленников Лианозовых. Лианозовы – богатейшие люди планеты, но все их богатство было национализировано большевиками.

Дед Светланы Мартын Лианозов отдал Ленину промыслы на Каспийском побережье.

Однажды мы ехали со Светланой по Москве. За окнами текли дома – серые, добротные, похожие один на другой.

– Это доходные дома Лианозовых, – мрачно проговорила Светлана.

В сущности, это были ее дома, но сейчас там жили российские граждане. Вот что сделала Великая Октябрьская социалистическая революция. Однако лианозовские гены перешли к Светлане по наследству, и никакая революция над ними не властна.

Светлана отрезала половину дачного участка. Построила на нем дом. И продала. Это оказались серьезные деньги. Начальный капитал. Она вложила его в ресторанный бизнес. А дальше: пошло-поехало...

Любовь – штука непредсказуемая. Но «надо ввязаться, а там посмотрим», как сказал Владимир Ильич Ленин.

Правда, Ленин имел в виду революцию.

Бизнес-вумен (деловая женщина) – это особый талант плюс непрерывный труд. Только труд удерживает бизнес на плаву.

Было невозможно себе представить, что эта спокойная, миловидная женщина – мощный предприниматель, капитан на корабле, который знает, как рулить, чтобы провести корабль сквозь рифы, не разбиться и не сесть на мель.

Томас и Светлана воспрянули материально. Можно и дальше наслаждаться жизнью, какая бы она ни была. Но с деньгами – интереснее. Деньги придают дополнительную свободу и овевают запахом богатства.

Все проходит: и плохое, и хорошее.

Однажды у Томаса заболела спина. Вызвали скорую. Приехали две коровы – медсестра и врач. Стояли в бездействии.

– Сделайте что-нибудь! – потребовал Том.

– А что? – промычали коровы.

– Ну хотя бы обезболивающий укол.

– У нас нечем.

- Анальгин в ампулах у вас есть? – спросила Светлана.
- Нет. Только в таблетках.
- А зачем вы приехали?
- Вызывали.

Томас ненавидел всякую халтуру и недобросовестность, от кого бы она ни исходила. Он взбесился и заорал на коров. Лицо Тома стало красным, он потрясал кулаками, выкрикивал гневные слова и вдруг замолчал. Обернулся к Светлане и сказал:

– Я умираю...

И умер. С ним случился адреналиновый шок, который вызывает паралич сердца.

Тома положили на диван. Прибежала домработница Оля, стала давить на грудь – делать массаж сердца.

– Не умирайте, не умирайте, – умоляла Оля.

Но Том уже не слышал. Его душа отлетела. Тело без души похоже на заколоченный дом, который не топят и в котором не живут.

Началась другая жизнь. Без любви, а значит, без смысла. У Светланы – чудесный сын и внук, но это молодая поросль, у них свои интересы и своя жизнь.

Светлана потемнела и погасла. Ничего не интересно, и есть одной не интересно. И спать одной – холодно, как в могиле.

Жизнь остановилась.

Светлане нужен был объект для любви. Любить и быть любимой – вот ее предназначение. Обмен энергиями: ее – к нему, а его – к ней. И тогда можно жить. А одиночество, когда ты никому и тебе никто, – это не жизнь, а так... непонятно что.

Светлана сидела и плакала. Слезы капали в тарелку с супом.

В это время я приходила к ней довольно часто. У меня сердце разрывалось от сочувствия. Хотелось помочь, но как?

Я вспомнила, что Володя Войнович овдовел. А чем черт не шутит?

Когда-то Светлана была ослепительно красивой, и красота не ушла бесследно. Светлана выглядела значительно моложе своего возраста. Как уставшая девушка.

В детстве Светланы был такой случай: учительница по пению поставила ей пятерку в четверти, при том что у Светланы было пол-

ное отсутствие музыкального слуха. Нуль. Ее мама – оперная певица, удивилась: откуда пятерка? Она пришла в школу и спросила учительницу:

– Почему вы поставили моей дочери пятерку? Это не педагогично.

Учительница объяснила:

– Вы знаете, на моих уроках ужасная дисциплина. Они все скачут, вопят. А Светочка молчит. Вот за это я и поставила ей пятерку. За тишину.

Тишина осталась в Светлане на всю жизнь. И лично мне это нравилось, хотя я видела, что за тишиной, в глубокой глубине – вулкан Везувий. И если он проснется, то мало не покажется. Тишина – это фон, на котором она пишет свою жизнь.

Тишина – это ум, это правильное воспитание и хороший вкус. И вообще, я не люблю шумных.

Археолог Шлиман вычислил в своей голове Трою, а потом поехал и открыл ее. Так и я: вычислила в своей голове союз Володи и Светланы. Каждый сможет дать другому то, чего у него нет.

Любовь – штука непредсказуемая. Но «надо ввязаться, а там посмотрим», как сказал Владимир Ильич Ленин. Правда, Ленин имел в виду революцию. Но любовь – это тоже своего рода революция в жизни каждого.

Я позвонила Володе второй раз с этой же идеей.

– А как ты это себе представляешь? – спросил он.

– Ты придешь ко мне на обед, и Светлана зайдет.

– И что, вы будете меня рассматривать?

– Конечно, – сказала я.

– Мне это не подходит, – отказался Володя.

– Прежде чем отказываться, надо знать от чего.

– Ну ладно. У меня будет в марте вечер встречи с читателями.

Приходите.

– Куда?

– Проспект Мира. Дом Брюсова. В семь часов вечера.

Наступил март.

Мы поехали в Дом Брюсова. Была отвратительная погода переходного периода от зимы к весне. Никому не хотелось ехать знако-

миться. Никто не верил в успех мероприятия. Но так всегда бывает перед удачей. Судьбоносные встречи происходят через «не хочу».

Мы послушали выступление. Володя был талантлив, обаятелен. Немножко старый, за семьдесят, но этот недостаток скрашивался умом, иронией и переставал иметь значение.

После выступления Володя подошел ко мне, коротко глянул на Светлану и сказал:

– Поехали в ресторан.

Значит, она ему понравилась.

Светлана стояла тихая, застенчивая, в голубой кофточке фирмы «Прада».

– Я сейчас остановлю такси, – предложила девушка, ответственная за вечер.

– Не надо, – сказала Светлана. – Я на машине.

Мы вышли из Дома Брюсова. Машина Светланы стояла большая, округлая. В середине строгий шофер.

Это было эффектное зрелище. Абсолютная сказка: сумерки и карета-тыква.

Володя ловко влез на заднее сиденье и вжался в кресло, обитое белой кожей.

На Володе – тяжелое ратиновое пальто. Ратин – материал прочный, почти вечный, поэтому у Володи он задержался. Сейчас носят другие материалы – твид, кашемир. Ратин вышел из моды, если я не ошибаюсь.

Позже Светлана меня спросила:

– Тебе не кажется, что его пальто надо отпарить?

– Мне кажется, его надо выбросить в мусорный бак, – ответила я.

На Володиной голове сидела кепчонка. Голова у него большая, нужный размер подобрать трудно, поэтому кепка была мала и сидела на макушке.

Мы набились в машину, прихватив с собой девушку – устроительницу вечера, и отправились в ресторан Дома литераторов.

Вечеринка прошла оживленно.

Светлана помалкивала. Володя следил за ее реакциями. Они ему нравились. И Светлана нравилась. Она вообще имела свойство нравиться мужчинам.

Володя пригласил Светлану в театр. Во МХАТ.

Светлана согласилась с некоторым энтузиазмом. Против МХАТа находился ее ресторан. Она поняла: можно будет просверкнуть.

Дальнейшее происходило без меня.

Они пошли в театр. Посмотрели спектакль. Потом зашли в ресторан Светланы. Официанты кинулись к хозяйке, выразили почтение. Потом начали метать на стол деликатесы. Светлана знала, что надо заказать.

Голодный Володя отведал карпаччо, паштеты, рыбу, которую до революции называли «белорыбца».

И помня, что к концу мой путь, / Надеюсь все же
постараться, / Еще немного, хоть чуть-чуть / На этом
свете задержаться.

Володя ел и урчал, как кот. Это тебе не сардельки, которые мы ели в кафе на мосту.

Все кончилось тем, что Света и Володя съехали для дальнейшего совместного проживания. Это произошло довольно быстро.

Мы с Володей стали соседями. Жили на одной улице, которая называлась Восточная аллея. Он – в начале аллеи, я – в конце.

Ратиновое пальто Светлана не стала отпаривать. Она его выкинула в мусорный бак. Затем они с Володей отправились в универмаг «Москва» и купили ему весь гардероб: повседневное, выходное, спортивное. Далее был приглашен парикмахер. Володю перестригли и переодели, и я увидела перед собой преобразенный образ. Если раньше это был солдат Иван Чонкин, то сейчас – стареющий миллионер Алекс (не помню, откуда взяла этот персонаж). Элегантный, респектабельный, дорогой ненавязчивый парфюм, приятно обнять.

Этот новый облик ему шел. Самому Володе было все равно как выглядеть. Светлана преобразила его для себя, чтобы легче было любить. И она его любила. Иначе она не могла бы жить с человеком под одной крышей.

Красивые, богатые и счастливые, они садились в свою машину и ехали куда-то в гости. Их все хотели видеть.

Это был хороший период. Может быть, даже лучший во всей Володиной жизни.

Володя отразил это в своих стихах:

*Я жил нигде, я был ничей,
Немыт, небрит и неухожен.
О, Света, свет моих очей,
Кто мне послал тебя? Похоже,
Ответ на сей вопрос не прост,
Но и не сложен, потому как
Случайное схождение звезд
Астрономической наукой
Покуда не подтверждено.
А что же это значит? Значит,
Что то, что было суждено,
Сложиться не могло иначе,
Как не могло и в срок другой.
И потому-то наша встреча,
Определенная судьбой,
Была отложена на вечер.
Но чем позднее, тем нежней
Любовь бывает и теплее.
О, Света, свет души моей,
Гляжу я на тебя и млею.
И помня, что к концу мой путь,
Надеюсь все же постараться,
Еще немного, хоть чуть-чуть
На этом свете задержаться.*

Светлана сделала пристройку к дому. У писателя должен быть свой кабинет. На втором этаже – мастерская художника. Володя пишет картины. У художника должно быть свое пространство, где он создает и хранит свои полотна.

Далее Светлана строит Володе крытый бассейн. Володя не молод, за здоровьем надо следить, а что может быть полезнее, чем ежедневное плавание?

Домработница готовит диетическую еду из первоклассных продуктов. Володя тоже вносит свой вклад. Гонит самогон. Он умеет, но как... Самогон чистый, как слеза, и пьется легко, как воздух. И не пьянеешь, только лучше видишь и лучше слышишь. Сосуды прочищаются.

Но главное – не жизненные удобства. Главное – любовь.

*И судьбе опять скажу спасибо
За подарок мне в конце пути.
Не могу представить, что могли бы
Мы с тобой друг друга не найти.
Жил бы я как бедная тетеря,
Был бы быт мой скучен и убог.
Говорят, что в бога я не верю,
Но любовь, я верю, это Бог.*

Володя влюблен. Я это видела своими глазами. Однажды мы пошли гулять втроем. Светлане понадобилось отойти к подруге. Она удалилась. И Володя вдруг сдулся, как воздушный шарик, который проткнули. Ему все стало неинтересно и не нужно: ни берег реки, ни небо, ни тропинка под ногами. Ничего.

Завистники шуршали за спиной, дескать, Володя – примак. Примаком называли в деревне мужика, который проживал у жены. Это считалось стыдным.

Зависть – как вирус. Охватывает людей и треплет. Можно понять: наше поколение доживает, а Светлана и Володя – живут полноценно и молодо.

Не хватало общих детей. Завели собаку. Порода – джек-рассел-терьер. Назвали Ньюша. Володя не спускал ее с рук. Ньюша – красавица, все понимающая. С ней можно разговаривать. Она реагирует ушами. Володя связан с ней душевно и тактильно. Все время гладит.

В любви к Ньюше сказывалась потребность во внуках, но внуков не было. У Володи – трое детей. Никто не обзавелся семьей.

Старшая дочь Марина умерла рано. Ей было едва за сорок. Подробности не знаю. Знаю только, что она вышла на балкон, ей стало плохо, она упала и умерла. Сквозняк прикрыл балконную дверь, Ма-

рину долго не могли найти. Квартира пуста, выйти на балкон никому не приходило в голову.

Паша – брат Марины – пришел в очередной раз, потянул балконную дверь. Она открылась. На балконе лежала мертвая Марина, запорошенная снегом. Паша заплакал.

Хоронили Марину втроем: Володя, Светлана и Паша.

Среди прочих талантов у Светланы доминировал талант любви. Что это значит? Жить жизнью любимого человека, учитывая все его изгибы. Она подобрала Володю, как замерзшую птицу. Отдышала его, отогрела, положила за пазуху, и он воспрянул для жизни. Живи и радуйся. И время не властно.

Светлана тщательно следила за здоровьем мужа. Встала необходимость удалить желчный пузырь. Светлана привезла Володю в Центральную клиническую больницу.

Прошли в палату. Расположились. Володя первым делом достал рукопись, подключил компьютер. Высыпал на стол гигиенические принадлежности: мыло, зубная паста, крем для бритья.

Явился врач – грубоватый хирург. Коротко глянул по сторонам и сказал:

– Мужчина, что вы раскидали свое барахло? Нельзя аккуратно сложить? Вы все-таки не дома, мужчина.

Светлана свирепо поглядела на хирурга и вышла из палаты.

Нашла кабинет главврача.

– Мы от вас уходим, – объявила она главврачу.

Тот ничего не понял.

– Войновича знает весь мир. Что, трудно выучить его имя-отчество? Владимир Николаевич его зовут! Легко запомнить: Владимир Николаевич, а не «мужчина», как в очереди за водкой. Никакого уважения. Противно находиться. Мы уходим. До свидания.

Она вышла и хлопнула дверью.

Неуважение к себе она бы легко снесла, но Володя...

Главврач тут же позвонил хирургу по телефону и сделал ему втык. С потерей пациента больница теряла немалые деньги, так что хирург получил двойной втык – за хамство и за материальный ущерб.

Когда Светлана вернулась в палату, хирург был смущен.

– Мы уходим, – сказала Светлана.

– Да что вы в самом деле... Какая вам разница, «мужчина» или «Владимир Николаевич»? Я хирург – золотые руки, я сделаю вам операцию, и вы уйдете домой. Ведь это главное, а не цирлих-манирлих. Что вы цепляетесь к ерунде?

Хирург не мог себя перестроить на нужную интонацию. Хирурги – люди конкретные и грубые. Они привыкли резать и ремонтировать людей, как машины. Светлана собрала «баракло», прихватила растерянного Володю и покинула «кремлевскую больницу». Определила в другую больницу, тоже хорошую. Обеспечила определенные условия: отдельная палата, суперхирург.

Операция прошла успешно. Светлана восстанавливала Володю, настраивала его как рояль, добиваясь чистого звучания.

Однажды мы со Светланой поехали в Марианске-Лазне¹. На водопой. Там какие-то особые целебные воды.

Политические обозреватели не разводились. Это было у них не принято, поскольку тормозило карьерный рост. S

Володя в это время находился в Мюнхене, навещал дочь. И вдруг, или не вдруг, он сел на машину и рванул в Марианске-Лазне¹. Дорога занимала пять часов. У Володи больная спина. Больной спиной писатель расплачивается за годы сидячей работы.

Володю не смутили пять часов за рулем в одной позе. Он полетел на крыльях любви, как молодой тетерев в брачный период. И приехал ближе к вечеру с окаменевшей спиной. Еле разогнулся. Спрашивается, зачем было ехать? Все равно через неделю они вернулись бы в Москву. Мне не понятно. А ему понятно. Бывает, что заключенный бежит из тюрьмы за месяц до освобождения. Своим побегом он серьезно увеличивает срок заключения, но не может дождаться. Так и Володя. Не мог дождаться.

У Тютчева есть строчки: «О, как на склоне наших лет нежней мы любим и суеверней...». Это совпадает со строчками Владими-

¹ Город в Чехии.

ра Войновича: «Но чем позднее, тем нежней любовь бывает и теплее».

Видимо, обоих поэтов настигла поздняя любовь и они знают, о чем говорят.

Единственная ложка дегтя в бочке меда – ревность дочери Оли. Она хотела, чтобы отец принадлежал только ей и больше никому. Казалось бы, дочь должна радоваться счастьем отца. Но нет. Оля воспринимала новый брак как предательство. Отец изменил ей и ее матери. Он должен был остаться верен памяти Ирины. Оля всеми силами старалась выдрать отца обратно. Володя страдал. Он обожал свою дочь, но и без Светланы жить не мог и не хотел.

Светлана изо всех сил старалась понравиться Оле, дарила ей дорогие подарки, принимала в своем доме. Но Оля была неподкупна. Подарки брала, а спасибо не говорила. Держала дистанцию.

Светлана не из тех, кто будет прогибаться. Она себе цену знала. И если Оля не воспринимает Светлану, то и Светлана ответит тем же. В воздухе повисла холодная война.

Однажды Светлана проснулась среди ночи. Мучила жажда. Она спустилась со второго этажа и увидела Володю. Он сидел за обеденным столом и плакал.

Ночь. Пустой дом. Седой, плачущий старик.

У Светланы перевернулось сердце. Она любила Володю, но как можно соединить несоединимое?

Неродные дети – неудобство повторных браков.

У Чехова есть повесть «Рассказ неизвестного человека». В повести герой-революционер должен убить генерала Орлова и для этого селится у его сына под видом слуги. В жизни героя происходит много событий: любовь, болезнь, рождение ребенка, чужого, но бесконечно любимого. Все это меняет героя, и он уже не хочет быть революционером, не хочет никого убивать. Он жаждет простого мечтательского счастья. Жить – и больше ничего.

Нечто похожее могло случиться и с Владимиром Войновичем. В прошлой жизни он был правозащитником, рисковал, был выдворен из страны. Сейчас – другое время. Володя постарел, живет в раю, плавает в бассейне, любит и любим. Зачем ему рисковать, тем более в его третьем возрасте? Не хватает, чтобы его кинули на нары.

На дворе – другое время. Прежних безобразий нет. Но есть новые.

Я задавала себе вопрос: проявится ли его социальный характер или уйдет в прошлое, как у чеховского героя?

Проявился. Володя – тот же, что и был. У него потребность изменить мир к лучшему. Восстановить справедливость. Он совершенно не выносит несправедливости, а она была, есть и будет.

Казалось бы, сидишь за забором и сиди. Пиши свои книги, тем более у тебя есть кабинет. Рисуй свои картины – у тебя есть мастерская. Никто тебя не трогает, и ты никого не трогай. Но это не для Войновича. Он пишет свои поздние книги: «Малиновый пеликан», «Фактор Мурзика».

Володя миновал восьмидесятилетний рубеж, но пишет. Батарея в нем еще чикает. Энергия не иссякла. Творчество – своего рода наркомания. Подсаживаешься и уже не можешь слезть с этой божественной иглы.

«Малиновый пеликан» – это памфлет для промывания мозгов. «Фактор Мурзика» – то же самое. Владимир Войнович вскрывает язвы нашей жизни, ведь кто-то должен это делать. И Войнович берет на себя привычную миссию правозащитника.

Таких людей уважают и ценят. Войновича приглашают в другие города, на другие континенты. Он ездит, собирает залы.

Власть его не преследует, но и не поощряет.

На юбилеи значимых лиц, как правило, присылают телеграмму за подписью президента. Володя получил телеграмму за подписью второй леди, поскольку первой у нас нет.

Светлана Медведева, жена второго лица в государстве, прислала Войновичу вежливое сдержанное поздравление. Войнович ответил второй леди, как частному лицу, называя ее «Светочка». Это все равно, как если бы английскую королеву называли «Лизонька».

Текст ответного письма он опубликовал в «Фейсбуке», каждый, кто хотел, мог прочитать.

У меня характер не социальный. Я стою в стороне от политики, я мало что в этом понимаю. Но если бы все были такими, как я, общество не могло бы развиваться, продвигаться вперед.

У Максима Горького был герой по имени Данко, который разрывал грудь, поднимал свое сердце, как факел, и вел народ к свободе. Задолго до Горького жил такой парень – Спартак, который тоже вел рабов к свободе.

Видимо, во все времена нужен кто-то, кому не все равно, кто не сидит за забором.

Еще существовал неугомонный Моисей, который сорок лет водил евреев по пустыне и вывел к Земле обетованной.

Владимир Войнович, конечно, не Моисей и не Спартак, но он – Войнович. Правозащитник, в одной связке с Сахаровым.

Такие люди необходимы в обществе, тогда в него поступают чистые струи, и оно не становится болотом. В противоположном случае – стагнация. Мы это уже проходили.

У Владимира Войновича было трое детей. От первого брака Марина и Паша. От второго – Оля.

Марину я никогда не видела, Пашу знала хорошо. Мы познакомились с ним на фестивале «Кинотавр». Володя был приглашен на этот праздник жизни и взял Пашу с собой.

Фестиваль проходил в Сочи, в первые две недели июня. Солнце, море, красивые актрисы, суета сует и ярмарка тщеславия. Пьющие пили, гуляющие гуляли, деловые люди запускали новые проекты.

Воздух был напоен морем, сексом, вспыхивали романы, многие из которых заканчивались свадьбами. Я ездила на «Кинотавр» каждый год, иногда как член жюри, чаще как гость.

С приходом Ельцина финансирование увяло. Я помню, как Олег Янковский в белом костюме сидел возле телефона и обзванивал банки, просил деньги на открытие фестиваля. Денег не дали.

Банкет выглядел позорно. Столы накрыли как для бомжей: молодая картошка – по три штуки на брата – и шпротный паштет. Все.

Шпротный паштет – это головы и хвосты, перекрученные через мясорубку. Это даже не шпроты. От шпрот – только запах.

Столы ставили на пять человек. За моим столом сидел знаменитый хирург К. Он был приглашен как ВИП – особо важная персона. В ожидании банкета никто не обедал.

Я помню глаза этого хирурга при виде угощения. Они у него вылезли на лоб и там и остались. На лбу.

Кинофестиваль – это государство в государстве. Есть своя элита и свои неприкасаемые, в том смысле, что к ним не хочется прикасаться. Их по-разному селят в гостинице, по-разному кормят.

Есть дорожка славы, буквально как на Каннском фестивале.

Но вернемся к Паше. Паша очень походил на своего отца, точно с таким же голосом и манерой говорить. Вылитый отец – минус его талант и минус его заработки. Единственный козырь – сын Войновича.

С этим своим единственным козырем он влюбился в актрису Наташу Е. У Наташи была большая грудь, как два футбольных мяча. Она не скрывала свое богатство и расстегивала на кофточке пять верхних пуговиц.

Паша сошел с резьбы. Неотступно следовал за Наташей, не в силах отвести от нее страждущих глаз. Наташу сместила Пашина самоуверенность. Где он? И где она?

Наташа ждала арабского шейха с нефтяными скважинами и с пригоршней бриллиантов, а не стодвадцатирублевого архитектора.

Владимир Войнович говорил: «Гордиться своими предками так же глупо, как и своей национальностью.

Но знать свою родословную по крайней мере интересно».

Паша страдал. Я его поддерживала. Я говорила:

– Ну что, ты не найдешь себе такое же вымя?

– Такое нет, – серьезно отвечал Паша.

Ирина, жена Володи, ходила мимо Паши с каменным лицом. Паша в ее глазах практически дворняга, сын беспородной Болтушкиной.

Паша все чувствовал и страдал. Его накрывала низкая самооценка, а ничто так не ранит в молодые годы, как низкая самооценка. Развивается комплекс неполноценности.

Фестиваль подошел к концу.

Праздновали закрытие. Для этой цели выкачали всю воду из бассейна. Разместили в яме маленький оркестр. В пустом бассейне устроили танцы.

Я подошла к краю бассейна, увидела пляшущего Пашу.

Он справлял свое поражение. Это был танец-отчаяние. Паша прыгал, как ребенок, махал над головой руками. Вокруг него ловкие мажоры красиво крутили телами. Их жизненная дорога шла в гору. У них было прекрасное настоящее и будущее. А Паша – подранок. Ни настоящего, ни будущего. Все жизненные успехи вычерпал знаменитый отец. А Паша – просто сын Войновича. И это все.

Он махал над головой руками, как будто отгонял пчел. Неловко скакал и при этом смотрел вниз, под ноги. Он не знал себе цены и был глубоко несчастен, особенно в минуту всеобщего веселья.

После смерти старшей сестры Паша переехал в ее трехкомнатную квартиру. Свою однокомнатную продал. На вырученные деньги купил маленькую квартирку в Черногории, на берегу моря. Его манили корни предков.

Владимир Войнович говорил: «Гордиться своими предками так же глупо, как и своей национальностью. Но знать свою родословную по крайней мере интересно».

Паша тщательно изучил свою родословную, начиная с 1325 года. Родоначальником фамилии был некто Воин, зять сербского короля Стефана Дечанского.

Воин был самой важной персоной в роду, но и после него были люди, прославившиеся на том или ином поприще. Иво Войнович – самый известный сербский писатель и драматург. Были также генералы, адмиралы и даже венецианские дожи.

Марко Иванович Войнович – один из основателей Черноморского флота. Екатерина II его высоко ценила.

Паша погрузился в историю своего рода. Он водил экскурсии, читал лекции. Его знал весь город. Пашу уважали. Гордились его присутствием.

Паша полюбил свою новую жизнь. Его самооценка выросла. Прошлая жизнь ушла в прошлое.

Время от времени Паша приезжал в Москву, навещал отца.

Паша стал красивее, чем в молодые годы. Он похудел и загорел. Я не понимала, почему он одинок. Я его спрашивала:

– В чем твое счастье?

– Утром выхожу из дома. Лето. Пальмы. Море. Вот и счастье.

Паша не женился, не завел семьи. Видимо, не нашел такую же грудь, как у Наташи. Такие действительно трудно найти.

Паша питался свежей недавно пойманной рыбой, дышал морским воздухом, пил чистую воду. Работал как архивариус, погружался в историю, как в науку, не вылезал из компьютера. Эта жизнь ему нравилась и казалась гармоничной, как чистая вода.

Приезжая в Москву, Паша останавливался у Светланы. Светлана ему очень нравилась – закрытая, скромная, красивая.

Каждое утро появлялся шофер и увозил Светлану куда-то в зиму, в осень, в весну. Вечером она возвращалась. Где была? Что делала? Никто не спрашивал. Она не рассказывала, но очевидно, что рулила, руководила, проверяла. Если ослабить бдительность, разворуют в одночасье.

Паша восхищался Светланой как личностью и был благодарен за отца, в отличие от Оли. Третий возраст Володи протекал в раю. Вся жизнь в доме подчинялась его интересам. Такого не было раньше никогда. С Валею – нищета. С Ириной – эмиграция. И только со Светланой – покой, творчество и любовь.

Паша радовался за отца, а Оля – злилась. Почему? Оля росла залюбленной, заласканной, – все для нее. И отец – для нее. А Паша выживал, как волчонок в лесу. Ему не на кого было рассчитывать ни в юности, ни в зрелости. Паша любил отца как человека, как отдельную личность, а не как бесплатное приложение. В глубине души Паша обижался на отца за несправедливое распределение любви к своим детям: Оле – все, а ему, Паше, – объедки со стола. Иногда он озвучивал свою обиду. Володя оправдывался. Писал Паше письма. Зависел душевно. Страдал.

Через какое-то время Паша уезжал в свою Черногорию к своим предкам. Их накопился целый взвод, с ними было очень интересно, гораздо интереснее, чем с живыми современниками. Черногория – мир Паши и его место на земле.

В одно хмурое утро Светлану разбудил телефонный звонок. Звонил представитель российского посольства в Черногории и сообщил, что Павел Владимирович Войнович скончался. Вскрытие показало: инфаркт.

Светлана едва удержалась на ногах. Через час из своей комнаты вышел Володя. Они, как правило, вместе завтракали, пили кофе.

Володя посмотрел на Светлану и спросил:

– Что-то случилось?

– Плохие новости, – ответила Светлана.

– Нюша? – испугался Володя. – Она попала под машину? Ее загрызла большая собака? Что? Не молчи...

– Паша умер, – выговорила Светлана.

Володя закричал.

Бывает, что заключенный бежит из тюрьмы за месяц до освобождения. Своим побегом он серьезно увеличивает срок заключения, но не может дожидаться. Так и Володя. Не мог дожидаться.

На другой день выехали в Черногорию. Надо было забрать тело, Володя хотел похоронить сына в Москве. Но Светлана уговорила мужа похоронить Пашу в Черногории. На городском кладбище стояла усыпальница Войновичей, и было логично упокоить там потомка великого рода.

Паша сам по себе не был великим продолжателем фамилии, но это не важно. Потомок – есть потомок.

И еще одно обстоятельство: Светлана хотела оставить тело на месте. Везти его с собой – значило длить Володины страдания. А он страдал безмерно. На него невозможно было смотреть.

Светлана видела состояние мужа и старалась уберечь его. Не пустила на опознание. Пошла сама. Одна.

Ее провели в какой-то темный холодный подвал, который трудно назвать моргом. Нечто запущенное, жуткое, средневековое.

Стали выдвигать ящики с трупами. Светлана увидела знакомый затылок и сказала:

– Паша...

Ее вывели из морга. И вдруг Светлана засомневалась: а он ли это?

Пришлось идти второй раз. Ее никто не сопровождал. Пришлось все делать самой: выдвигать и разглядывать.

После этого Светлана еле стояла, еле дышала, но все довела до конца: опознала, купила дорогой лакированный гроб, в таких гробах хоронят президентов. В этом широком жесте Светлана выразила уважение к Пашиной жизни и свою любовь к Володе.

Когда дело дошло до погребения, выяснилось, что вход в усыпальницу узкий. Гроб не влезает.

Рабочие ритуальной службы живо нашли решение: они вытряхнули тело Паши из гроба, вложили тело в пластиковый черный мешок и засунули в фамильный склеп. Гроб остался в стороне.

Рабочие знали, что с ним делать: вернуть обратно, а деньги поделить между собой.

Светлана с ужасом смотрела на происходящее. Что-то пыталась сказать, но ее не понимали либо делали вид, что не понимают.

Володя, к счастью, ничего не видел. Он стоял в стороне, беседовал с мэром города. Мэр приехал, чтобы встретиться с московской знаменитостью, выразить соболезнования.

Вернулись в Москву. Светлану преследовала мысль: почему нельзя было вырыть могилу рядом со склепом и похоронить нормально?

Бедный Паша... Ему не везло всю жизнь и после жизни. Он как будто притягивал к себе неудачи.

Нюша встретила Володю с восторгом. Она неотступно бегала за ним и что-то выговаривала на собачьем языке. Я думаю, она говорила: «Как ты мог так долго отсутствовать, когда я ТАК тебя люблю...».

Позвонила Оля и потребовала, чтобы отец прилетел в Мюнхен. Володя попросил отсрочку, но Оля настояла. Она не привыкла к слову «нет». Смерть брата ее не впечатлила, они практически никогда не общались.

В Мюнхене Володя слег в больницу с воспалением легких. Его иммунитет был подорван и не справлялся с болезнью. После больницы Володю отправили на реабилитацию. В Германии медицина сильнее, чем в России, и Света была относительно спокойна за Володю.

Володя скучал. Просил Светлану приехать. Она приехала в Германию и какое-то время провела с Володей в реабилитационном центре. Светлана думала, что центр – это храм, но оказалось – бо-

гадельня: старые немцы на инвалидных колясках. Тем не менее, Володю подлечили, подремонтировали. Он чувствовал себя неплохо.

Вернулись в Москву.

Стояла золотая осень. В доме – окно во всю стену. Стекло вымыто до блеска, и казалось, что стекла нет вообще. Золотая осень стояла прямо в комнате.

Творчество – своего рода наркомания.
Подсаживаешься и уже не можешь слезть с этой божественной иглы.

Какое счастье оказаться дома...

У Светланы в это время гостила десятилетняя внучка Сашенька. Ангел. Она бегала по дому, стуча пяточками. Нюша лаяла. Светлана мягко журчала по телефону. Привычная жизнь возвращалась в дом.

Володя уткнулся в компьютер. Неожиданно у него закружилась голова.

– Я вызову врача, – предложила Светлана.

– Не надо, – отказался Володя. – Мне лучше.

Светлана все-таки вызвала поселкового врача, который обслуживал наш дачный поселок и жил неподалеку.

Володя лег на диван и потерял сознание.

Соседка, зашедшая в гости, подскочила к Володе, стала массировать его сердце. Умоляла: «Не умирай...».

Володя не слышал.

Сашенька подбежала к любимому Володе, обхватила его голову и стала целовать лицо. Слышал ли Володя эти прикосновения или ему казалось: это ангелы ласкают его, встречая? А может быть, Володя искал глазами Пашу. И нашел. И шел к нему, улыбаясь. И Паша тоже был рад. Он все простил отцу. Сбросил груз с души.

Врач все не появлялся. Потом позвонил и сказал:

– Я заблудился. Я забыл, где вы живете.

– Он уже умер, – глухо сказала Светлана и положила трубку.

Врач чертыхнулся и пошел домой.

Гроб выставили в Доме литераторов.

Народу собралось много. Толпа. Я пыталась разглядеть хоть одно официальное лицо. Тщетно.

– Никто не пришел, – сказала я соседке.

– Они не ходят, – отозвалась соседка.

Ходят, еще как... Но к Войновичу не пришли. Хорошо еще, что дали умереть своей смертью.

Но ведь Войнович – это эпоха. Какой смысл обижаться на эпоху? Могли бы и прийти. Но Володе это – безразлично. И раньше было все равно, а теперь и подавно.

Похороны прошли тепло и торжественно одновременно. Люди – цвет нации. Речи – глубокие и умные, а не казенное блабла... Искренние слезы. Изысканные поминки.

Как говорил Чехов в рассказе «Учитель словесности», «дай бог всякому так помереть».

Светлана смотрела на свой диван. Точно так же, как Володя, умер на этом диване Томас Колесниченко пятнадцать лет назад. Так же быстро, за полчаса.

Казалось, что диван – не просто диван, а какой-то монстр, который забирает ее любимых людей. Светлана решила его выбросить, но потом передумала и отдала в перетяжку. Диван обтянули коричневой замшей. Он стал другим. Как и ее жизнь...

Нюша сидит у порога и терпеливо ждет Володю. Она уверена, что он вернется. Не может не вернуться, когда она ТАК его любит...

Людмила Улицкая. Писательница, переводчик и сценарист. Первая женщина – лауреат премии «Русский Букер» (2001). Лауреат премии «Большая книга» (2007, 2016). Произведения Людмилы Улицкой переведены на 25 языков. Общественный деятель, учредитель «Лиги избирателей». Родилась 21 февраля 1943 года в городе Давлеканово (Башкирия). Окончила биофак МГУ им. М.В. Ломоносова; работала в Институте общей генетики АН СССР, затем (с 1970 года) – завлитом Камерного еврейского музыкального театра; писала очерки, детские пьесы, инсценировки для радио, детского и кукольного театров, рецензировала пьесы и переводила стихи с монгольского. Публиковаться начала в конце 1980-х годов; популярность к писательнице пришла после выхода на широкий экран фильмов, снятых по ее сценарию, – «Сестрички Либерти» (1990, режиссёр Владимир Грамматиков) и «Женщина для всех» (1991, режиссёр Анатолий Матешко). Повесть «Сонечка», впервые опубликованная в «Новом мире» в 1992 году, вскоре, в 1994 году, была признана во Франции лучшей переводной книгой года и принесла автору французскую премию Медичи. Во Франции же вышла и первая книга писательницы – сборник «Бедные родственники» (1993) на французском языке. В 2007 году учредила Фонд своего имени по поддержке гуманитарных инициатив. Участница конгресса «Украина – Россия: диалог» (24–25 апреля 2014 года, Киев). Критически оценивает ситуацию внутри России.

Людмила Улицкая

Просто писатель

Мы познакомились с Владимиром Войновичем в то время, когда «Иванькиада» уже отгремела, и жил он уже не в той, честно отвоеванной, а в следующей, трехкомнатной, обменявши ту, «иванькиадовскую», на квартиру нашей общей подруги, уехавшей в эмиграцию. Я тоже обитала в том писательском кооперативе, но статус мой был самый низкий из всех возможных – я была жена сына советского писателя, к тому же уже разведшаяся с этим сыном. Хотя к этому времени я уже пару раз в силу соседской близости по-

сидела в застолье с писателями и другими знаменитыми людьми, но место мое было обычно возле раковины – я ловко мыла посуду.

О том, чтобы вступить в Союз советских писателей, я и не мечтала, да дети мои и так ходили в писательский детский сад, поскольку были внуками совписа. Да и кто б меня туда взял? А денег, скажем, на путевку в какой-нибудь дом творчества все равно не было.

Первый раз в дом Войновича меня привела его жена Ира, с которой мы иногда сидели в писательском дворе, наблюдая за нашими детьми, строившими кулича в одной песочнице. Ира была очаровательная. Она была учительницей литературы в школе, и ученики ее обожали вместе с той литературой, которую она отлично преподавала.

Тогда же произошла великая история с иринными родителями, которых я хорошо помню. Они ходили к дочке всегда вдвоем, с кошелками, как полагается хорошим родителям. Однажды ирину маму положили в больницу, не помню точно, кажется с инфарктом, и ирин отец с той же кошелкой с продуктами поехал ее навещать. И умер по дороге, в метро. В этот же час его жена тоже умерла в больнице, но они так и не узнали о смерти друг друга. Реализовалось сказочное присловье – жили долго и счастливо и умерли в один день...

С Володей, с которым мы к тому времени уже несколько раз выпили на брудершафт, дружеское «ты» у меня как-то не получалось. О литературе у нас никогда никаких разговоров не было. Я в то время тихо ковыряла пером и что-то сочиняла... К тому же, признаюсь, я с моей «антисоветской сущностью» не слишком восхищалась ни «Чонкиным», ни «Иванькиадой», и мощное дарование Войновича оценила позже. Он был в те годы для меня все же «совписом», проходящим по грани разрешенного и иногда эту границу перешагивающего.

Владимир Войнович был человеком одаренным, умным,
дерзким и свободным.

Позднее, еще при жизни Иры, я навещала их в Мюнхене. Это были годы его нарастающего разлада с Солженицыным, и его яркая книга «Москва 2042» еще не была опубликована.

А потом он вернулся, и снова – на «Аэропорт», правда, уже не в писательский дом, а по соседству. Иры не было. Она рано умерла. Он сильно горевал.

Вскоре женился, переехал за город, и наша последняя встреча была уже на его похоронах, в Доме писателей. В том самом доме, где его гнобили, проклинали, оплевывали. Приехала из Германии его дочь Оля, которая стала немецким писателем. Было ужасно грустно.

Он любил свою родину, «Москореп», которую здорово смешно придумал, но оказался пророком. И лучше бы он не был столь проницательным.

Владимир Войнович был человеком одаренным, умным, дерзким и свободным. И любил свою родину, «Москореп», которую здорово смешно придумал, но оказался пророком. И лучше бы он не был столь проницательным.

Вымерли почти все совписы тех времен. Во всем нашем доме, в моем подъезде живет один, последний. Настоящий советский писатель. А Войнович был просто писатель, и это славное прилагательное автор «Пыльных тропинок» с себя сбросил самым смелым жестом.

Яков Уринсон. Российский экономист, государственный и общественный деятель. Министр экономики Российской Федерации (1997–1998). Советник председателя правления АО «Роснано», член правления Фонда инфраструктурных и образовательных программ. Руководитель ревизионной комиссии Российского еврейского конгресса. Родился 12 сентября 1944 года в Москве. Окончил факультет экономической кибернетики Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (1966), кандидат экономических наук (1970), доктор экономических наук (1980). Заслуженный профессор НИУ «Высшая школа экономики».

Яков Уринсон

Удивительный человек

Имя Войновича я услышал очень давно, в далекое советское время, когда еще на «папиросной» бумаге читал «Чонкина». Бумагу такую использовали, потому что можно было заложить в пишущую машинку двенадцать экземпляров, а не пять-шесть, как с обычной бумагой. Некоторые умудрялись и больше печатать, если хорошая машинка была – закладывали и по пятнадцать листов. Поэтому использовали такую бумагу. Потом каждый экземпляр собирали в папочку. Некоторые шивали, делали специальную безымянную обложку, чтобы можно было читать в метро, и было бы незаметно, что это самиздат. Как правило, такие самиздатовские книжки передавались только через друзей и хороших знакомых. И, естественно, все, что попадалось тогда в руки из Войновича, было прочитано взахлёб. У меня был близкий старший товарищ, года на три постарше меня – Марк Барбакадзе, который следил за самиздатом и снабжал нас. Он и дал мне читать Войновича. Сам Марк был в полном восторге, мы все тоже – весь наш круг, с кем общались. И потом, <в лучшие времена>, все, что выходило из Войновича на русском языке, я прочел, у меня дома все есть, а последние его книжки – с автографами. Но я до сих пор нахожу в его книгах что-то новое. У меня

есть и книга его стихов, тоненькая, с картинками. Недавно нашёл совершенно потрясающие строки о текущем, и настолько точно, что не в бровь, а в глаз. Прочитую первые: «Мы всё плывем, но всё не там, / Где надо по расчетам...». Все его произведения, на мой взгляд, и с точки зрения общественно-политической жизни страны, и с точки зрения литературы – высший пилотаж.

Лично мы познакомились лет десять назад. На каком-то общественном мероприятии Владимир Николаевич сам ко мне подошёл и сказал, что читал (или слышал) мое выступление. Они были вдвоём – с супругой Светланой, и он захотел со мной переговорить. Я работал тогда в РАО «ЕЭС», и мы договорились встретиться на Профсоюзной, недалеко от моей работы. А после того стали часто общаться – встречаться, перезваниваться. Безо всяких событий, просто так. Выяснилось, что он к Черногории имеет прямое отношение. А я очень люблю эту страну, часто там бываю, и мы потом вместе туда ездили. Он мне рассказал, среди прочего, что он – Войнович, а не ВойнОвич.

У Владимира Николаевича была такая особенность, что он как-то легко входил в любую тему, в любой разговор. Скажем, я рассказывал что-то по своей работе – он активно участвовал в обсуждении. Иногда вспоминали и обсуждали реформы Гайдара, приватизацию,

Все его произведения, на мой взгляд, и с точки зрения общественно-политической жизни страны, и с точки зрения литературы – высший пилотаж.

реструктуризацию электроэнергетики, и он вникал в каждую деталь. В частности, расспрашивал меня, как устанавливаются тарифы на электроэнергию, как регулируется загрузка электростанций, принадлежащих разным собственникам. Удивительно любознательный был человек. Иногда он просто так мне звонил после того, как прочтет какую-нибудь статью или сообщение, и спрашивал: «Как вы к этому относитесь?» Вместе мы могли обсуждать самые разные темы. Помню, как-то мы с ним обсуждали футбол. Я за «Спартак» болел. Он спрашивает: «А почему вы за “Спартак” болеете?» А я ему рассказываю, что дед мой был когда-то в ссылке на северах и там

тесно общался с одним из братьев Старостиных – основателей футбольного клуба «Спартак». С тех пор вся наша семья болеет только за «Спартак». И вот так Владимир Николаевич вникал буквально во все, в том числе и в футбол. Но, конечно, больше всего его интересовало то, что в нашей стране происходит. Причем не столько большая политика, сколько жизнь обычного человека.

У меня тоже возникало к нему много вопросов. Например, когда он писал свой «Автопортрет». Он иногда давал мне читать какие-то кусочки оттуда – узнать от меня, насколько актуально получается или нет. Я говорил тогда: «Володя, пишите все». А давать какие-то оценки мне и в голову не приходило. Он сам к себе очень критически относился – по-моему, это редкое качество. Я знаю некоторых писателей: все они считают, что пишут гениально. А у него прямо наоборот было: он все время искал в своих текстах какие-то изъяны,

Еще на «папиросной» бумаге читал «Чонкина». Бумагу такую использовали, потому что можно было заложить в пишущую машинку двенадцать экземпляров, а не пять-шесть, как с обычной бумагой.

слова подбирал, следил, чтобы дважды одно и то же слово не повторялось, и, если находил, то всерьез расстраивался.

Удивительный человек был. Масштаб личности невероятный. Я уже говорил, что не мне судить о литературных достоинствах его произведений. Но я всегда восхищался им как очень цельным и очень хорошо понимающим окружающую жизнь человеком. И ещё. Он общался настолько по-свойски, что порой забывалось, что говоришь с действительно великим человеком, каковым я его всегда воспринимал. По его месту в литературе, по уровню самовыражения я считаю его равным Гоголю, Булгакову, Зощенко, Ильфу и Петрову. Он велик и по осмыслению времени. Я профессиональный управленец, много занимался экономикой и могу судить, насколько глубоко он разбирался в этих вопросах. Выяснилось, что он и классиков политэкономии читал, и Гелбрейта, и Оруэлла, и других. Оруэлла он иногда почти дословно цитировал, очень любил его «1984». Но, в отличие от Оруэлла, у Войновича жизнерадостная фантастика – с его

то нелегкой жизнью, с его пониманием всего того, что происходит у нас в стране, и куда это может привести...

Если же обсуждать «Чонкина» Войновича и «Швейка» Гашека, то исходя из того, как обычный, рядовой человек воспринимает жизнь, – а Чонкин и Швейк воспринимают жизнь как обычные люди, – эти произведения можно сравнивать, Чонкин и Швейк сопоставимы. Взять, к примеру, знаменитый портрет эрцгерцога Фердинанда, засиженный мухами: не важно, кто именно на портрете – этот эрцгерцог, или Ленин, Сталин, Путин. Отношение рядового человека к тому, кто изображен на портрете, – это важно. И так же важно, как именно обычный человек, посетитель кафе, независимо от того, где оно находится – в Австро-Венгрии, в Чехословакии, в России, на Украине, – реагирует на этот засиженный мухами портрет.

Владимир Николаевич с сарказмом говорил о тех деятелях, которые любят обсуждать так называемый особый путь России: сегодня они молятся на иконы и носят хоругви, а не так давно рушили церкви, ломали кресты и вешали попов. По нему можно изучать наше время: по Солженицыну сложнее, хотя он и Нобелевский лауреат, а по Войновичу можно изучать отношения между людьми. По глубине осмысления социально-политических процессов в нашем обществе в XX веке он сопоставим с Гелбрейтом (о котором я уже говорил, что Войнович его изучал) и другими выдающимися исследователями и публицистами. Но что касается оценки Войновича как общественно-политической фигуры, то я бы не стал акцентировать на этом внимание. Да, он действительно принимал активное участие в общественной жизни нашей страны. Но ведь сама общественная жизнь была настолько хилой и ограниченной, что вряд ли можно было что-то системообразующее сотворить. Для меня Владимир Николаевич прежде всего – великий писатель. Я не помню, кто из писателей придумал слово «авоська» и очень гордился этим. А сколько слов придумал Войнович! Слово «Перлигос» сейчас можно услышать на каждом шагу, а ведь это его слово, он его придумал. И таких находок в его произведениях очень много. А как он описал эту «великую» партию – КПГБ, Коммунистическая Партия Государственной Безопасности! Отец Звездоний – типичный ворюга, жулик, порождение

своего времени, и не важно – заседает ли он в парткоме, или вещает с амвона. При этом в реальной жизни к верующим людям и православным священникам Владимир Николаевич относился вполне уважительно. Когда мы с ним однажды побывали вместе в Костроме, я его познакомил с настоятелем большого православного храма отцом Иоанном, который вместе с матушкой и младшими детьми (старший сын учится в институте и живет в общежитии) живет при храме. Наряду со своей основной работой священник много занимается с местными детишками: организовал спортивные секции, возит их в краеведческие и художественные музеи. Владимир Николаевич с большим интересом и очень доброжелательно общался с отцом Иоанном, расспрашивал его о текущих делах и заботах. Мы также съездили на Костромскую ГРЭС – третью по мощности тепловую электростанцию России. И там Владимир Николаевич с неподдельным интересом слушал главного инженера станции, рассказавшего о её работе. В целом же в ходе той поездки я лишний раз убедился, что Войнович – не просто писатель, но писатель-исследователь. Уверен: если наша страна когда-нибудь начнет жить цивилизованно, Войнович войдёт в учебники, потому что без него, как сказал бы Андрей Платонов, наш народ не полный.

При этом формального образования у Войновича не было, он был, что называется, самородком. Но не случайно же, что и некоторые великие советские физики XX века не имели полного систематического образования – вспомним, например, лауреата Нобелев-

Если наша страна когда-нибудь начнет жить цивилизованно, Войнович войдёт в учебники, потому что без него, как сказал бы Платонов, наш народ не полный.

ской премии академика Зельдовича. Так же и Володя – очень многое постигал самостоятельно, за счет высокой восприимчивости к новому и огромной работоспособности, «схватывал» все буквально на лету. Я что-то начинал ему рассказывать – про инновации, нанотехнологии, он слушал очень внимательно, и я не раз потом убеждался, что суть вещей он усваивал точно и надолго. Только ему дашь

какую-нибудь книжку – через день он ее уже прочёл и все главное усвоил. Он не только ухватывал общую идею, но и вникал в очень специальные детали. Это, конечно, уникальная особенность, свойственная ученому.

...То, что он ушел, остается непостижимым. Мы с ним и с Ясиным¹ за несколько дней до печального события договорились встре-

В отличие от Оруэлла, у Войновича жизнерадостная фантастика – с его-то нелегкой жизнью, с его пониманием всего того, что происходит у нас в стране, и куда это может привести.

титься у меня дома. У меня кот и собака, у Войновича – собака Ньюша. Но мои звери и его Ньюша воспринимали друг друга хорошо, поэтому он всегда с ней приезжал... Возраст был уже, конечно, немалый. Но Володя стариком не был: всегда бодрый, жизнерадостный, готовый сняться с места, ехать куда угодно, чтобы увидеть что-то интересное и встретиться с новыми людьми. При том, что у него проблемы со спиной были уже много лет, он был фантастически лёгок на подъем. Однажды, помню, в музейном комплексе Нового Иерусалима открылась интересная выставка. Мы с Ясиным решили её посетить, я позвонил Войновичу и говорю: «Володя, вы знаете, открылась такая-то выставка, мы с Ясиным собираемся туда поехать». Реакция мгновенная: «Я с вами». А однажды мы вместе с ним и с нашими женами быстренько собрались и на субботу-воскресенье полетели в Черногорию. И там за два дня успели не только погулять по живописным набережным Тивата, Будвы и Петроваца, но и съездить в горы. И как же уважительно к нему в Черногории относились! Чтили. Вся интеллигенция к нему шла, когда мы приезжали. При том, что сам он не очень стремился там с кем-то встречаться, но его, тем не менее, встречали и провожали, постоянно приглашали куда-то. В этих поездках я обратил внимание и на то, как быстро он читал. Летим, к примеру, в самолете. Купили перед полетом книж-

¹ Е.Г. Ясин – российский экономист, государственный деятель, научный руководитель НИУ «Высшая школа экономики».

ку в киоске. Летим и читаем. Я ещё только половину прочёл, а он уже – всю книжку. Пробую ехидно задавать вопросы – он в ответ с улыбкой воспроизводит содержание книги на сто процентов: фамилии, имена, события. Может, это писательское свойство?

Он, конечно, пользовался и своими записями. У него были и новые, систематизированные, и старые, которые он делал ещё в советское время, используя какие-то специальными слова, шифры, чтобы не могли прочесть посторонние «доброжелатели». Но я, к сожалению, после встреч с ним записей не делал, хотя и понимал отчетливо, что общаюсь с великим человеком и великим писателем.

Он всегда поражал меня свежестью и актуальностью того, что делает и говорит. И устными высказываниями, и тем, что писал. И своей удивительной доброжелательностью. А ведь жизнь у него тяжелая была... Но он сохранил такое доброжелательное отношение и такую улыбку до последних дней. Он всегда был очень трезво мыслящим человеком и одновременно – романтично мыслящим. Удивительное сочетание. Но оно было. Удивительный был человек. Общаться с ним было счастье.

Маленький Володя Войнович

Военнослужащий. Может быть, здесь зарождается Чонкин?

Уже «он может сметь свое суждение иметь»!

В канун вынужденной эмиграции. Войнович действительно человек «без гражданства», человек мира

С женой Ириной и дочерью Олей

С Борисом Мессерером и Беллой Ахмадулиной

С Бенедиктом Сарновым

Книги он всегда любил читать

С Еленой Камбуровой (крайняя слева)

Стас Намин (третий справа): «Мы первыми поставили “Чонкина” еще в СССР – в мае 1989-го». Владимир Войнович – пятый справа

С основателями первой в Германии русскоязычной газеты «Европацентр» Светланой Березницкой и Юрием Зарубиным

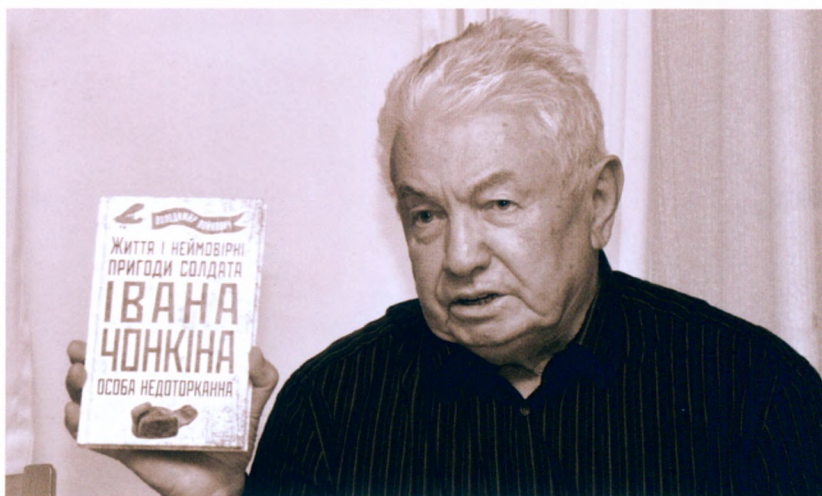
Автор «Чонкина» — на сцене экспериментальной студии Стаса Намина

С водкой «Чонкин». Детали приготовления – в знаменитом романе

С организатором и вдохновителем фестиваля искусств Artkipriada (о. Кипр) Татьяной Пугачевой

Книги Владимира Войновича переведены на 30 языков мира. В том числе на украинский

С журналистом Майей Беленькой

Изображая Ильича

Программа фестиваля искусств Artkipriada на о. Кипр включала рыбалку

«Золотая» рыбка. Сейчас Войнович ее съест

С Аркадием Аркановым

С Сергеем Никитиным

**С германским журналистом — автором книги
«Демократура Путина» Борисом Райтшустером**

С Вероникой Долиной

С Эдуардом Успенским (слева) и Борисом Львовичем

Творческий вечер в Центральном доме литераторов. 2017 г.

В домашней обстановке: супруга Владимира Войновича Светлана Колесниченко, собака Нюша на коленях своего лучшего друга и предприниматель, пионер российского авторынка Сергей Петров

День рождения режиссера Алы Суриковой (сидит в центре). Стоят справа налево: Армен Джигарханян, супруга Владимира Войновича Светлана Колесниченко, Владимир Войнович. Сидит крайняя слева певица Лариса Долина; стоит, обнимая ребенка, актриса Ольга Кабо

Вот таким я был лет 60 там
назад. Но это чепуха. А не
чепуха этот замечательный
гостеприимный дом, где
интереснейший г-н, где
откушал тархуновки с удовольствием
сил варениками, заку-
разил в себе желание
повторять это бесконечно.
В. Войнович

7.06.2014

Запись в книге посетителей экономиста Ирины Ясиной: «Вот таким я был лет 60 назад. Но это чепуха. А не чепуха этот замечательный гостеприимный дом, где нижеподписавшийся с удовольствием откушал тархуновки, закусил варениками, после чего развил в себе желание повторять это бесконечно. В. Войнович. 7.06.2014»

**С собакой Ньюшей, Даниилом Антоновичем Антоновым-Овсенко и его папой.
Декабрь 2017 г.**

Собака Ньюша была его любимицей, ее он поздравлял с 8 Марта наряду с супругой

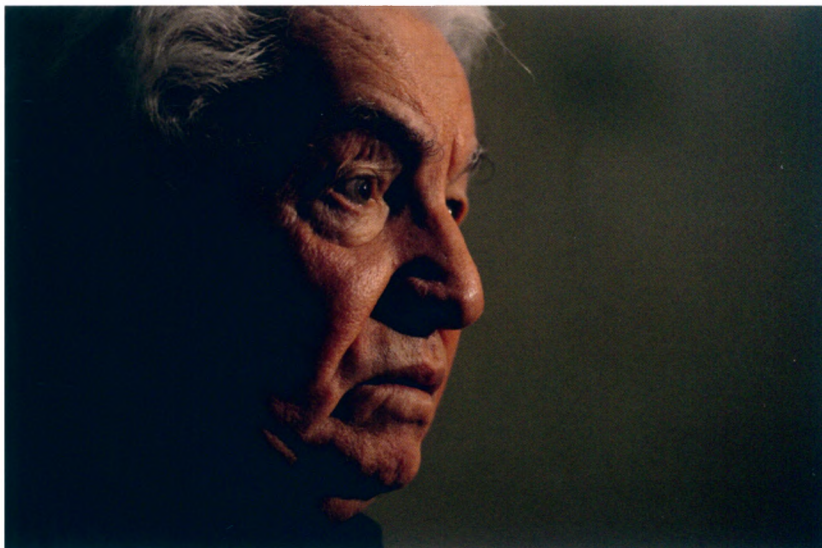
**На сцене Центрального дома художника на Крымском валу: он «памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет народная тропа».
Москва, декабрь 2017 г.**

Творческий вечер в Центральном доме литераторов. 2017 г.

Выражение «родные березки» никогда не было для него пустым звуком...

Владимир Войнович до последнего вдоха переживал за свою страну и за людей, проживающих в ней

Геннадий Хазанов. Артист эстрады, актёр театра и кино, телеведущий, общественный деятель, руководитель московского Театра эстрады. Народный артист РСФСР (1991), лауреат Государственной премии Российской Федерации (1996), полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством». Родился 1 декабря 1945 года в Москве. Окончил музыкальную школу им. Константина Станиславского по классу фортепьяно. После восьмого класса работал слесарем на радиозаводе. С 1962 года пытался поступить в театральные вузы Москвы, но оказался студентом Московского инженерно-строительного института, где начал участвовать в студенческой самодеятельности в качестве участника команды КВН: здесь появился сделавший его знаменитым персонаж «студента кулинарного техникума». В 1965 году поступает в Государственное училище циркового и эстрадного искусства (оканчивает в 1969), с 1967 года выступает на большой эстраде, в том числе работает конферансье в оркестре Леонида Утёсова (считает эту работу хорошей школой). Своим учителем считает Аркадия Райкина, который ещё в детстве оказал большое влияние на будущего артиста своим творчеством.

Геннадий Хазанов

Большой камень с хорошим чувством юмора

Для меня Владимир Николаевич Войнович – человек из какого-то другого мира. Я с ним познакомился, как мне кажется, в доме у человека, который ждал разрешения на выезд в Израиль. В Советском Союзе он был известен как Феликс Камов. На самом деле его фамилия Кандель, и он, слава Богу, жив, с 1977 года живет в Израиле: это один из авторов бессмертного мультсериала «Ну, погоди!» и человек, который эти два слова и придумал. Именно в его доме я познакомился с Владимиром Николаевичем – с Володей: я никак не мог понять, <как к нему обращаться>, и переходил то на «Володю», а то на «Владимира Николаевича», все зависело от того, сколько времени мы не виделись.

Он долго жил в Мюнхене, и когда уже вернулся, мы <вновь> стали общаться, но эпизодически. Я помню, как позвонил ему после прочитанной с наслаждением книги его воспоминаний «Автопортрет». Это, пожалуй, единственная книга такого объема, которую я за свою жизнь осилил. Я позвонил ему и сказал: «Знаете, Володя, я просто хочу вам выразить свое глубочайшее уважение». Потому что <по прочтении> книги возникает образ такой интересной личности, что, когда я про него думаю, <мне приходит в голову>: «Это надо же – как человек не побоялся в свое время пойти по дороге не восхваления Александра Исаевича Солженицына». Он это чувствовал предельно точно, и мне было очень близко его восприятие Александра Исаевича. Ведь мы <в России> любим бросаться из крайности в крайность, <именно поэтому> Александр Исаевич был назначен «иконой». И в этом смысле книга Войновича стала для меня большим откровением. <Откровением> стало и то, что есть человек, который, оказывается, формулирует то, что я ношу в себе.

Я вспоминаю свое первое знакомство с его творчеством. Это было в студенческом театре МГУ в середине 60-х годов. Молодой режиссер Марк Захаров сделал спектакль по его повести «Хочу быть честным». Я помню этот спектакль и помню, что он на меня произвел сильное впечатление. Уже от «оттепели» ничего не осталось, но вот это ощущение какого-то звука истины, звука правды от этого спектакля у меня осталось до сих пор – хотя почти ничего не помню, помню общее ощущение. Тогда и там я впервые услышал фамилию Войновича.

Конечно, я читал «Чонкина». Очень смеялся, и мне даже повезло в одной из версий «Чонкина» сниматься: я играл Сталина – этого сапожника по фамилии Сталин. Помню, с каким удовольствием я это делал. Я уж не знаю отношения Владимира Николаевича

Он всегда был таким, каким его сделали природа и родители, таким он и шел по жизни, – не стесняясь, не боясь ничего. Возможно, какие-то страхи его и посещали, но по нему это никогда не было заметно.

к той версии, которую реализовал Алексей Кирющенко¹. Поскольку Кирющенко человек очень одаренный, постольку соединение его дара с творчеством Войновича на поверхность выдало некий продукт. А потом в «Современнике» я с удовольствием смотрел спектакль «Кот домашний средней пушистости»: Гриша Горин написал пьесу по повести Войновича.

Мы в России любим бросаться из крайности в крайность... И в этом смысле книга «Автопортрет» стала для меня большим откровением.

Я вспоминаю, как он приходил и на мои сольные выступления в театр Эстрады. Это уже было после его возвращения из Мюнхена. Короткую беседу в комнате. Он такой был, как мне кажется, очень самодостаточный и очень цельный человек. Он мог нравиться, мог не нравиться. У него не было желания (да и способности) хамелеонствовать. Он <всегда> был таким, каким его сделали природа и родители, таким он и шел по жизни, – не стеснясь, не боясь ничего. И хотя, возможно, какие-то страхи его и посещали, но по нему это никогда не было заметно.

Он прожил долгую жизнь – 86 лет ему было, когда он ушел, серьезный возраст. И он остался в моих ощущениях как какой-то большой камень с хорошим чувством юмора.

¹ Алексей Кирющенко – российский и украинский актёр, кинорежиссёр, сценарист и продюсер: см. его мемуары о совместной работе и встречах с Владимиром Войновичем в этой книге ранее.

Виктор Шендерович. Журналист, прозаик, поэт, драматург, сценарист, теле- и радиоведущий, сатирик, либеральный публицист, педагог. Лауреат премии Московской Хельсинкской группы (2010). Лауреат премии «Золотой телёнок» «Клуба 12 стульев» «Литературной газеты» (1991), лауреат «ТЭФИ-96» в номинации «Событие года», лауреат премии «Золотой Остап» (1996), премии «Золотое перо России» (1998). Родился 15 августа 1958 года в Москве. В 15 лет поступил в Театральную студию Олега Табакова, учился в режиссёрской группе, играл в нескольких спектаклях. Окончил Московский государственный институт культуры по специальности «режиссёр самодеятельных театральных коллективов» (1980), стажировался в Театральном училище им. Б.В. Щукина по специальности «педагог по сценическому движению» (1988), в течение семи лет преподавал сценическое движение в Российском институте театрального искусства (ГИТИС). Автор книг и множества публикаций в прессе, миниатюр для Геннадия Хазанова. С 1992 года – член Союза писателей. На телевидении – с 1992 года: как сценарист документальных фильмов-портретов (о Зиновии Гердте и Геннадии Хазанове), в 1995–2001 годах – сценарист программы «Куклы» телекомпании «НТВ»; в 1997–2002 годах – худрук и ведущий программы «Итого»; в 2001–2002 годах – автор и ведущий цикла «Здесь был СССР» на ТВ-6 и др. В 2003–2008 годах – худрук и ведущий программы «Плавленный сыр» на радиостанции «Эхо Москвы»;

с 2017 года – главный участник ежемесячной беседы «Шендерович как есть» на телеканале «Дождь». Со времён работы на НТВ последовательно критикует политику Владимира Путина по ступи президента России.

Виктор Шендерович

Честное слово

Этот текст был написан шесть лет назад, на восьмидесятилетие Владимира Николаевича. Я имел счастье прочитать его в юбилейном застолье...

Он и пишет просто, и при общении, на невнимательный взгляд, кажется человеком простоватым. Эдакий Чонкин – улыбочка с хитре-

цей, но никакого постмодернизма. «Все на русском языке», как сформулировал Твардовский, в «Новом мире» которого, почти полвека назад, начинал свой путь молодой Войнович...

Та ранняя повесть называлась «Хочу быть честным».

Нехитрое, кажись, желание, – на исполнении которого, однако, ложится костью поколение за поколением... Ну, не получается у нас белое называть белым, и особенно – черное назвать черным! Ну, так... разве только отметить отдельные недостатки на несомненно прогрессивном пути... при полной поддержке основ, с намазом в сторону ныне текущей идеологии...

Тем более что и белое, если присмотреться, не совсем белое, правда? Да и вообще, все мы серенькие, чего там. Ну, вот и ладушки.

По-человечески, все это очень понятно и даже уютно. Но сатирик – неуютная должность. Дежурный по сторонам света, он отказывается подкладывать родной топор под этический компас. Он твердо знает правильное направление.

Сатирик – неуютная должность. Дежурный по сторонам света, он отказывается подкладывать родной топор под этический компас. Он твердо знает правильное направление.

Он хочет быть честным.

Естественное желание в двадцать лет, обнадеживающее – к «тридцатнику», когда была написана та повесть... Не забытое к восьмидесяти годам, – это желание кажется уже уникальным! Таких людей и снаружи от литературы по пальцам перечесать, а прибавьте к свойствам честной души способность вызывать в согражданах целебный смех...

Владимир Николаевич Войнович – национальное достояние России. Если бы мы были японцами, то вставали бы и кланялись при его появлении всей нацией. Но мы не японцы, и пускай юбиляр скажет спасибо, что его хотя и травили в прямом и переносном смысле, но все-таки не сгноили насмерть, как некоторых товарищей по нравственному императиву.

Муза Войновича – здравый смысл. Но понятия о добре и зле перевернуты, и чтобы вернуть миру гармонию, писатель встает на уши. И оказывается сатириком.

Казенная форма становится идеальным сосудом для ясной мысли, – и минус, помноженный на минус, взрывается положительным зарядом здорового смеха!

«Позвольте через вашу газету выразить мое глубокое отвращение ко всем учреждениям и трудовым коллективам, а также отдельным товарищам, включая передовиков производства, художников слова, мастеров сцены, героев социалистического труда, академиков, лауреатов и депутатов, которые уже приняли или еще примут участие в травле лучшего человека нашей страны – Андрея Дмитриевича Сахарова».

Владимир Николаевич Войнович – национальное достояние России. Если бы мы были японцами, то вставали бы и кланялись при его появлении всей нацией.

Войнович написал это в январе 1980 года – и, написавши, отправил в газету «Известия». Если бы он в жизни не сделал ничего, кроме этого, его имя уже осталось бы в истории страны – как образец твердой человеческой нормы в эпоху скособоченных представлений о приличии.

То есть практически в любую эпоху.

Испытание единством коварнее испытания враждой. Там было проще: вот Сахаров, вот Брежнев, и ошибиться невозможно! А тут – кругом вроде бы свои, и слова звучат правильные, но топот стада заставляет сатирика посторониться и подождать, пока осядет пыль.

И начать формулировать – уже про «своих».

С той же обманчиво простоватой улыбкой, с той же точностью этических оценок.

И страшновато уже совсем по-новому, потому что и друзей убавится, и врагов прибавит, но что поделать – надо! Надо, если хочешь «жить не по лжи», как сформулировал другой большой русский пи-

сатель, – что не спасло его от парадоксальной судьбы: стать персонажем Войновича...

Сатирик, к сожалению, ошибается редко.

Не ошибся с главным прогнозом и автор новой антиутопии, разве что чуть промахнулся со сроком: отец Звездоний, во всей красе краснознаменного православия, явился не запыхавшись на тридцать лет раньше предсказанного.

Увы. Сатирик не может предотвратить, – он может только предупредить...

Евгений Ясин. Экономист, государственный и общественный деятель. Доктор экономических наук, профессор, научный руководитель НИУ «Высшая школа экономики». Президент фонда «Либеральная миссия». Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (с 2018). Родился 7 мая 1934 года в Одессе. Окончил Одесский гидротехнический институт (1957), экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (1963). Трудовой путь начал в 1957 году мастером на мостопоезде. С 1989 года – заведомом Госкомиссии по экономической реформе при Совете Министров СССР, с 1991 года – в Научно-промышленном союзе СССР (Российский союз промышленников и предпринимателей); в ноябре 1991 года создал Экспертный институт РСПП, одновременно работал полномочным представителем Правительства РСФСР в Верховном Совете РСФСР. Член Совета по предпринимательству при Президенте РФ (1992), руководитель рабочей группы при Председателе Правительства РФ (1993), глава Аналитического центра при Президенте РФ (1994), министр экономики РФ и министр «без портфеля» (1994–1997). Кавалер орденов «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, ордена Почета, медали П.А. Столыпина I и II степени и др.

Евгений Ясин

Жизнь на другом уровне

Сначала я познакомился с Войновичем как с писателем: прочитал его книги, которые были изданы ранее. Причем Войнович как человек и писатель существовал до того, как в нашей стране начались события, связанные с приходом к власти Горбачева: эти события складывались в несколько этапов, и нельзя о них не сказать.

Я бы выделил четыре этапа. Первый этап – это Горбачев, второй этап – это Гайдар, третий этап – это Ельцин, четвертый этап – это Путин. Чтобы объяснить, почему я «выпячиваю» Гайдара, нужно начать с Горбачева. Горбачев начал. Он решил, что, используя свою позицию генерального секретаря, затем президента, сможет реализовать важные перемены в России. Они были направлены не столь-

ко на революционные преобразования, сколько на реформаторство. Параллельно были две заметных фигуры – Ельцин и Гайдар, причем, с моей точки зрения, самым важным человеком во всех этих переменам был Гайдар. И во времена Ельцина он был главным по переменам, потому что он был источником той идейной пищи, которой он наполнял перемены в нашей стране. У меня с ним должны были быть особые отношения, мы играли одну и ту же роль и были похожи друг на друга, потому что мы видели и оценивали события, влиявшие на развитие страны, больше каких-то других людей. Но я предпочитаю говорить о себе в связи с Егором скромно, потому что, повторяю, считаю, что в перечисленной выше четверке он играл исключительно важную роль.

Были предприняты меры, которые не оказали позитивного воздействия на развитие страны. Это в значительной степени связано с установками высших руководителей, прежде всего самого Владимира Владимировича.

Третий этап – Ельцин. Роль этого человека некоторым образом двойственная, но в целом я бы сказал, что положительная.

После этого, <после Ельцина> наступает время еще одного героя нашей истории – Путина Владимира Владимировича. Эта ипостась не столь положительная, с моей точки зрения, и последствия этой ипостаси для нашей страны еще рано оценивать.

Все эти этапы неизменно сопровождаются творчеством Войновича. На меня произвела большое впечатление книжка «Москва 2042» и затронула судьба солдата Чонкина – эта книга уже была известна, затем с либерализацией общественных отношений ее издали в России, и она стала еще более известной, появилась у меня дома... Я говорю это к тому, что происходящее в стране я оценивал в том числе с позиций творчества Войновича – в том числе то, что происходило во времена Ельцина, у которого есть свои проблемы. И хотя в дальнейшем он (Ельцин) двигался по наклонной, но тем не менее в направлении, с которого начал еще во времена председательства в Верховном Совете <РСФСР>. Это, безусловно, позитив-

ный герой. Но было и много того, что называется – «дров». Помните Скуратова¹, которого взяли и засунули в постель к дамам – на что многие мужчины, между прочим, согласились бы. Но на этом его поймали и начали делать <политические выводы>. И я должен сказать, что при всем том, что я с большим пиететом, с уважением отношусь к Ельцину, именно за это я его не уважаю. Все-таки надо быть мужчиной. А не брать пример с деятелей ЦРУ и им подобных. А в качестве сюжета это очень согласуется с Войновичем, с его творчеством – потому я об этом и вспоминаю.

Последнее, самое продолжительное правление, которое я наблюдал², это был Путин Владимир Владимирович. Он не совершал действий, которые себе позволял в последние годы <нахождения у власти> Борис Николаевич, но это было движение назад. Все его правление было движением назад. Сделать вывод о том, что мы

Мы должны вкладывать в образование, в здравоохранение намного больше. Это должна быть другая политика, в большей степени ориентированная на то, что делали Гайдар и Ельцин.

можем опереться в положительном смысле на те события, которые имели место в последние двадцать лет, я не могу. Чем дальше я наблюдаю все события, начиная с Гайдара и оканчивая нашим нынешним президентом, я вижу, что это не похоже на то, как мы себе все представляли (где «мы» – это я как представитель своего времени) – как мы себе представляли события революции в России, которая избавляется от коммунизма. В происходившем есть разные оттенки, но с позиции людей моего времени это не самые предпочитаемые оттенки и не самые предпочитаемые результаты. Можно высоко оценивать результаты деятельности Владимира Владимировича Путина, но прежде всего – с точки зрения личных результатов, с точки зрения завоевания позиций в истории своей родины. И здесь Войнович, особенно его «Москва 2042», оказывается не про-

¹ Ю.И. Скуратов – Генеральный прокурор РФ в 1995–2000 гг.

² Прошедшее время – по оригиналу. Очевидно, Е.Г. Ясин полагает время В.В. Путина в целом оконченным – ред.

сто «кстати», а пророческой: он описал то, что происходит сегодня, задолго до того, как оно начало происходить, он все это предвидел с удивительной точностью.

Судьба нас свела, и мы стали общаться лично после его возвращения – когда само имя Войновича стало распространяться публично в России. И чем дальше, тем теснее мы общались. Наша дружба началась с событий, которые происходили во взаимоотношениях между нашим дорогим Владимиром Николаевичем и нашим замечательным режиссером Эльдаром Рязановым. Они жили рядом друг с другом на даче и круто поссорились: долгое время не разговаривали друг с другом и тому подобное. А я разговаривал и с одним, и с другим. Но сложилось так, что наши взаимоотношения с Владимиром Николаевичем развивались в более благоприятной среде: наш второй герой болел все время, и чтобы общаться с ним, нужно было преодолевать врачей. А незадолго до смерти Рязанов получил разрешение врачей на встречи, мы стали видеться все вместе, Владимир Николаевич сделал шаги к сближению, и в свои последние дни Рязанов уже был предан идее о том, что спорить и состоять в неприязненных отношениях с Войновичем – это глупость. Что мы должны – как отпечатки нового времени и особенно оглядываясь на наших жен, дружить и любить друг друга...

Потом мы встречались в разных составах – прежде всего у Владимира Николаевича дома в сопровождении соответствующей кухни, в том числе вместе с семьей Якова Уринсона, с которым мы дружим и проживаем по соседству. Вскоре моя супруга ушла из жизни, и я приезжал к Владимиру Николаевичу один или с дочерью. У нас были общие друзья, в том числе Сергей Петров, который сыграл важную роль в развитии российского капитализма (сейчас он в Австрии³).

У Владимира Николаевича был свой, специфический подход к осмыслению новых этапов в развитии России, к знакомству с явлениями, которые, быть может, будут развиваться дальше. Он этому посвящал свою работу.

...Я сейчас сидел и думал: как эти люди (путинские, я имею ввиду) доведут Россию до расвала, до распада, и как это все будет выгля-

³ Подробности – в материале «Рукописи не горят» Ирины Петровой – ред.

деть, потому что представить себе линию подъема я не мог... Сейчас по итогам 2018 года мы должны считаться с некими явлениями подъема. Но это сложности нашей жизни. После того, как мы избавились от Ельцина, мы ожидали подъема от Путина. Но мы не дождались. Мы просто перешли в жизнь на другом уровне. Это у нас все-таки капитализм, это не социализм. Он не хорош, у него какие-то русско-китайские признаки, но это нечто иное. Все это мы в том числе обсуждали с Войновичем вместе. При этом я – экономист, Уринсон тоже экономист. Мы были ближе к своей части, но мы <с Владимиром Николаевичем> как-то интересно дополняли друг друга. Как и мой земляк Михаил Жванецкий – юморист и сатирик, так же не чуждый нашему другу Владимиру Николаевичу. Это не важно – чем мы друг от друга отличались. Нас тянуло друг к другу, потому что мы были значимыми величинами – каждый в своей области. С другой стороны, нам были интересны работа и увлечения таких примечательных людей, как Владимир Николаевич, который был одним из самых близких моих друзей. С ним мы и по телефону размышляли над темами, которые нас мучали и волновали. Различия в профессиях отступали на задний план, а нам всегда было, о чем поговорить, и было интересно.

Нам с Владимиром Николаевичем хотелось бы добиваться поворота в сторону свободного, демократического развития экономики, чтобы стало больше конкуренции.

Например, мы должны вкладывать в образование, в здравоохранение намного больше. Это <должна быть> другая политика, в большей степени ориентированная на то, что делали Гайдар и Ельцин. С зарплатой вы⁴ стремитесь добиться изменений с помощью количественных показателей. Но это зарплата, и есть даже какие-то достижения в пенсиях. Но когда вы собираете все вместе, то оказывается, что доходы отстают. И это в большей степени отражает то, что делают действующие власти, а не то, что должен был бы делать в большей степени в своих интересах бизнес. Мы должны были бы учитывать процессы

⁴ Е.Г. Ясин обращается как бы к действующей власти – ред.

развития нашей страны, учитывать те предложения, с которыми ходили демонстранты в начале 2012 года. Но эти предложения не были учтены, а, наоборот, <была предпринята> попытка подавления. И то, что было сделано в 2014 году, – я вынужден обратить внимание на это, – что делалось за рубежом, я имею ввиду Украину. Но делалось многое и внутри страны, были предприняты меры, которые не оказали позитивного воздействия на развитие страны. Это в значительной степени связано с установками высших руководителей, прежде всего самого Владимира Владимировича. А нам с Владимиром Николаевичем хотелось бы добиваться поворота в сторону свободного, демократического развития экономики, чтобы стало больше конкуренции. Каждый человек, который принимал участие в первых шагах, в развитии новых институтов в России, повторил бы <то же самое>. Делается <в этом направлении> недостаточно, и <то, что делается, происходит> с ориентацией на определенный слой, на персональные фигуры, это какие-то «свои», и это ориентация на систему, в значительной степени сохраняющую советские черты. А нормальной, демократической и конкурентной системы, которая способна в большей степени содействовать развитию экономики, мы пока не получили. Но это нельзя делать и без демократии в целом. И это ключевой вопрос, который стоит перед теми людьми, которые в России в это время занимаются политикой. Я уже не могу об этом говорить, потому что я уже слишком пожилой человек, мое время ушло, но те люди, которые по возрасту должны заниматься такими вещами, они должны бы, мне кажется, <понимать>, что это их проблема, серьезная проблема, и выбирать более конкурентную, более демократическую политику. Это то, что пока не получается, и это то самое, чего так хотелось Войновичу...

Потом мы вдруг узнали, что наш друг Войнович Владимир Николаевич умер среди ночи. И я теперь часто хожу и думаю: повезло, наверное, Володе – умер и все, не мучился. Это произошло как-то кинематографично: сходил в лес, собрал грибы, сварил самогон, пожарил грибы, сел за стол, поел и через два часа – нет. И мы поняли, что дальше мы будем встречаться с нашим другом только при посещении его могилы. Что я и делаю периодически. Там же и моя жена – ее могила неподалеку.

Ирина Ясина (дочь Евгения Ясина). Экономист, публицист, правозащитник. Вице-президент фонда «Либеральная миссия», член «Комитета 2008». Родилась 18 мая 1964 года в Москве. Окончила экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1986). Начальник департамента по связям с общественностью Центробанка РФ (1990-е); в 2000–2006 годах – глава общественных структур Леонида Невзлина и Михаила Ходорковского («Открытая Россия» и др.); сотрудник Института экономики переходного периода (с 2006). Член Президентского совета по развитию гражданского общества и правам человека (2008); член Наблюдательного совета сбора пожертвований для издания доклада «Путин. Коррупция» (2011). Лауреат премии журнала «Знамя» за автобиографическую повесть «История болезни», в которой рассказано об опыте преодоления тяжелого недуга (рассеянный склероз) (2011). Объявила о выходе из состава Президентского совета по развитию институтов гражданского общества и правам человека в знак протеста против фальсификации результатов выборов в Госдуму РФ 4 декабря 2011 года (2011). В своем выступлении на протестном митинге на Болотной площади присоединилась к требованию освободить политзаключённых (2012).

Ирина Ясина

Как зарождается сюжет

Владимир Николаевич сохранял какую-то уникальную способность приспособливаться к новому и его воспринимать. Я не могу похвастаться долгим знакомством <с ним>, но меня всегда покоряла его абсолютная включенность в современный контекст. Знаете, как это бывает у пожилых людей... вот у них был момент взлета; допустим, это Владимир Николаевич до высылки из Союза. И, вроде, пожилой человек должен это все время вспоминать. Он выбирает себе такой жизненный пик, когда он был известен и могуч, героичен. И именно про это время у него самые лучшие воспоминания. А у Войновича было совершенно наоборот. Он вообще не рефлексировал таким тягучим старческим образом про прошлое, но был все время устремлен

вперед. И вот эти его замечательные последние произведения – веселые, остроумные, искрометные, которые были написаны и были поставлены в театре. Вот этот его Перлигос¹ – это вообще..! Мне казалось, что в таких очень зрелых годах человек должен, вроде так положено, – пусть не должен, а обычно так бывает, – писать что-то серьезное, философское, осмысливать свою жизнь. Может, Войнович и осмысливал, но насколько веселы, насколько искрометны эти его произведения! Причем из ничего! Он рассказывал нам, каким образом <у него зарождались сюжеты>. Мы сидели у них дома: он со Светланой и Нюшей на коленях, Яков Моисеевич Уринсон с женой, Сережа Петров с женой и мы с папой. Он нам читал главы из Перлигоса и рассказывал, как он родился, как он все придумывал. Все появилось, насколько я помню, из-за того, что его на скорой везли из Ватутинок в Москву, в Склифосовского. И скорая надолго остановилась: кого-то

Насколько Войнович молодой, совсем молодой. И по движениям, и по тому, как он вкусно ел, и по тому, как он шутил, это был абсолютно молодой мужчина.

пропускали <из высших должностных лиц>, горел красный светофор. И из этого, из такой ерунды его живое, просто юношеское воображение придумало весь этот упоительный парад. Когда мы слушали, как Владимир Николаевич читал нам все это, то хватались за животы от смеха, у женщин текла косметика, щипало глаза. Было совершенно потрясающе. Это было совсем, совсем недавно...

Знаете, как обычно говорят, когда человек уходит: «Ну, все-таки пожил, хорошо пожил. Нечего бога гневить». В случае с Войновичем абсолютно не приходит в голову говорить, что он «пожил». В нем был такой невероятный жизненный запал, которого хватило бы, по моему ощущению, лет еще на 20. Поэтому его уход был просто как гром среди ясного неба...

Еще я вспоминаю позапрошрое лето². Это было последнее лето, когда был жив Эльдар Александрович Рязанов. У них, видимо, в ка-

¹ Герой романа Владимира Войновича «Малиновый пеликан».

² Лето 2017 г. (позапрошрое от создания этих строк).

кой-то момент, ближе к 90-м, была размолвка, и они не общались³. Войнович говорил об этом. А потом, когда было последнее лето жизни Эльдара Александровича, мы несколько раз имели возможность сидеть за столом и с тем, и с другим. И было видно – насколько Войнович молодой, совсем молодой. И по движениям, и по тому, как он вкусно ел, и по тому, как он шутил, это был абсолютно молодой мужчина.

...Я «Чонкина» прочитала в конце 80-х – начале 90-х. Только-только появился «Чонкин» на супердешевой бумаге – какое-то «помоешное» издание, но оно тем не менее тогда появилось: кто-то

Он не рефлексировал таким тягучим старческим образом про прошлое, но был все время устремлен вперед.

быстро напечатал, по-моему, в 89-м году. А буквально перед уходом, прошлой весной мы с Войновичем встретились здесь, у меня в доме. И я говорю: «Владимир Николаевич, я нашла старую книжку, подпишите мне». Естественно, в те годы, <когда вышел впервые его «Чонкин»>, – где была я и где был он, у нас не пересекались пути. И теперь я увидела, как ему приятно, что этот «Чонкин» куплен не сейчас, а бог знает когда – когда только-только стало возможно его купить и читать в Советском Союзе. И мне тоже как-то тепло стало – когда я увидела, что ему это приятно, что книжка старая...

А еще у меня есть такой альбом дома, где разные гости расписываются и что-то рисуют. Владимир Николаевич тут свой портрет нарисовал⁴.

³ Подробности – в воспоминаниях В.Б. Смехова в этой книге.

⁴ См. фото.

Владимир Войнович.

Неопубликованное

Альтернатива

Есть светлая у жизни сторона
И сторона, что светлости противна.
Альтернативен Богу Сатана,
А жизни смерть всегда альтернативна.

Нет, наша жизнь не так уж и сложна:
Простое принимается за сложность,
Но у любой возможности всегда
Есть и альтернативная возможность.
Альтернативны зло с добром,
И ненависть любви альтернативна.

Вещий Олег

Вот снова к походу сигнал протрубил
Олег по прозвищу «Вещий».
Считался он вещим, поскольку любил
Чужие присваивать вещи.

К тому же он был пребольшой демагог –
О мире всегда тараторил,
Вторгаясь при этом, как мог, под шумок
В пределы иных территорий.

Вот он объявляет дружине своей
Приказ: «Собирайтесь, братцы!
Наденьте доспехи, седлайте коней,
Пора кое с кем разобраться.

Пора отправляться в военный поход,
Навстречу боям и победе,
Нас ждет с нетерпением братский народ,
Любимые наши соседи.

Поля их потопчем, дома их сождем
Им братскую помощь окажем.
И братских потом перетрахаем жен
И дочек их тоже уважим.

Нам новой победой прославить пора
Истории нашей скрижали».
И крикнула дружно дружина: «Ура!» –
И радостно кони заржали.

С дружиной своей в цареградской броне
Князь по полю едет на верном коне.
Пора нанести им внезапный удар,
Чтоб волю к ответу ослабить.
Пора нам, ребята, хазар и татар
Побить, разорить и пограбить...

С добычей потом возвращался домой
Пил водку, а может быть, брагу.
Слегка отдохнув, снов рвался он в бой,
Свою созывая ватагу...

Вот я писатель

Вот я писатель. Сижу, пишу, как говорится, нетленку, но что-то все время отвлекает. То просят дать интервью по какому-то поводу. В одном случае я отказался, в другом звонит приятель: у него племянник только что поступил на работу в важную газету, ему надо как-то себя зарекомендовать, так вот нельзя ли... Короче, соглашаюсь. Сорок минут даю племяннику интервью, где-то что-то не так сформулировал, где-то племянник не так передал мою речь. Он присылает мне текст, я его еще полдня переделываю. Потом дядя мне звонит с благодарностью: материал племянника признан лучшим материалом недели. Потом у кого-то из близких по возрасту день рождения. Продираться сквозь пробки на другой край Москвы очень не хочется, но если не приеду, именинник обидится. Кто-то просит прочитать книжку, написать отзыв, предисловие. Кому-то отказал, кому-то уступил, опять занимаюсь не тем. И все это, между прочим, бесплатно. И всякие юбилеи, презентации, куда идешь не потому, что тебе хочется или нужно, а чтобы приглашающего не обидеть. А еще – это уже просто валом идет – похороны и поминки. Мое поколение уходит, уходит, почти уже никого не осталось, а если сам еще задержался, то надо ж подумать о том, что и времени почти не осталось, и, если не затухло желание еще что-то успеть, постарайся не отвлекаться на постороннее. И вот уже, кажется, освободился от всего, что мешало, сел за компьютер, опять звонок: где-то кого-то ни за что посадили, просят подписать петицию или выступить самому. Или началась война за какую-то территорию, которая, как мне кажется, никому не нужна. Я, конечно, не государственный человек и, может быть, даже не патриот, но я об этой территории думаю так, что, когда она была не нашей, мы ей за умеренную плату пользовались, когда хотели, и сейчас за ту же плату можно получить примерно то же самое.

Есть такой украинский анекдот. Идут по степной дороге Петро и Микола. Видят, на дороге куча, извините, говна. Петро говорит: «Слухай, Микола, давай поспорим на тысячу гривен, шо я эту кучу съем». Микола согласился поспорить. Петро кучу съел. Идут дальше. Петро доволен, Микола переживает, что потерял тысячу гривен. Тут опять куча. Микола говорит Петру: «Давай поспорим на тысячу гри-

вен, шо я эту кучу съем». Пospорили, Микола съел, Петро расплатился, идут дальше, думают, оба переживают. Микола решил выразить свои сомнения вслух: «Слухай, Петро, вот мы с тобой съели гомно. Ты съел кучу, и я съел кучу, а яка нам с того выгода?» Мне кажется, это относится к случаю со съеденной территорией. Ну ладно, территорию съели, но, позарившись на другую, напоролись на сопротивление. С той стороны и с этой погибают молодые, еще не видевшие жизни солдаты и невоюющие люди обоих полов и всех возрастов от младенческого до глубоко старческого. Рушатся дома, крушатся судьбы, одни люди гибнут, другие остаются без рук, без ног, без глаз. За что, про что? Никакие провозглашенные причины не заслуживают таких жертв. Видя все, это трудно промолчать. Но я же писатель, я творец. К тому же стар и болен и – хватит, навоевался. Что толку в том, что я выступлю и что-то скажу. Ни одной человеческой жизни не спасу, но себе навредить могу. Да, у нас еще есть кое-какая свобода (очень урезанная) выражения мнений. Остаются площадки (их не было в советское время), где можно высказаться прямо и безнаказанно. За мнения прямо никого не наказывают. Но мы же все видим, какая у нас общая атмосфера, как власть и подконтрольные ей СМИ (то есть все, кроме тех, кому выделена скромная квота на инакомыслие) относятся к сегодняшним «поющим не в ногу».

Я думаю, мало кто сомневается, что где-то в каких-то кабинетах создаются проскрипционные списки, которые до времени копятся и в какой-то час X будут задействованы. А для некоторых уже и сейчас время пришло. Люди как-то волнуются, гnevаются, протестуют, выходят на малочисленные демонстрации, митинги и на одиночные пикеты, некоторых выборочно сажают или портят им жизнь как-то иначе, но и те, кого до поры до времени не трогают, знают, что они находятся в зоне риска. Ну, может быть, им больше нечем заняться. А мне есть чем, я писатель. Я пишу книги, которые читают, может быть, миллионы людей. У меня талант, который есть не у каждого. Никто не сделает того, что могу я один, и поэтому меня надо беречь. На демонстрацию или одиночный пикет может выйти кто угодно. Но никто, никто не сможет написать то, что могу только я. Никто на свете, только я один.

Эти мои размышления навеяны смертью Фазиля Искандера. Он умер, меня некоторые СМИ (немногие) просили сказать о нем что-ни-

будь, я сказал кое-что. Теперь скажу больше. Он был на три года старше меня, но в наших отношениях это не имело никакого значения, то есть мы практически одно поколение. Когда-то мы довольно тесно дружили сами по себе и домами. Ходили друг к другу в гости, угощали и угощались, читали друг другу новые тексты и обменивались комплиментами. Потом пробежала некая тень (подробности опушу), отношения надолго разладились. Но это не повлияло на мое отношение к его текстам. Меня сейчас спросили, как я оцениваю потерю писателя Искандера. Я сказал и здесь повторю, что эта потеря невосполнима. У нас сейчас писателями называют всех, кто что-то пишет, дешевый детектив, политический текст или рекламу какого-нибудь напитка, таких писателей тьмы и тьмы, их не отличишь друг от друга, но есть такие, которых в любое время по пальцам пересчитать, каждый из них создает свой неповторимый и ни на кого не похожий мир. Такого писателя не может заменить никто. Мир, созданный Искандером, не мог бы создать ни Толстой, ни Чехов, ни Пушкин – никто, кроме Искандера. Он создал свой язык, свой стиль, своих героев, свою страну, похожую на Абхазию, но это все-таки не Абхазия, а (можно назвать ее так) Искандерия. Миллионы людей его прочли и еще, я надеюсь, будут читать, восторгаться его фантазией, его героями и антигероями, его мыслями, его шутками и афоризмами, и он этого вполне заслужил. Но...

Без «но» не получается. На его похоронах, где я по уважительной причине отсутствовал, как мне передавали, была высказана мысль, что Искандер был настоящий писатель и потому не лез в политику. Ну да, не лез. Было время, когда лез, а потом перестал. На волне перестройки опять полез, а попозже опять перестал. Хотя что такое политика в наших условиях? Вот вы идете вдоль речки и видите – кто-то тонет и вызывает о помощи. Вы бросаетесь в речку и с риском для себя самого спасаете тонувшего. Можно ли назвать это политикой? А если вы пытаетесь защитить кого-то от неправых гонений, если некоего человека, близкого вам или неблизкого, преследуют, сажают в тюрьму или творят над ним иную расправу, а вы за него вступились, не смотря на осознание того, что и с вами могут поступить точно так же, это не политика. Это что-то другое. Мое поколение еще застало времена, когда расправы над людьми чинились не только специальными органами, а всеми людьми, которые назывались обществен-

ностью. Типичный случай: вашего коллегу на собрании коллектива обвиняют в чем-то, в чем он не виноват. Все знают, что он не виноват, но всем говорят, что виноват, и каждый должен согласиться с этим поднятием своей руки. Не буду говорить о тех, кто виноват. А о тех, кто будут оголтело – из карьерных соображений, личной ненависти, или просто потому что подлец, горячо поддерживать заведомо ложное обвинение. Но большинство, подавляющее большинство к этой категории не принадлежат, и в душе все против творящегося беззакония. Но каждый думает: если я проголосую против и даже просто воздержусь, то я этого человека не спасу, а сам стану следующей жертвой. Страх заставляет его пренебречь голосом совести, и он голосует вместе со всеми. Потом он будет страдать, пить водку или еще как-нибудь еще глушить свою совесть. Но среди множества людей попадаются отдельные, которым тоже страшно, но совесть и стремление к справедливости не позволяют им участвовать в коллективном уничтожении человека. Такому человеку тоже может быть страшно, но совесть требует от него перешагнуть через страх, и он поднимает свою дрожащую руку против. «Не могу молчать» Толстого – это не политика. Это крик души. В конце шестидесятых годов прошлого века диссидентское движение началось с того, что Искандер тоже выступал в защиту гонимых людей. До какого-то времени. Потом, когда всех писателей-«подписантов» наказали, многие стали уклоняться. Какое-то время и я уклонялся, полагая так, что этим людям, которых сажают, я помочь никак не могу, а себе наврежу – это точно. И держал себя за глотку. Потом перестал и был произведен в звание диссидента. Что касается Фазиля, то он тоже никаких писем больше не подписывал, но потом принял участие в создании альманаха «Метрополь». Это была не такая героическая затея, как нам задним числом выдают ее участники, но тем не менее двух писателей – Ерофеева и Попова исключили (не успев принять) из Союза писателей, Липки и Лиснянская из солидарности сами из Союза вышли. Аксенов вышел из Союза и уехал в Америку. Другие – Искандер, Битов остались и подверглись долгой опале. Я встречал в это время Фазиля, и кое-какие вещи мы с ним обсуждали. Ему, свободолюбивому, честному и совестливому кавказскому человеку многое, что происходило в стране, не нравилось, но он сжал зубы и молчал. Наш общий

друг Бен Сарнов однажды рассказал ему о жизни одного из диссидентов, о жизни в условиях постоянной слежки. Он сказал: «Я бы так не смог». Короче, он уклонялся от выступлений по острым вопросам. Последнее время он, как я слышал, много болел и, может быть, вообще не очень воспринимал происходящее. А ты что ж, Николай Глазков? Аль забоялся? Забоялся. Но внутри него (он же был гордый кавказский человек) все бушевало. Происходящее в нем было, может быть, тем, что Александр Бек назвал «сшибкой» – когда характер требует сказать правду, а страх вынуждает смириться с ложью. Может быть, от этого была его душевная болезнь, которой он страдал.

Но как бы то ни было, он создал целый мир. Его выступления в защиту кого бы то ни было имели очень маленький КПД, и если бы их было даже намного больше, его основные заслуги оценивались бы не ими. Есть люди, вроде Пети Верзовенского, которым вообще наплевать на любого писателя, на любой талант, и гражданские подвиги они ценят намного выше художественного слова. Я помню, одна ярая диссидентка советовала Окуджаве разбить прилюдно гитару и высказать свое отношение к советскому строю и правам человека. Если бы Булат последовал ее совету, то окончил бы жизнь в лагере или психушке и прослыл бы героем, но мы не услышали бы многих его песен, которые он к тому времени еще не сочинил.

Это я к чему? К тому, что Фазиль Искандер был замечательный писатель – создатель своего неповторимого мира. Когда-то он участвовал в гражданском протесте. Но, если бы даже совсем не участвовал, его мир остался бы его миром. Его участие, как и участие почти любого другого (кроме, может быть, Сахарова и Солженицына), не изменило бы несколько хода истории. Его публицистика не могла бы ни в малейшей степени соперничать с его прозой. А если представить себе, что он вообще оставил бы свое писательство, погрузился бы в пучину борьбы – ну и что? Стал бы одним из множества диссидентов. Одним из, но единственным в своем роде. Значит, имел право уклониться от борьбы, имел. И любой писатель имеет.

Может быть, и правда слишком сильно отвлекался и отвлекаюсь, когда пора уже не только себя самого, но и время, уходящее сквозь пальцы, поберечь. Всегда был и остаюсь сторонником компромисса. Без компромисса вообще невозможна жизнь

в человеческом обществе. Но до какого уровня должен доходить компромисс, это каждый человек сам за себя определяет. В каждом нормальном человеке существуют черты, определяющие линию его поведения. Это честолюбие, инстинкт самосохранения, совесть. Страх и отчаяние. Но, даже если ты, допустим, писатель, ты живешь в своем мире, ты гордишься своими достижениями. Ну так и гордись. Но наши художники слова – они же хотят еще слыть правозащитниками, но защищать не своих соотечественников, а каких-то других в каких-то других странах. Раньше защищали Анжелу Дэвис и Манолиса Глезоса. Если ты писатель, а защиту прав своих сограждан считаешь политикой, так сиди и пиши, пестуй и развивай свой талант, доводи до совершенства свое мастерство. Зачем тебе этот Пен-клуб, защищать свое право защищать условную Анжелу Дэвис и условного Манолиса Глезоса, проявляя полное равнодушие к жертвам режима в собственной стране, это, дорогие художники слова, очень некрасиво.

Госдура

Терпел, терпел и не вытерпел. Почти по Толстому (не этому, а тому): не могу промолчать. Вот эта Поклонская, смазливая эта девица, она ведь депутат, бывший прокурор, генеральского звания. И вот она пишет о фильме, которого, между прочим, не видела. Но видеть его и необязательно, потому что такого фильма, который бы соответствовал всем ее обвинениям, вообще создать физически невозможно. Никакому гению не под силу. Причем эти обвинения – при всем моем почтении к уму, званиям и знаниям Поклонской – ну это просто, как говорится, бред сивой кобылы. Ну, бывает, девушки в период полового созревания пишут в своих дневниках какие-нибудь стишки или высказывания из мира мудрых мыслей вроде «Любовь – это бурное море, любовь – это злой океан». Некоторые вырезают откуда-нибудь и вклеивают фотографии своих недоступных кумиров: киноартистов, спортсменов и даже венценосных особ. Эта выбрала себе Николая Второго. Но если уж такой полет фантазии, и это все написать... то написала

и разослала в Генеральную прокуратуру, в «Эхо Москвы». Но если бы не ее звания, то ее мыслями никто не стал бы засорять страниц никаких изданий. Но тут что происходит? Генеральная прокуратура разбирает, эксперты изучают, кинематографисты пишут протесты, православные диверсанты готовят горючие материалы для поджога кинотеатров. Ну, если бы мы существовали в нормальном обществе...

Если всерьез относиться к ее званиям, к ее положению, к ее мудрым мыслям, тогда следует привлечь к уголовной ответственности за покушение на Конституцию РФ и, в частности, за покушение на свободу слова, свободу самовыражения и художественного вымысла, свободу совести, разжигание ненависти и склонение религиозных экстремистов к насильственным действиям. Или если у нее что-то не в порядке с умственными возможностями – к примеру, у нее недостаток излишка ума, то тогда оказать ей психиатрическую помощь и установить, что она не соответствует занимаемому месту.

А если принять всерьез закон о легализации семейного насилия, то там, в парламенте, в дружной семье наших депутатов отшлепать ее по-отечески, крепко, но без синяков, чтобы не позорила нашу замечательную госдуму, которую из-за таких поклонских некоторые недалекие люди, включая известных телеведущих, называют госдурой.

Господа подхалимы

Хорошо, что у нас президент скромный и не хочет нарушать конституцию и, воспользовавшись своим теперешним положением, продлить самому себе заранее срок своей службы на высшем посту. А если бы захотел, что бы ему помешало? Верхняя палата или нижняя? Не смешите. Проголосовали бы «за» и дружно. Продлив службу срочную, можно потом перейти на сверх- или бессрочную, ограниченную только регламентом, отпущенным волей Всевышнего. С присвоением по мере накопления власти всяких званий – воинских, научных, литературных и прочих.

Отказ президента от продления срока можно считать похвальным, но то, что время от времени вопрос о продлении ставится, гово-

рит о том, что наша демократия висит на ниточке доброй воли одного человека, который пока способен не поддаваться соблазну. Что, может быть, не так-то просто искушаемому придворными угодниками ежедневно и ежечасно.

Когда-то, когда Гарри Трумэн стал президентом Соединенных Штатов, его близкий друг вместо того, чтобы немедленно новоизбранного облизать и назвать высокопревосходительством, сказал ему приблизительно так: «Гарри, теперь, когда ты достиг таких высот, у тебя найдется много горячих поклонников, которые скажут тебе, что ты очень умен, мудр, велик и вообще прекрасен во всех отношениях. Но ты этого всерьез не принимай, ведь мы с тобой знаем, что это не так». Гарри это замечание вряд ли понравилось, но он голову другу не отрубил и даже на Аляску его сослать не посмел. Вообще в этих самых демократиях, с которых мы пробуем брать пример, не достигая в этом больших успехов, высших чинов похвалами не очень-то балуют и чиновники с этим мирятся. Я недавно в Германии, сидя перед телевизором, следил за дебатами в бундестаге по какому-то горячему поводу. Выступавшие в прениях нападали на Герхарда Шрёдера справа и слева, хихвостили его в хвост и в гриву и предлагали немедленно уступить власть другим, более умным. Бедный канцлер потел, краснел, но терпел. Некоторые, впрочем, его хвалили, но никому не могло прийти в голову предлагать ему остаться у власти сверх конституционного срока. Он и минимальный-то срок один кое-как продержался, а до конца второго вряд ли дотянет. Говорят, у нас две беды – дороги и дураки. А подхалимов к какой отности категории? Они ж не по дурости льстят высшему начальнику, восхваляя его внешний вид, голос, осанку, походку или улыбку, посвящая ему панегирики, рисуя портреты и вешая их, где ни попадя.

Кстати, насчет портретов. Рассказывают, что однажды, при Николае Первом, приключилась такая история. Некий подданный его величества, назюзюкавшись в кабаке, как тогда говорили, до положения риз, сильно шумел и выкрикивал непристойности. Ему указали на висевший на стене портрет царствующей особы и попросили в присутствии государя-императора не выражаться. На что он вроде ответил: «Нас..ть мне на вашего императора». Гром с неба не грянул, но полиция появилась. Сквернослов был немедленно аресто-

ван, быстро судим и приговорен к битью шпицрутенами. Поскольку наказание это было хуже смертной казни, дело дошло до царя, а он, ознакомившись с приговором, высочайше начертать соизволил: «Передайте этому олуху, что мне на него тоже нас..ать, а местным властям – чтоб моих портретов по кабакам больше не вешали». Нет, льстецы – они вовсе не дураки. Они народ очень сообразительный, находчивый, но льстят по-разному. Некоторые вроде персонажа из сказки Шварца режут правду-матку в глаза: вы, ваше величество, гений. Граф Аракчеев называл себя преданным без лести, то есть льстил потоньше. Сталин собственными усилиями, но при поддержке льстецов был произведен в корифеи всех наук, воспет в стихах, в прозе и в бронзе. Брежнев до генералиссимуса не дослужился, зато стал кавалером ордена Победы и лауреатом высшей литературной премии. Хвалами, расточаемыми руководителю государства, льстецы стремятся его растлить, укрепить во мнении о собственной непогрешимости и в правильности решений, часто губительных для страны и народа. Мы над льстецами смеемся и пишем о них статьи в газетах чаще всего беззлобно, не сознавая того, что подхалимаж на нашей почве – это преступление, достойное отдельной статьи Уголовного кодекса.

Лесть в глаза начальству, особенно высшему, из соображений личной выгоды (а других соображений у подхалима не бывает) я бы приравнял к даче взятки должностному лицу при исполнении им служебных обязанностей. А попытку изменения конституции в угоду какой бы то ни было личности следует уподобить покушению на основные государственные устои.

2005

Депутат Пизулина

Депутат Пизулина любила часто выступать и при этом несла такую ахинею, что все эти фейсбучные хомяки, или как их еще называют, немедленно растаскивали ее, как Грибоедова, на цитаты. Ее слова, повторенные другими людьми и прочитанные заново, казались ей в самом деле настолько глупыми и смехотворными, что она подавала

на цитировавших в прокуратуру. Ей казалось, что ее слова при первом оригинальном прочтении звучали хорошо и мудро, а при повторении другими людьми, оставаясь неизменными, наполнялись смыслом, не имевшим ничего общего с вложенным изначально. Цитаты ей в самом деле казались бредовыми настолько, что она не могла так сказать. Прокуратура, естественно, много времени тратила на проверки, но они ни к чему не приводили.

Неглиже

Живя на нижнем этаже,
Она ходила в неглиже,
А он жил выше этажом
И занимался шантажом.
Писал в Е.Ж., писал в Ж.Ж.,
Что даме в нижнем этаже
Ходить негоже в неглиже.
Но там и там его уже
Давным-давно послали в ж...

О, господи, возьми меня к себе!
Возьми всего – со всеми потрохами,
С ошибками моими и грехами –
Что дама в возрасте уже,
А все же ходит в неглиже.

О власти

Нормальная власть ни в ком не нуждается. Слабая опирается на тех, кто хочет ей угодить. Но они за нее цепляются, пока она не пойдет на дно, как пойдет – так отцепятся.

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Фактор Мурзика (продолжение)

Народ у нас скромнен, аскетичен и терпелив. Он терпит капризы погоды и житейские невзгоды и готов обходиться малым. Считая, что всякая власть от бога, он терпел триста лет татарского ига и триста лет крепостного права. Семьдесят с лишним лет терпел советскую власть, включая такие ее подробности, как продразверстки, коллективизацию, и когда власть объясняла ему, почему на пути к светлому будущему он должен затягивать ремень, и когда особо туго приходилось – корову отбирали, за колоски сажали, за анекдот расстреливали, он все терпел. Не всегда понимал, почему с ним так обращаются, но исходил из соображения, что там наверху, наверное, знают, что делают, а нам этого знать не дано. Там сидят не с нашими головами. Помнится, во время временных продовольственных трудностей, которые никогда не кончались, потребитель, войдя в магазин и не обнаружив многого из того, чего ему в данный момент хотелось, молча вздыхал и выбирал из того, что было, то есть почти из ничего. А если иной раз и случалось ему посетовать на то, что чего-то там не хватает, то тут же находились весьма голосистые особи, чаще всего женского пола и преклонного возраста, которые воспринимали желание их согражданина купить за умеренную цену кусок колбасы определенного сорта неуместным капризом и корили такими примерно словами:

– Ишь, какой народ то пошел, разборчивый. Дай ему эту колбасу, а не эту. Зажрались! Забыли, как в войну лебедой питались, Ленинградскую блокаду не помнят.

И гражданину становилось действительно стыдно, потому что блокаду он и правда не помнил, потому что родился попозже. И желание протеста пропадало, и он продолжал терпеть, исходя из соображения, что плетью обуха не перешибешь, шилом море не согреешь, и в блокаду жили хуже, чем сейчас. А также полагая, что мы такие особенные, мы духовные, мы православные, мы привыкли к покорно-

сти, за нами триста лет татарского ига, триста лет крепостного права, и вообще мы дураки, чем и гордимся.

В сумасшедшем девяносто первом году народ проснулся. Потому что люди действительно схожи с баранами. Человек – животное стадное. Всякое стадо легко поддается внушению. Охотно идет за жокаками. Люди делятся на ведомых (большинство) и готовых вести. Если Его научили. Надо выбегать вперед и попытаться возглавить. Кто первый выскочит и громче других будет кричать, за тем толпа и пойдет. Когда толпа подступила к зданию КГБ и готова была его штурмовать, он выбежал и указал толпе на Дзержинского как на источник всех бед. Толпа яростно накинулась на железного истукана, снесла его и исчерпала свой бунтарский потенциал. Так что проснулся народ на короткое время и опять заснул, решив, очевидно, что теперь, когда приведенными им к власти оказались другие люди, все будет хорошо и славно. Эти новые люди тоже не с нашими головами, теперь-то уж точно наладят нашу общую жизнь, все у неразумного государства отберут, между нами по справедливости поделят... Однако и эти ожидания не оправдались, и, пропивши выданный ему в насмешку ваучер, человек впал в новую спячку. Последние годы терпел вертикаль, терпел малые заработки и убогую пенсию, терпел милицейский беспредел. Рост безработицы, цен, инфляции и количества олигархов. Понижение уровня жизни. Малые зарплаты и пенсии и большие цены на жилье, воду и электричество. Домов строилось много, а жилищные проблемы не решались. Из четырнадцати оставшихся инвалидов Отечественной войны трое жили еще в коммунальных квартирах, двое в бараках, а один и во все в коровнике, куда его выселила родная дочь. А еще что было? А скажите – чего не было? Были и чиновничий произвол, и взятки, и откаты. Народ нищал, чиновники богатели. Дороги были ужасные, а министр дорожного строительства построил себе виллу такую, что какой-нибудь арабский шейх позавидовал бы. А что касается порядка на наших дорогах, то выезжающий на них рядовой гражданин чувствует себя как штатский человек, попавший на войне на линию фронта. Потому что очень много развелось начальников от губернатора и до какого-нибудь районного прокурора, для которых никаких правил движения не существует. Эти со своими блатны-

ми номерами, сиренами, мигалками и крикалками носятся по всем дорогам по своим большим и интимным надобностям, не обращая внимания на дорожные знаки и сигналы светофоров и выезжая, когда надо и не надо, на встречную полосу, а то даже и на тротуар, что кончается для них разными неприятностями вроде сбития пешеходов и столкновений со встречными автомобилями. Только за последние два года случилось не меньше десятка ДТП с участием наших випов. На автобусной остановке судья Послушникова сбила двух студенток. Одна студентка погибла на месте, другая осталась калекой. После долгого разбирательства следствие пришло к выводу, что виноваты были сами студентки, потому что стояли у самого края дороги. Упомянутый выше министр дорожного строительства задавил пенсионерку Чиркову. Судебно-медицинская экспертиза показала, что старушка умерла от инсульта, поразившего ее еще до наезда на нее министерского автомобиля. Получалось даже так, что она по дороге шла уже в состоянии клинической смерти. Не далее как в конце прошлого года один начальник милиции на своем БМВ 750 столкнулся на встречной полосе с «жигулями» шестой модели. Начальника спасли подушки безопасности, а водителя и пассажира «шестерки» подушки не спасли, потому что их на «шестерке» не было. А где сейчас тот начальник милиции? В тюрьме. Ему сначала объявили о неполном служебном соответствии, а потом перевели в тюрьму. Начальником. Это я перечисляю только последние случаи, а сколько было предпоследних – не сосчитать.

Все, кому было что украсть, крали. Брали взятки или давали, или у одних брали, а другим давали. Работники шарикоподшипникового завода тащили с завода шарики и подшипники, работники мясокомбината тащили мясо. Тащили деньгами. Как существовала такая система, понять невозможно, но как-то она существовала. Доктора брали взятки у пациентов и брали так дорого, сколько ни один честный пациент заплатить бы не мог.

А что же наши люди? Неужели они об этом всем не знали? Как не знать! Знали, конечно. И даже иной раз выражали возмущение. Но где-нибудь дома, на кухне, между собой. Вполголоса. За что сами себя прощали, говоря: «А что мы можем сделать? Мы люди маленькие. Мы чего-нибудь вякнем, еще хуже будет. И что толку в наших

протестах. У нас всегда так было. Так было, так есть и будет». Успокаивали себя, что и так жить можно.

Помогали народу все терпеть вера в идеалы -изма, и в тех людей, которых писали через черточку, которая потом заменилась верой в Бога и в президента. Президента все любили. Ну не все, а почти все. За исключением некоторых отдельных, которые почти незаметны. И шла за ним слава собирателя земель русских. Спортивный, непьющий, набожный, скромный, решительный. Потому сразу дали ему карт-бланш. Взять власть в свои руки согласился, потому что ну не было никого лучше.

Но вот стали его критиковать и систему им созданную тоже, и в печать, которая не совсем заглохла, стали проникать факты, сплетни, слухи и домыслы. Взрывы домов, и вокруг беспредел. Стали смотреть на него без розовых очков, стали шептаться, потом все громче, стали гневаться, а потом и смеяться. Появились всякие бунтари, радикалы, отчаянные головы, которые чуть что – выходили на улицы с протестами. В одиночку или по пять-шесть человек выходили с плакатами, на которых писали всякие возмутительные призывы: Россия без молока, Россию без чего-то не отдадим, не забудем, не простим, Нет полицейскому беспределу, Начальника на нары, и все в таком духе. Собирались в самых неподходящих местах, мешали дачникам, кортежам – в общем, сильно мешали. Их разгоняли, судьи давали им разные сроки по пять-десять-пятнадцать суток. С ними обращались по-хорошему. Ну, иногда били дубинками по башке. А в общем народ терпел и веселился, пока не случилось. Бывает так, что человек терпит, терпит, и вдруг какая-то малая капля переполняет чашу терпения, и он звереет.

А случилось вот что. Престарелый кот Мурзик, беспородный, но очень умный, принадлежавший гражданке Коноплевой, жившей по проспекту Маршала Погребенько, дом 60/12, в городе Закедонске Закедонской области, переходя дорогу с соблюдением правил ПДД и на зеленый свет (будучи в силу возраста подслеповат, он все же светофор видел и цвета различал), был задавлен автомобилем марки «Порше Кайен», а потом во время похорон внезапно выскочил из гроба и скрылся. После чего (или в результате) на Маршала Погребенько образовалось кровосмешение и волнение, переметнувшись,

как пламя во время лесного пожара, с закедонской окраины в самый центр отчизны. Но это стало понятно не сразу и не всем.

Накануне приехал к президенту в гости старый его товарищ Феликс Бормодиянов. Пожаловался президент старому товарищу на журналюг этих проклятых, которые достали его.

– Ну что ж ты хочешь, – отвечал товарищ, – гласность – это ж такая вещь, что с ней надо считаться.

– Да какая у нас гласность? Черт ти что. Вспомни, было время. Границы закрыты, цензура тотальная, вся информация только из газеты «Правда», которая печатает только то, что хочет и не печатает, чего не хочет. Тотальная безгласность. Вот это было время.

Действительно, в таких условиях власть может позволять себе все. Любого человека, любое количество людей объявить японскими шпионами, польскими лазутчиками, вредителями, отравителями вождей и колодцев, посадить, расстрелять. Общество, которое не знает никакой иной информации, не может себе представить, что столь красочные обвинения могли быть просто выдуманы какими-то пропагандистами, следователями или журналистами, воспыхает праведным гневом. Оно слушает, оно внимает, оно проникается ненавистью к осуждаемым и кричит: «Расстрелять как бешеных собак!» Ни больше ни меньше. Оно не видит никаких оправданий этим ужасным злодеяниям, этим чудовищным замыслам и не знает наказания этим злодеям справедливее, чем расстрел. Так бывает при полном отсутствии гласности. Но, если гласность существует хотя бы в умеренном виде, с ней надо считаться. Нельзя совершать поступков, возмущающих многих людей даже в том случае, если люди молчат. Они молчат, но запоминают и копят недовольство, пока оно не достигнет краев того сосуда, которое называется терпением. Как достигнет, так хлынет через край и так может хлынуть, что уже не остановишь ничем. Старик Макиавелли говорил когда-то, что правитель должен опасаться довести свой народ до ненависти и презрения к себе.

– Я тебе скажу, – продолжал Бормодиянов, – главное – опасайся быть смешным. Когда услышишь о себе язвительный анекдот, посмейся. Когда услышишь второй, насторожись, когда услышишь третий, считай, что твоя песенка спета. Когда народ начнет волноваться, тогда уже будет все хорошее принимать за плохое, ни одному

слову не поверит, на любое слово обидится. К примеру, перевернули машину с полицейскими. Полицейских сил оказалось недостаточно, а недостаточные бежали. Сместили министра МВД, а его заместитель объявил, что они с народом, и в отношении власти и народа вмешиваться не будут. А когда полиция не вмешивается, тогда власть становится беззащитной. Народ подступил к Кремлю. Президент приказал министру обороны выдвинуть войска. Министр приказал войскам выдвинуться. И пошло-поехало.

В два часа ночи президенту позвонили. Звонок принял дежурный офицер подполковник Бутыркин. Сначала долго не мог понять, что ему говорят, потом включил радио «Голос Москвы» и только после этого пошел будить главного начальника. Хотя был приказ никогда не будить. Будить только в чрезвычайных случаях, как-то: вооруженное нападение, звонок президента Соединенных Штатов Америки или Полины Потапкиной. Народное восстание регламентом предусмотрено не было. Президенту припомнили все: и вертикаль, и то, что выборы провел не так, как надо, и что с женой не живет.

Президент, правда, с некоторых пор жил один. Его жена, не выдержав тягот и лишений положения первой леди, покинула его и ушла в монастырь, оставив его одного. Президент, несмотря на то, что вел здоровый образ жизни, был человеком нервным, страдал бессонницей, принимал много снотворных, засыпал с трудом и спал слишком чутко. И тут – такое.

- Звонил председатель ФСБ, сообщил что в городе восстание.
- Чо, чо, чо? – спросонья переспросил президент.

Он любил свою родину и потому хотел стать президентом пожизненно и даже дольше, полагая не без оснований, что в стране нет никого, кто любил бы страну больше него. Его бескорыстие было общеизвестно. Образ жизни – тоже. С утра пробежка, работа на тренажере и с гантелями, холодный душ и завтрак – овсяная каша на воде, половина розового грейпфрута и растворимый кофе без сахара и молока. У него был тяжелый день. Не какой-то особенный, а обыкновенный тяжелый. Поездка на птицефабрику. Встреча с президентами четырех республик. Встреча с руководством правящей партии. Подписал два соболезнования по поводу смерти крупного ученого и известной актрисы. Подписал четыре поздравления с юбилеями.

Принял чрезвычайного и полномочного посла Республики Чад по его просьбе. Дал интервью британскому еженедельнику. Завтракал, обедал и ужинал. Проголупал собаку. Массаж. Постель. И тут – такое.

Какой-то наглец задавил кота, и все вдруг поняли, что так жить нельзя. Нельзя терпеть этот произвол, этот беспредел на дорогах, это обворовывание чиновниками народа, эти бесчестные суды, эту безнаказанность полицейских бандитов. Началось долгое противостояние. Руководитель левого марша Алексей Молодцов объявил сухую бессрочную голодовку. Именем Мурзика. Не забудем, не простим! По телевидению выступил ведущий программы. За честные выборы. Россия без... Парламентская демократия. Тут присоединились лимоновцы, Партия пива, Партия безалкогольных напитков. Партия кваса. Объединение «Квасной патриот». Весть о том, что на Маршала Погребенько в Закедонске в честь Мурзика собралось большое количество народа, облетела Интернет. В столице в ту же честь собрались все, кто хотел бороться. Флэшмоб. Прибежали защитники животных. Зверски убит кот Мурзик. И не важно, куда он потом делся. И убит ли. Если бы он сам попал под машину, это бывает, но тут речь идет о наглom поведении. Водитель скрылся с места преступления. Они скоро нас всех сделают мурзиками. Даже не подумал остановиться. Простим мы ему: да или нет? Нет. Отомстим мы ему: нет или да? Да. Арнольд же Либерастов выступал все время за мирное решение проблемы. Ни в коем случае не революция. Ни в коем случае не беспорядки. Мы законопослушные мирные граждане, мы выдвигаем законные требования и предлагаем власти к ним прислушаться.

Власти прислушались: Президент Российской Федерации внял доводам оппозиции, устыдился и подал заявление об увольнении по собственному желанию. Увольнение выглядело приблизительно так. Прислушавшись к протестам и критике граждан, я пришел к выводу, что действительно, то есть они меня убедили, что я пришел к власти нелегитимным путем. Исследовав то, как прошли президентские выборы, изучив соответствующие доклады председателя избирательной комиссии, министра внутренних дел, прокурора и прочих лиц, ответственных за проведение избирательной кампании, я пришел в ужас от того количества и качества нарушений во время выборов, которые происходили на территории России, а еще хуже на некоторых национальных террито-

риях, где число поданных за меня голосов иногда переваливало за сто процентов. Поняв все это, я испытал чувство жгучего стыда и понял, что нахожусь не на своем месте. Что по существу с возложенными на меня обязанностями не справляюсь. И, кроме того, должен признаться, что за время моего нахождения на высоких постах я был не всегда щепетилен в отношении государственных средств, как находящихся в бюджетном обороте, так и поступающих от наших торговых сделок по продаже нефти, газа, золота, алмазов и других полезных ископаемых. Поэтому я обращаюсь к народу Российской Федерации с просьбой освободить меня от обязанностей президента Российской Федерации. Все средства, добытые мною незаконным путем, а также все лично принадлежащее мне имущество, кроме двухкомнатной квартиры и автомобилей «Жигули», «Нива» и двух прицепов, я намерен вернуть государству. Прошу не судить меня слишком строго. Попробуйте встать на мое место, кто из вас не соблазнился бы появившимися возможностями. Прошу учесть, что мое раскаяние является добровольным, чистосердечным и глубоким. Что касается моей дальнейшей судьбы, то я готов служить родине, как и прежде, выполнять работу, которой был обучен в высшей школе КГБ, бороться с разлагающим влиянием госдепартамента и иностранных разведок. Вести работу с гражданами, готовыми встать на путь враждебных действий против своей страны, искать, находить, разоблачать и подвергать суровому наказанию тех, кто полностью предался врагу, и чье исправление маловероятно. Понимаю, что с этим заявлением я должен был бы выступить по главным каналам федерального телевидения, но мне очень стыдно появляться перед народом.

Это заявление висело на президентском сайте и вызывало бурю откликов. Было перепечатано двумя отечественными газетами и некоторыми зарубежными.

По всей стране началось всенародное ликование. Масса народу высыпала на улицы, остановив движение автомобилей, автобусов, троллейбусов и трамваев. Такой радости в России не было после 9 мая 1945 года. То, что было полностью парализовано движение общественного транспорта, никого не заботило, кроме тех, кто нуждался в срочной медицинской помощи. Некоторые из последних так и умерли с выражением восторга на устах. Общего митинга не было, но были малые бурные митинги на каждом перекрестке.

Радость одних омрачалась желанием других найти пособников прежнего режима, провести люстрацию, наказать всех, но первые благоразумно возражали, говоря, что наказать всех невозможно, наказать одних и не заметить других будет несправедливо, а поэтому лучше не наказывать никого. Сторонники же наказания на это возражали резонно, что этих преступников надо наказать хотя бы для того, чтобы те, кто когда-нибудь, сочтя обстановку благоприятной, тоже будут нарушать права человека, так вот надо чтобы каждый такой потенциальный преступник знал заранее, что он не застрахован от возмездия.

Что касается воровства первого лица, то была создана специальная комиссия, представленная высшими чинами светской власти и патриархии и возглавлявшаяся патриархом. Он на заседании комиссии предложил не судить бывшего президента слишком строго.

– Ну давайте, – сказал он, – разберем по существу и по совести. Да, воровал он, а кто из нас не ворует, ну поднимите руку, я хочу посмотреть на того единственного в нашей среде, если он найдется. Мы все по мере возможности что-нибудь подворовываем. Митрополит Профирий подал реплику, что ну да – ворует, но в не в таких же размерах, а что больше других, так у него ж и соблазн был такой, какого мы не испытывали. Это ж такое искушение, перед которым, представьте себе, кто из вас мог бы наверняка устоять.

– Конечно же не в таких, поскольку таких возможностей не имеем.

Митрополит Профирий жил в отдельной трехэтажной келье с европейским ремонтом. Про него говорили, что он торгует водкой, табаком и недвижимостью. Говорили, но никто не верил, что его троюродная сестра не сестра его вовсе, а просто сожительница. Но в это никто не верил, потому что митрополит был величественен и крестился на все, что можно. В первый раз она колебалась: мол, как же так, грех ведь, батюшка, на нас же кресты.

– А ты его сними, а как согрешим, то опять наденем, а надевши – покаемся.

Пока обсуждали, вдруг он появился. Оказывается, он никакого заявления не писал, а какие-то злоумышленники взломали президентский сайт и там разместили это заявление, которое сами же и сочинили.

От редактора

Как писал Владимир Войнович

Владимир Войнович начинал и продолжал писать один и тот же текст, описывая одно и то же событие, по несколько раз, каждый раз добавляя новых подробностей, меняя имена, названия улиц и населенных пунктов, оттачивая до блеска стиль и лексику речи. И каждая из таких частей представляет из себя самостоятельное, самоценное произведение.

Подробности вообще были фирменным «коньком» Владимира Войновича. Его ученица Виктория Токарева рассказывала, что, когда она впервые принесла Войновичу пример своего текста, он посоветовал ей побольше обращать внимания на подробности. Будущая писательница в следующий раз принесла Войновичу поправленный с учетом этого совета текст, он ее похвалил и заметил: «Знаешь, я всем советую одно и то же – обращать внимание на подробности, но не все понимают, что нужно делать».

Примером выдающегося стиля работы писателя стали впервые публикуемые здесь два варианта продолжения знаменитой повести «Фактор Мурзика».

Вариант 1

«Народ у нас скромн, аскетичен и терпелив. Он терпел все что можно и что нельзя. Он терпел татарское иго, крепостное право, советскую власть и много чего еще. Иногда терпенье его кончалось, и он бунтовал и даже совершал революции, после чего замирал надолго и опять все терпел. При советской власти терпел продразверстку, коллективизацию, раскулачивание, голод, сталинский террор, шел под расстрел за политический анекдот, получал сроки за колоски и все терпел, терпел, терпел. Последний раз не терпел в 1991 году. А потом продолжил терпеть, исходя из соображения, что плетью обуха не перешибешь шилом море не согреешь и в блокаду жили хуже, чем сейчас. А также полагая, что мы такие особенные, мы духовные, мы православные, мы привыкли к покорности, за нами триста лет татарского ига, триста лет крепостного права и вообще мы дураки, чем и гордимся...».

Вариант 2

«Наш народ скромн и терпелив. Он терпит капризы погоды и житейские невзгоды и готов обходиться малым. Считая, что всякая власть от бога, он терпел триста лет татарского ига и триста лет крепостного права. Семьдесят с лишним лет терпел советскую власть, включая такие ее подробности, как продразверстки, коллективизацию, и когда власть объясняла ему – почему на пути к светлому будущему он должен затягивать ремень, и когда особо туго приходилось – корову отбирали, за колоски сажали, за анекдот расстреливали, он все терпел. Не всегда понимал, почему с ним так обращаются, но исходил из соображения, что там наверху, наверное, знают, что делают, а нам этого знать не дано...».

Войнович Владимир Николаевич

ЗА РОДИНУ!

Неопубликованное

Корректоры – Князюк О.А., Русакова О.Е.
Компьютерная вёрстка – Зиновьева Е.В.

Подписано в печать 12.09.2019
Гарнитура MinioPro Формат 60х90/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.печ.л. 31
Тираж 1100. Заказ № 03522-19.

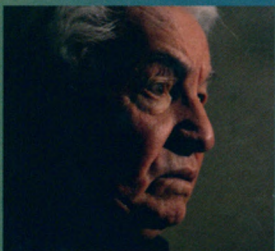
ООО «Издательство «ПЛАНЕТА».
г. Москва, ул. Тверская, д. 20, стр. 3, офис 5.
Тел. 8 (495) 740-43-91.
www.planeta-izdat.ru, e-mail: info@planeta-izdat.ru

ISBN 978-5-6042767-5-4

9 785604 276754

Отпечатано в типографии
ОАО «Подольская фабрика офсетной печати».
г. Подольск, Революционный проспект, 80/42.
Тел.: 8 (4967) 69-97-22, 8 (4967) 69-97-29.
E-mail: zakaz@pfop.ru

Владимир Николаевич Войнович (26 сентября 1932 г., Сталинабад, Таджикская ССР – 27 июля 2018 г., Москва, Россия). Происходит из знатного сербского рода Войновичей, давшего России несколько генералов и адмиралов. Классик мировой литературы, дуайен (старшина) европейской сатиры. Русский

писатель, поэт, драматург, живописец. Прозаические и стихотворные произведения переведены на более чем 35 языков. Лауреат Государственной премии РФ, почётный член Российской академии художеств. Всесоюзную известность получил с написанием песни «Я верю, друзья, караваны ракет...» (1960), ставшей неформальным гимном космонавтов, всемирную – с выходом за рубежом первой части трилогии «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Служил в армии, работал плотником на железной дороге, строителем. Поступал в Литинститут, проучился полтора года на истфаке педвуза, работал на Всесоюзном радио. Принимал участие в правозащитной деятельности, в результате чего в 1980 г. был выслан из СССР, в 1981-м лишён советского гражданства; до середины 2000-х гг. проживал в Германии. Автор знаменитых на весь мир произведений – повестей «Мы здесь живём», «Хочу быть честным», «Дело № 34840» (по «мотивам» отравления автора сотрудниками КГБ), «Иванькиада», «Фактор Мурзика», «Два товарища», романа-антиутопии «Москва 2042», романов «Деревянное яблоко свободы», «Монументальная пропаганда», «Малиновый пеликан», «Автопортрет», фантазмагории «Антисоветский Советский Союз», «Замысел» и др.